

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (26) 2017

**INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2017

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (26)
Июль 2017**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург,
ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 17.07.2017 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 14,14

Тираж 300 экз.

Заказ № 65311

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,

ул. Первомайская, 77Ж

Тел: 8 (800) 333-61-20

http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Ю.Г. Ершов** – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **К.В. Киселев** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **Н.А. Комлева** – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия); **О.В. Коркунова** – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыанов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (Уральский экономический университет, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л.М. Андрухина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия); **В.Г. Богомяков** – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия); **М.В. Ильин** – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королев** – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **К.Н. Любутин** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **В.Е. Хвощев** – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 71227

Парадигмы и процессы

Т.В. Дубровская

Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе:
политические акторы и стратегии репрезентации10

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

Город как пространство исторической памяти.....22

К.С. Романова

Дискурсы исторической памяти (продолжение)36

Современная логика и интеллектуальные технологии

В.О. Лобовиков

Векторное определение импликации и векторная дефиниция понятия
«закон контрапозиции бинарной операции»
(Структурно-функциональная аналогия между логикой
и чистым естествознанием а priori на примере открытого Галилео Галилеем
принципа относительности скорости движения).....43

Конференц-зал

**Вторая международная конференция «Soft Power: теория, ресурсы,
дискурс»
(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)***Доклады***О.Ф. Русакова, В.М. Русаков**

«Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации
и гуманитарной дипломатии61

С.В. Новоселов

Основные приоритеты национальной системы «мягкой силы».....73

И.А. Якоба

«Умная настройка» как дискурсивная технология
эффективной коммуникации80

А.Н. Михайленко

Политика привлекательности
в структуре внешнеполитической деятельности России86

О.Б. Молодов

Русский язык как инструмент использования «мягкой силы»
в странах Центральной Азии93

А.М. Жакьянова

Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана 101

В.С. Батурин

Особенности становления постсоветского вузовского образования
в контексте структурных и ценностных трансформаций мягкой силы..... 111

А.В. Бояркина

Развитие ситуации вокруг конфликта
на Корейском полуострове в 2017 году:
прогнозы российских экспертов 119

А.В. Михалев

Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке..... 129

Р.В. Арефкин

Современная концепция «мягкой силы» Израиля..... 136

Д.М. Ковба

Основные подходы к исследованию «мягкой силы»
в отечественной политической науке 143

Ялтинский дискурсологический кружок – 2016

Л.Н. Синельникова

Хроника 149

Энциклопедия «Дискурсология»

*Статьи***И.Б. Фан**

Концепт гражданина в западноевропейской истории и культуре 154

Концепт гражданина в российской истории и культуре..... 160

И.А. Якоба

Деконструкция дискурса Дональда Трампа
(на примере его предвыборных выступлений 2016 г.) 164

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (26)
July 2017**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 17.07.2017

Format 70x100^{1/16}

Reference sheet area 14,14

Issues – 300

Order № 65311

Printed by Typography «Artikul»

ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Y.G. Yershov** – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **K.V. Kiselev** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **N.A. Komleva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia); **O.V. Korkunova** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia); **M.V. Ilyin** – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **K.N. Lubutin** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **V.E. Khvoshchev** – PhD, Associate Professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia); **A.N. Chumakov** – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribov – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

Subscription index in the United Catalog «Russian Press» 71227

Paradigms and Processes

T.V. Dubrovskaya

Constructing the West in Russian Foreign Policy Discourse: Political Actors
and Strategies of Representations.....10

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov

The City as a Space of Historical Memory22

K.S. Romanova

Discourses of Historical Memory (Continuation)36

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov

A Vector-Definition of Implication and a Vector-Definition
of the Notion "Law of Contraposition of Binary Operation"
(A structural-functional analogy between logic and pure-a-priori-knowledge
of nature exemplified by the principle of relativity of velocity of movement
discovered by Galileo Galilei).....43

Conference Chamber

**The Second International Conference «Soft power: the theory, resources,
discourse»***Reports***O.F. Rusakova, V.M. Rusakov**

Soft Power as the Instrument of Political Communications
and Humanitarian Diplomacy61

S.V. Novoselov

Main Priorities of National System of "Soft Power"73

I.A. Yakoba

"Smart Tuning" As a Discourse Technology
of Effective Communication.....80

A.N. Mikhaylenko

The Attractiveness Policy
in the Structure of Russia's Foreign Policy Activities.....86

O.B. Molodov

Russian Language as the Instrument of "Soft Power"
In the Countries of Central Asia93

A.M. Zhakyanova

Resources of Soft Power in the Foreign Policy of Kazakhstan 101

V.S. Baturin

Specific Features of the Formation of University Education
in the Former Soviet Union in the Context of Structural
and Value Transformations of Soft Power 111

A.V. Boyarkina

Development of the Situation around the Conflict
on the Korean Peninsula in 2017:
Forecasts of Russian Experts 119

A.V. Mikhalev

The Concept of "Soft Power": A Review of Approaches in Foreign Science 129

R.V. Arefkin

Modern «Soft Power» Conception of Israel 136

D.M. Kovba

The Main Approaches to the Study of Soft Power
in the Domestic Political Science 143

Yalta Discoursological Circle – 2016

L.N. Sinelnikova

The Chronicle..... 149

Encyclopedia «Discoursology»

*Articles***I.B. Fan**

The Concept of a Citizen in Western History and Culture 154

The Concept of a Citizen in the Russian History and Culture 160

I.A. Yakoba

Deconstruction of Donald Trump Discourse
(On Example of His Pre-Election Speeches in 2016)..... 164

УДК 321.01

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗАПАДА В РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ И СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

Дубровская Татьяна Викторовна,

Пензенский государственный университет,
заведующая кафедрой «Английский язык»,
доктор филологических наук, доцент,
Пенза, Россия,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Аннотация

Исследуя внешнеполитические практики с точки зрения социального конструкционизма, автор выявляет дискурсивные механизмы конструирования Запада и отношений между Россией и Западом. На материале речей Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова показано, что Запад и межнациональные отношения являются категориями нестабильными и зависимыми от стратегических установок говорящего.

Ключевые понятия:

внешнеполитический дискурс, Россия, Запад, актор, стратегия.

Введение

Если говорить о принципиальных конструктах российского внешнеполитического дискурса, то в их числе видное место занимает конструкт Запад. Ссылки на Запад встречаются практически во всех важных заявлениях представителей отечественного МИД, а научная отечественная и зарубежная литература по философии, политологии и международным отношениям нередко оперирует категорией Запад, в том числе в контексте противопоставления её Советскому Союзу и России [9; 10; 11; 12 и др.]. Популярность апелляций к Западу в кон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

тексте отечественной внешнеполитической жизни даёт нам основание полагать, что эта категория заслуживает внимательного изучения. Взаимоотношения между Россией и Западом представляются частью межнациональных отношений Российской Федерации на уровне внешнеполитических институциональных практик. Однако особенность этих отношений состоит в том, что категория Запад не имеет чёткой и однозначной референции. Это не конкретное государство или политический актор, а собирательный конструкт, дискурсивный феномен, смысл и аксиологическая нагрузка которого конструируются посредством языковых ресурсов в политическом дискурсе.

В данной статье мы фокусируем внимание на дискурсивных механизмах конструирования категории Запад в контексте взаимосвязи Запада и РФ. В частности, мы ставим **задачи**: 1) выявить политических акторов, которых охватывает этот конструкт; 2) определить аксиологическую нагрузку, которую конструкт Запад приобретает в дискурсе; 3) выделить и описать прагматические стратегии, задействованные в конструировании Запада.

Категория Запад исследуется **на материале** выступлений разных жанров, принадлежащих представителям руководства Министерства иностранных дел Российской Федерации, в том числе и главным образом Министру иностранных дел РФ Сергею Викторовичу Лаврову (2014, 2016–2017 гг.). Принципом отбора материала для включения в анализируемый корпус являлось наличие в текстах эксплицитных ссылок на Запад и его взаимоотношения с Россией. Общее количество рассмотренных для данного исследования выступлений – 11, но в списке материалов мы приводим только процитированные в статье тексты. Тексты выступлений извлечены из архива официального сайта МИД РФ (www.mid.ru), и далее цитируются в строгом соответствии с оригиналом.

Проведенное исследование **методически** базируется на теории репрезентации социальных акторов Т. ван Лёвена [14] и прагматической категории дискурсивной стратегии в толковании, принятом в критическом дискурс-анализе. Дискурсивная стратегия понимается как «более или менее намеренный план практик, включая дискурсивные практики, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [11, с. 94] (Перевод с англ. здесь и далее мой. – Т.Д.).

1. «Запад» как зонтичный термин

Отвечая на вопрос о составе политических акторов, включаемых в дискурсивный конструкт Запад, можно сказать, что он имеет неопределенный и разнородный состав, т. е. комбинация акторов, принадлежащих к группе, варьируется. Существует три основных употребления категории Запад с разным смысловым наполнением.

Во-первых, категория Запад применяется в дискурсе как самоочевидная, не требующая разъяснений относительно того, каких акторов она охватывает:

(1) К сожалению, наше искреннее стремление наладить широкое партнерство (а мы действительно искренне стремились к этому), наше желание сделать его подлинно стратегическим не получило должной поддержки со стороны государств Запада. Не буду обобщать, кое-кто был готов пойти на встречу, но блоковая солидарность, дисциплинированная позиция «все или

никто» в итоге заставила наших **западных партнеров** отреагировать отрицательно и остаться на позиции мышления категориями «свой» – «чужой» [5].

В приведенном примере критические замечания министра направлены на коллективного актора, выраженного номинациями *государства Запада, кто, западные партнеры*, которые не получают толкования. Очевидно лишь, что Запад – это собирательный и неоднородный актор, охватывающий несколько стран, которые находятся в разных отношениях с РФ (*не буду обобщать*). Взаимоотношения РФ и Запада представлены как построенные на противоположных намерениях сторон: в то время как Россия получает положительно-оценочные репрезентации актора, стремящегося к партнерству, Запад репрезентируется как актор негибкий и неготовый к сотрудничеству. Некоторая амбивалентность такой репрезентации Запада состоит в том, что при очевидной отрицательной оценочности высказывания по сути отсутствует объект обвинения: коллективные и диффузные номинации позволяют избежать откровенных речевых атак.

Во-вторых, Запад фигурирует как эквивалент Европы и Евросоюза, включая страны-члены ЕС, его различные институты и организации, а также отдельных акторов, имеющих официальные полномочия представлять интересы ЕС:

(2) *Прежде всего, хотел бы выразить признательность Генеральному секретарю Совета Европы Т. Ягланду и австрийскому председательству за усилия по подготовке сегодняшнего заседания Комитета министров. Вынесенная на дискуссию тема была сформулирована как «Ценности Совета Европы и стабильность в Европе: современные вызовы».*

Обсудили ситуацию на континенте, который переживает весьма непростой период. Не в последнюю очередь это связано с тем, что накопилось множество проблем в связи с неготовностью наших западных партнеров в течение многих лет на практике реализовывать провозглашенный когда-то принцип неделимости безопасности – когда никто не обеспечивает свою безопасность за счет безопасности других [2].

Форма множественного числа *партнеры* указывает на сложный состав категории Запад, которая оказывается ассоциирована с Европой как в географическом, так и в политическом смысле. Географические границы Запада дискурсивно определены обстоятельством места *на континенте*, хотя фактически Европа представляет собой только одну часть континента Евразия. Акторы, образующие Запад как политическую категорию, разнородны и многочисленны (выделены в тексте жирным шрифтом).

Репрезентация Запада как исключительно европейского конструкта также неоднозначна. К примеру, в контексте российско-европейских отношений неоднократно упоминается НАТО, хотя этот коллективный актор помимо европейских стран включает США и Канаду:

(3) *Как вы знаете, – об этом недавно много говорилось, – заверения о том, что НАТО не будет расширяться на Восток, остались пустыми словами. В рамках программы «Восточное партнерство» предпринимались попытки повстать страны постсоветского пространства перед искусственным выбором «с нами или против нас», что опять-таки означало логику «игры с нулевым результатом» [5].*

Упоминания НАТО свидетельствуют о том, что Запад выходит за рамки географических и политических границ Европы и охватывает неевропейских

акторов. НАТО представлен как элемент, объединяющий Европу и США в более общего актора, с которым Россия выстраивает отношения.

Третий тип репрезентаций Запада построен на эксплицитном указании на тесную связь между Европой и США, которые дискурсивно объединены в группу и которым приписываются похожие качества (повестка, цели):

(4) На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа. Мы это не скрываем и честно говорим с нашими американскими и европейскими коллегами [2].

В приведенном примере объединение Европы и США в единую категорию Запад происходит за счет применения синтаксической конструкции с общей частью (*западными партнерами где? – в Евросоюзе и США*) и использования двух определений для одного существительного (*американскими и европейскими коллегами*).

2. Стратегии конструирования Запада: аксиологический аспект

Свойства внешнеполитического дискурса как локуса борьбы за влияние на международной арене, а также принципиальные политические противоречия между Россией и Западом предопределяют идеологически заряженные репрезентации Запада в российском внешнеполитическом дискурсе. В основном репрезентации Запада имеют отрицательно-оценочный характер, однако в ряде контекстов Запад получает положительные оценки. Далее мы продемонстрируем, с какими прагматическими ситуациями связана отрицательная и положительная аксиологическая нагрузка рассматриваемой категории, и какие дискурсивные стратегии формируют эту нагрузку. В число этих стратегий мы включаем следующие: стратегия оценки, стратегия эмоционализации и стратегия прогноза.

Стратегия оценки состоит в обвинении, приписывании объекту оценки (в нашем случае – политическому актору) заведомо отрицательных или положительных качеств или действий, а также выражение осуждения или одобрения по поводу этих качеств или действий. Оценочная деятельность в принципе заложена в человеческой природе. Философ А. С. Хоцей отмечает: «...Ориентация в среде представляет собой в немалой своей части оценочную деятельность; добыча ответа на вопрос ‘что делать?’ тоже связана не с чем иным, как с оценкой ситуации и возможностей индивида. Мозг сплошь и рядом занимается разного рода оценками <...> Оценивать что-либо – значит некоторым образом сопоставлять это ‘что-либо’ с чем-то другим, вынося по результатам данного сопоставления какой-то вердикт (собственно оценку). Любая оценочная деятельность по своей сути (по характеру процедуры) есть некое сопоставление плюс заключение по его итогам» [8].

Реализация оценочной деятельности базируется, по нашему мнению, на нескольких взаимосвязанных принципах:

1) Актор, выступающий автором отрицательной оценки, полагает, что его социальный статус и компетенция позволяют ему выступать с оценочными заявлениями.

2) Необходима общая система координат, система ценностей и договоренностей между акторами, для того чтобы их действия могли оцениваться по каким-то более или менее универсальным критериям. Такая система координат создаётся социальными нормами. «Основными социальными нормами, регулирующими международные отношения, принято считать нормы моральные, политические и правовые» [6, с. 102]. В то же время С.А. Ланцов отмечает и разногласия, касающиеся применимости морально-этических критериев к политической деятельности. Из трёх типов социальных норм только правовые нормы влекут за собой официальные санкции.

3) Существование в межнациональных отношениях юридически закреплённых и незакреплённых норм способствует формированию оценок на разных основаниях: опирающихся на факты, либо на морально-этические установки автора оценки.

Суть **стратегии эмоционализации** состоит в том, чтобы выразить положительные или отрицательные эмоции, вызванные действиями и качествами другого политического актора, объекта репрезентации. Т. ван Дейк пишет о важности эмоционального аспекта в СМИ: «Факты лучше представлены и лучше запоминаются, если они связаны с сильными эмоциями или вызывают таковые» [16, с. 85]. Полагаем, это утверждение актуально не только для СМИ, но и в целом для публичного дискурса. Внешнеполитический дискурс, имеющий в качестве опосредованной аудитории широкую непрофессиональную аудиторию и транслируемый медийными средствами, также нередко задействует стратегию эмоционализации. Некоторые аспекты репрезентации эмоционализации в контексте межнациональных отношений обсуждались нами ранее [13]. Далее мы обсудим специфику интерпретации эмоционализации во внешнеполитическом дискурсе.

Третья из выделенных стратегий, **стратегия прогноза**, состоит в прогнозировании событий, действий и их последствий, связанных с каким-либо политическим актором. Такое прогнозирование строится на фактической ситуации, но может содержать и манипулятивные элементы, конструирующие ситуацию, исходя из стратегических интересов говорящего.

Перечисленные стратегии существуют в двух аксиологически противоположных вариантах: с отрицательной и положительной направленностью.

2.1. Отрицательно-оценочные стратегии

Стратегия отрицательной оценки охватывает осуждение и обвинение, которые в речевых высказываниях часто выступают как смысловое и функциональное единство. Прагматические и языковые характеристики осуждений и обвинений в разных сферах функционирования языка мы подробно обсуждали в другой работе [1]. Отметим только, что применительно к дискурсу межнациональных отношений обвинение в большей мере соотносится с оценкой на основе юридических норм, тогда как осуждение реализуется на основе морально-этических категорий.

Следующий фрагмент выступления С.В. Лаврова представляется очень показательным образцом стратегии отрицательной оценки, направленной на политику Евросоюза по отношению к России:

(5) *Что касается политики Евросоюза в отношении России, я не думаю, что найдется кто-нибудь из серьезных политиков, кто назовет ее конструктивной. Причем, это проявлялось задолго до того, что называют украинским кризисом. В течение многих лет наши партнеры в Брюсселе отказывались завершать работу над новым базовым соглашением, требуя, чтобы мы взяли на себя дополнительные односторонние уступки по сравнению с пакетом, который был согласован между Россией и Евросоюзом при вступлении нашей страны в ВТО. По большому счету это не только неконструктивно, но и нечестно. Мы восемнадцать лет договаривались с Евросоюзом об одном, а как только договорились, от нас тотчас стали требовать еще большего. По абсолютно надуманным причинам были сорваны договоренности о скорейшем переходе к безвизовому режиму и даже по дополнительным облегчениям существующего визового режима. Хотя все необходимые согласования были сделаны [4].*

Аргументативная логика высказывания построена на осуждении действий Евросоюза как неконструктивных, несправедливых и подкреплении этой оценки ссылками на фактические нарушения уже достигнутых предварительных договоренностей с Россией и безосновательность политики Запада (*отказывались завершать, по надуманным причинам, сорваны договоренности*). С точки зрения языковой реализации, осуждение маркировано метатекстовой конструкцией *я не думаю*, что придаёт ему субъективное звучание. Однако упоминание *серьёзных политиков* помещает Россию в сферу серьёзных и ответственных акторов, противопоставляя их Западу.

При обсуждении стратегии **отрицательной эмоционализации** надо понимать, что внешнеполитический дискурс – это институциональный тип дискурса. В нём приписывание эмоций коллективному политическому актору, стране, может носить исключительно условный характер. Как следует из определения, «коллективные эмоции – это разделяемые членами социальных групп переживания, имеющие значение как на уровне индивидуальной психики, так и на уровне группы или нации (макрогруппы)» [7, с. 312]. Вряд ли можно утверждать, что эмоциональное отношение к политическим процессам, ссылки на которое мы встречаем во внешнеполитическом дискурсе, разделяют все представители группы (нации, страны). Выражение определенных эмоций в дискурсе обусловлено стратегическими интересами государства, выразителем которых и является его официальный представитель – в нашем материале это представитель МИД. Кроме того, категория эмоции во внешнеполитической сфере не существует в отрыве от рациональных аргументов, которыми она подкрепляется.

Стратегия эмоционализации реализуется преимущественно на уровне лексических средств. Самыми распространенными ссылками на эмоции, актуализирующими отношение России к Западу, представляются метатекстовые единицы *к сожалению, сожалеем*, которые сопровождаются указаниями на причину таких эмоций:

(6) *Но, к сожалению, наши западные партнеры пока не созрели для того, чтобы согласиться на равноправное участие Юго-Востока Украины в национальном диалоге [2].*

Наряду со ссылками на коллективные эмоции, излагаемыми от коллективного «мы», встречаются также описания личных эмоций говорящего. Такая персонализация эмоции вводит во внешнеполитический дискурс элементы межличностной коммуникации со специфической для внешнеполитических практик целью. В примере (7) личный опыт обращения министра к западным СМИ служит подтверждением их необъективности:

(7) *Мы сильно озабочены происходящим на Украине – там каждый день гибнут люди, все больше страдают гражданские лица, мирное население, против которого продолжают использовать армию, боевую авиацию, тяжелое вооружение, по жилым кварталам ведется огонь. Все это можно наблюдать в прямом эфире. К сожалению, большинство западных СМИ данные сведения замалчивают и показывают другие картинки. Сегодня я с изумлением просмотрел несколько выпусков «Евро Ньюз», в которых по ситуации на Украине вообще не было сказано ни слова!* [3].

Отрицательный прогноз часто реализуется в утверждениях о возможных негативных последствиях действий Запада, в частности – изоляции России от остального мира. Высказывания, содержащие прогноз, всегда имеют семантику будущего, что выражено соответствующими грамматическими формами будущего времени:

(8) *Мы последовательно исходим из того, что без объединения потенциалов всех государств обеспечить Европе, включая Евросоюз, достойное место в новой полицентричной системе мироустройства **вряд ли получится**. Кстати, история не раз наглядно демонстрировала, что попытки изолировать Россию неизменно приводили к тяжелым последствиям для всего континента...* [5].

Сочетание грамматических форм будущего времени с репрезентациями потенциальных неудач и потерь для мирового сообщества образуют стратегию негативного прогноза. Видим, что стратегия прогноза построена на рациональных аргументах, обращении к историческому опыту.

2.2. Положительно-оценочные стратегии

Приведенные стратегии репрезентации Запада могут принимать и положительный аксиологический заряд. Это происходит, когда коллективный актер Запад дискурсивно расформировывается, и объектом репрезентации становится отдельный актер в составе более общей категории Запад. В этих репрезентациях нередко задействованы стратегии положительной оценки, положительной эмоционализации и положительного прогноза. Положительно оцениваемые качества и действия могут приписываться как отдельным организациям, международным институтам, обеспечивающим успешное функционирование международных отношений, так и конкретным странам. Так, в качестве примера стратегии **положительной оценки** можно привести следующий фрагмент выступления С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы в Вене:

(9) *Совет Европы – **перспективная** и **единственная общеевропейская Организация, опирающаяся на универсальные общеевропейские конвенции, которые накладывают на государства юридические обязательства**. Именно*

такой подход обеспечивается за счет **равноправия всех государств**, входящих в Совет Европы, и должен применяться и далее, чтобы в Европе не появлялись новые разделительные линии [2].

Положительная репрезентация Совета Европы, его важность для международных отношений конструируются указаниями на общие юридические обязательства и ценности, разделяемые политическими акторами. Лексика с положительной коннотацией (*перспективная, равноправие*) приписывает Совету Европы положительные свойства и свидетельствует об одобрении со стороны России.

Положительные оценки характерны для выступлений в контексте двусторонних встреч между лидерами внешнеполитических ведомств государств. Таков пример из речи С.В. Лаврова, произнесенной на совместной пресс-конференции после переговоров министров иностранных дел России и Финляндии. Выступление конструирует Финляндию не только как часть Запада, но прежде всего как доброго соседа и стратегического партнера России:

(10) Отношения с Финляндией имеют для нас самоценное значение. Их характеристика – это, в первую очередь, добрососедство во всех его измерениях, а по целому ряду направлений, таких как торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, мы вышли на уровень стратегического партнерства. Нам не хотелось бы, чтобы на эти взаимовыгодные отношения оказывали влияние какие-то привнесенные политические факторы, как это происходит в контексте общей политики Евросоюза в связи с кризисом на Украине [4].

Для репрезентации отношений России с Финляндией использован целый ряд номинаций с положительной семантикой (*доброе соседство, сотрудничество, партнёрство*) и эпитетов (*самоценное, стратегического, взаимовыгодные*). Положительные оценки в адрес Финляндии сглаживают противоречия, существующие в российско-финских отношениях в более широком общеевропейском контексте.

Стратегия положительной эмоционализации реализуется во внешнеполитическом дискурсе достаточно широким и разнообразным спектром маркеров: *поблагодарить, радуется, отменно, отмечаю наше удовлетворение* и др.:

(11) Хотел бы поблагодарить наших хозяев и лично Министра иностранных дел Финляндии Э. Туомиойю за гостеприимство и продуктивный разговор. Традиционно поддерживаем наш диалог на очень хорошем уровне... [4].

Важно, что в данном и подобном ему контекстах присутствуют индикаторы взаимности положительных переживаний. В примере (11) это качество *гостеприимство*, приписываемое финской стороне, а также словосочетание *наш диалог*, которое дискурсивно объединяет Россию и Финляндию в одну группу.

Сразу два маркера положительных эмоций, а также эксплицитное указание на положительную тональность российско-немецких отношений видим в другом примере:

(12) Отменно, что возобновил работу Форум общественности «Петербургский диалог», эта важнейшая площадка в деле углубления контактов по линии народной дипломатии. Отмечаю наше удовлетворение тем, что попытки изменить нацеленность этого формата на продвижение отношений в позитивном ключе, превратить его в некое подобие отношений между учителем и учеником были мудро отставлены в сторону [5].

Как и стратегии отрицательной репрезентации, стратегии положительной репрезентации переплетаются в живой речи. Стратегия положительной оценки в комбинации с **положительным прогнозом** обнаруживается в примере (13):

(13) Что касается места Финляндии в российской внешней политике, то Финляндия для нас очень добрый и близкий сосед, и мы друг друга за многие годы и десятилетия никогда не подводили. Уверен, так будет и в будущем [4].

Возможны и другие варианты комбинаций положительно-оценочных стратегий.

Заключение

Проведенный анализ российского внешнеполитического дискурса позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, Запад как феномен внешнеполитических практик существует не как объективная сущность, а как социальный конструкт, который получает разнообразные и неоднозначные репрезентации в зависимости от меняющегося политического контекста, прагматических факторов и стратегических целей говорящего. Запад конструируется как социальный актор, в состав которого входят множественные и разнородные акторы, включая государства, организации и отдельные личности. Запад не имеет определенных географических границ и охватывает Европу и США в их противопоставлении России. Как социально конструируемая категория Запад постоянно формируется и расформируется в дискурсе.

Западу и акторам, входящим в его состав, приписываются положительные и отрицательные свойства, для чего применяются стратегии отрицательной и положительной репрезентации, включая стратегии оценки, эмоционализации и прогноза. Запад как единый актор чаще получает отрицательные репрезентации со стороны российского министра, и отношения между Россией и Западом конструируются как противостояние по многим принципиальным вопросам. В то же время в контексте двусторонних отношений с Россией отдельные акторы в составе Запада нередко конструируются посредством положительных стратегий, причем репрезентации содержат индикаторы взаимной доброжелательности и диалога в межнациональных отношениях. Выступающий от имени политического актора-государства маневрирует в условиях внешнеполитической коммуникации, расставляя акценты таким образом, чтобы обосновывать и легитимировать свои действия в случае необходимости или, наоборот, создавать положительные репрезентации взаимоотношений с другими акторами, сглаживая противоречия в двусторонних отношениях с Россией. Варьирующий состав категории Запад позволяет исключать определенных акторов из группы, а значит – лишать их отрицательной аксиологической нагрузки.

В более широкой перспективе социального конструкционизма исследование позволяет сделать вывод о гибкости и нестабильности Запада и межнациональных отношений как социально конструируемых категорий, которые не могут рассматриваться как устойчивая и неизменная структура. Наши наблюдения и выводы перекликаются с утверждением А. Вендта: «Агенты и структуры по сути сами являются процессами, или, иными словами, ‘реализациями’ практик» [17, с. 313]. Гибкость внешнеполитического дискурса заключается не столько в соблюдении акторами политеза, сколько в изменчивости создавае-

мых дискурсивных конструктов, меняющихся в зависимости от стратегических установок говорящего.

1. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

2. Лавров 6.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы, Вена. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/61730.

3. Лавров 2.06.2014 – Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и сотрудничества Мавритании А.У. Тегеди, Москва. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57414.

4. Лавров 9.06.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Финляндской Республики Э. Туомиойей, Турку. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56710.

5. Лавров 8.11.2016 – Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии конференции «Потсдамские встречи», Москва. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2514850.

6. Ланцов С.А. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитическая практика // Политекс. – 2005. – Вып. 3. – С. 105–113.

7. Тихомирова С.В. Эмоции коллективного субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. Под редакцией К.А. Абульхановой. Москва, 2011. С. 308–319. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty_tihomirova3.html.

8. Хоцей А.С. Оценки и ценности // [Электронный ресурс]. URL: <http://library-of-materialist.ru/appreciations.htm>.

9. Читати Д. Европа не есть Запад: интересы, ценности и идентичность в европейской традиции // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 3. – С. 75–85.

10. Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 79–96.

11. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций // Перспективы. Электронный журнал. – 2015. – № 2. – С. 82–97.

12. Bonnett A. The idea of the West. Culture, politics and history. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 201 p.

13. Dubrovskaya T., Kozhemyakin E. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations // Critical Discourse Studies. – 2017. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90–107.

14. Leeuwen T. van. The representation of social actors // Texts and Practices:

Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. – London: Routledge, 2003. – P. 32–70.

15. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. Ruth Wodak et al. – London: Sage Publications, 2009. – P. 87–121.

16. Van Dijk T.A. *News as discourse*. – Hove and London: Lawrence Erlbaum, 1988. – 200 p.

17. Wendt A. *Social theory of international politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 p.

References

1. Dubrovskaya T.V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turax. – Penza: Izd-vo PGU, 2014. – 272 s.

2. Lavrov 6.05.2014 – Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova v xode press-konferencii po itogam ministerskoj sessii Komiteta ministrov Soveta Evropy, Vena. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/61730.

3. Lavrov 2.06.2014 – Vstupitel'noe slovo i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannyx del i sotrudnichestva Mavritanii A.U. Tegedi, Moskva. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57414.

4. Lavrov 9.06.2014 – Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyx del Rossijskoj Federacii S.V. Lavrova na sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannyx del Finlyandskoj Respubliki E'. Tuomiojey, Turku. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56710.

5. Lavrov 8.11.2016 – Vystuplenie Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na otkrytii konferencii «Potsdamskie vstrechi», Moskva. http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2514850.

6. Lancov S.A. Moral', pravo i politika kak regulatory mezhdunarodnyx otnoshenij: teoreticheskie koncepcii i vshnepoliticheskaya praktika // *Politeks*. – 2005. – Vyp. 3. – S. 105–113.

7. Tixomirova S.V. E'mocii kollektivnogo sub"ekta // *Filosofsko-psixologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna*. Pod redakciej K.A. Abul'xanovoj. Moskva, 2011. S. 308–319. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty_tihomirova3.html.

8. Xocej A.S. Ocenki i cennosti // [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://library-of-materialist.ru/appreciations.htm>.

9. Chitati D. Evropa ne est' Zapad: interesy, cennosti i identichnost' v evropejskoj tradicii // *Perspektivy. E'lektronnyj zhurnal*. – 2016. – № 3. – S. 75–85.

10. Shemyakin Ya.G. Diskurs vzaimodejstviya i vzaimodejstvie diskursov: Rossiya – Latinskaya Amerika – Zapad // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2011. – № 3. – S. 79–96.

11. Yakovlev P.P. Rossiya i Latinskaya Amerika na fone zapadnyx sankcij //

Perspektivy. E'lektronnyj zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 82–97.

12. Bonnett A. The idea of the West. Culture, politics and history. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 201 p.

13. Dubrovskaya T., Kozhemyakin E. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations // Critical Discourse Studies. – 2017. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90–107.

14. Leeuwen T. van. The representation of social actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. – London: Routledge, 2003. – P. 32–70.

15. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach // Methods of Critical Discourse Analysis. Ed. Ruth Wodak et al. – London: Sage Publications, 2009. – P. 87–121.

16. Van Dijk T.A. News as discourse. – Hove and London: Lawrence Erlbaum, 1988. – 200 p.

17. Wendt A. Social theory of international politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 p.

UDC 321.01

CONSTRUCTING THE WEST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE: POLITICAL ACTORS AND STRATEGIES OF REPRESENTATIONS

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna,

Penza State University,
head of the English language department,
Doctor of Philology,
Penza, Russia,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Annotation

Drawing on social constructionism, the author reveals discursive mechanisms that are used to construct the West and its relationship with Russia. The study explores speeches by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and claims that the West and international relations turn out to be unstable categories that are contingent on strategic purposes of the speaker.

Key concepts:

foreign policy discourse, Russia, the West, actor, strategy.

УДК 008+316

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Семиотика городов, с момента их возникновения, многоаспектна и весьма насыщена значениями и смыслами. Изучение и понимание этих многообразных смыслов только и делает возможным постичь город как культурно-исторический феномен. Пространство города образует настоящее пространство исторической памяти, погруженной в острую политическую борьбу. Наглядную иллюстрацию этой «борьбе с памятниками» являют современные европейские и азиатские города, особенно на постсоветском пространстве. Пришедшие к власти социальные группы национально-этнической буржуазии мстительно выкорчевывают недавнюю историческую память своих народов, часто доводя это до печального гротеска в остром желании задним числом добиться исторического реванша.

Ключевые понятия:

семиотика города, историческая память, политика памяти, город, политический дискурс, развитие города – противоречие исторической памяти и прогресса.

В отечественной литературе проницательно очерчена разнообразная проблематика семиотики города. Как подчеркнул В.В. Иванов: «Не приходится доказывать, как важно исследование города. Роль больших городов непрерывно увеличивается не только в развитых странах, но и в «третьем мире», где нередко значительная часть всего населения сосредотачивается в одном большом городе... Достаточно давно уже был сделан вывод о том, что и для собственно экономических задач основной оказывается социальная оценка – суждение жителей о степени символической притягательности той или иной части города. Решение экономических задач невозможно без исследования семиотики города и его частей. Согласно моделям развития городов, ориентированным на их энергетические характеристики, устойчивость может достигаться за счет собственно семиотических ограничений – таких, как отношение к прогрессу, роль этических норм» [7].

Город рассматривается как модель пространства вселенной. Соответственно – его организация отражает структуру мира в целом (хаотичного или гармоничного; пронизанного планом и замыслом, либо дезорганизованного слепыми стихийными силами).

Семиотика города (и его пространства) богата, в том числе, множеством архетипических категорий (концептов, образов): «горд на семи холмах», «семь врат», «сорок сороков храмов и церквей» и т. п. Или еще: «Петербург – умышленный город», «город – центр мироздания», «глушь провинциальная (богом забытая)» и т. п.

В.В. Иванов отмечает еще один глубокий аспект: что «с семиотической точки зрения особый интерес вызывает функционирование города как личности. Представление древневосточного города женщиной было ярким, но не единственным проявлением этого. Именно потому, что город рассматривался как личность, герои греческой трагедии, как до этого мифологические персонажи <...> могли воплощать в себе судьбу города» [7]. Мы можем продолжить эту идею: «Киев-мать городов русских», от «Москва-матушка» (впрочем, она могла резко повернуться противоположной личностной стороной – «Москва слезам не верит») до «Одесса-мама» и «Ростов-папа». Мы еще недавно активно пользовались термином «Город-Герой»! Но появление «Города-Героя Санкт-Петербурга Ленинградской области» – довольно абсурдно (хотя началось все с «Города-Героя Волгограда – участника Сталинградской битвы»).

Семиотические аспекты города и его пространства, среды – многообразны. Невозможно пройти мимо и не отметить вместе с В.В. Ивановым, что «Западноевропейский роман возникает вместе с городом Нового времени и становится его летописью. Не приводя достаточно очевидных примеров из истории испанской, французской и английской литературы XVII–XVIII вв., ограничимся беглой ссылкой на Париж Бальзака, Лондон Диккенса (подробно изученный Г.Г. Шпетом в его детальном комментарии к «Пиквикскому клубу») и Теккерея, Петербург Достоевского, исследованный в недавних трудах В.Н. Топорова. Крупнейшие романы первой четверти XX в. представляют собой в большой степени описание города – Дублина в «Улиссе» Джойса, мифологизированного образа Праги в «Процессе» Кафки» [7].

Специфические отличия городского способа расселения и жизнедеятельности от сельского (размещение органов государственно-политической власти;

концентрация социально-политической жизни и важнейших социальных институтов управления; сосредоточение учреждений культуры, науки и образования) обуславливают особую роль города как пространства исторической памяти общества. Отчетливо видно различие: в сельской местности преобладают необычные географические объекты – деревья, роши, скалы, водопады, пещеры, горные вершины, озера и т. п.) тогда как в городе – памятники рукотворной истории и культуры. Города, благодаря своей специфике, более устойчивы к воздействию промышленно-экономических потрясений (промышленные революции, исчерпание природных ресурсов), чем сельские поселения, которые в массовом порядке исчезают с карты страны (а это – «малая родина» огромных масс населения, перемещающегося в города и утрачивающего связь с ней).

Маргинализация сельского населения через превращение его в наемных работников, ничем не привязанных к пространству города (кроме тяжелого монотонного труда как средства к существованию), рождает проблему равнодушного и варварского отношения к городской среде (вандализм). Сегодня мегаполисы Европы окружены массой пригородных районов и кварталов, заселенных иммигрантами (в т. ч. нелегальными), где кончается общее пространство городской жизни – правопорядок, благоустройство, экологические и санитарно-гигиенические нормы, культура и образование и даже язык.

Уже в планировке городской застройки важную роль играет историческая память (проблема сохранения «памятников архитектуры и истории» вечно меняющегося пространстве города). Имеются многочисленные примеры практически полного восстановления прежнего облика города после его практически полной уничтожения в результате войн, стихийных бедствий. Но и примеры полной перестройки старых городов под влиянием новых социальных и градостроительных стандартов (Париж, Москва, Берлин, Чикаго, Нью-Йорк).

Политические процессы и потрясения (восстания, войны, реформы и революции) постоянно отображаются в семиотизации городского пространства: топонимика¹, установка памятников, памятных досок, закладных камней, часовен и храмов и т. п. Это – постоянные или долговременные формы, а практикуется огромное количество более или менее регулярных временных процедур: торжественное, праздничное оформление зданий и сооружений, вывешивание и подъем флагов, развешивание штандартов, знамен, гирлянд, различных сооружений (факелы, светильники, муляжи и манекены, и т. п.). Более или менее регулярно выдерживаемые процедуры почитания предков, возложение венков и цветов к могилам. Проведение митингов, уличных шествий, парадов, – понятно, что они обыкновенно проходят в наиболее сакральных местах пространства города – у могил павших героев, у памятников великим предкам, у исторически значимых мест (мест казней, расстрелов, начала политических действий и т. п.). Поэтому, в свою очередь, семиотизация носит политический характер и совершенно наивными выглядят попытки иных авторов благостно мечтать о «деполитизации» этих процессов².

1 Классы топонимов: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Топонимика>.

2 Ю. Гордова. Топонимия России: история и современность // <http://ономастика.рф/index.php?id=90>: «Освободившись от идеологического влияния, топонимы нашего времени стали более «раскрепощёнными», яркими, звучными, оригинальными и разнообразными. Рас-

Огромное влияние на становление традиции радикальных переворотов в ономастике и, в частности, в топонимике оказала Великая Французская революция [1]. Эпоха Великой Французской революции явила во всей полноте картину быть может самого радикального переозначивания семиотического пространства: «Переименование улиц и селений. Когда феодальный строй был разрушен в его эмблемах и изображениях, тогда понадобилось изгнать его и из географических названий. Для объяснения этой непостижимой страсти к всеобщему переименованию, положительно свирепствовавшей в эпоху революции, предлагалось немало разных оснований» – писали О. Кабанес и Л. Насс [8].

Они с известных позиций пренебрежительно констатируют: «В таком настойчивом стремлении уничтожить все прошлое одним росчерком пера была, конечно, известная доля ребячества. Его авторам, вероятно, казалось, что с устранением всего, напоминавшего прошлое, до наименования мест и лиц включительно, они скорее всего заставят исчезнуть последние признаки «пред-рассудков и деспотизма» [8].

Уже в июне 1790 г. произведена была первая (прямо-таки парадигматическая) попытка нововведения в наименованиях. В самый день погребения Мирабо маркиз де Вильетт «позволил себе» предложить заменить название «театинцев» именем Вольтера и оправдывался тем, что «Вольтер у нас будет вечно, а театинцев не будет больше никогда». Он писал якобинцам: «я полагаю, что такое незначительное нововведение могло бы состояться простым декретом Национального собрания, которое ныне озабочено устройством народных празднеств в честь Мирабо, Вольтера и Ж.Ж. Руссо». В этом же письме демократический маркиз пригласил «добрых патриотов Известковой улицы» поместить на углах своих домов имя Жан-Жака Руссо, так как: «для чувствительных сердец и пылких душ» интереснее вспоминать, проходя по этой улице, что здесь когда-то жил в третьем этаже Руссо, чем знать, что в былые времена здесь обжигалась известь» [8].

Интересно и то, как уже тогда закладывалась возможность повторения истории: «Это переименование было одобрено, а через несколько дней Генеральный совет коммуны постановил, что улица Шоссе д'Антэн, где скончался Мирабо, должна впредь носить имя великого оратора. В слишком поспешном возвеличении есть тоже своя опасность: вчерашние кумиры часто оказываются завтра низверженными и от Капитолия всегда близко до Тарпейской скалы. Когда вскрытие «железного шкафа» выяснило, что у патриота Мирабо существовали более чем подозрительные сношения с двором, то толпа повесила его бюст на Гревской площади, а граждане секции «Мирабо» потребовали ее переименования в секцию «Монблана» [8, с. 212].

ширился круг объектов, которым присваиваются имена, – теперь это не только реки, поселения и улицы, но и отдельные дома, товарищества собственников жилья (ТСЖ), школы, вузы и т. д. Расширился круг слов, которые используются при создании имён, – теперь это не только хорошо известная географическая и социально-экономическая терминология, но и новые слова русского языка (неологизмы), в том числе и заимствованные из других языков, а также эмоционально-оценочная и возвышенно-поэтическая лексика. Всё это отражает изменения, произошедшие в нашем обществе, в нашем сознании, и способствует дальнейшему расцвету имятворчества. И это хорошо».

Новое положение требовало и соответственных наименований. Процесс стремительно набирал силу – и как это потом повторится в истории много раз: «Секция «Майль» желает именоваться секцией «Вильгельма Теля». Секция «Бон-Нувель» предлагает полное изменение всех существующих наименований. Улица «Сен-Клод» должна бы стать улицей «Астриюка», получившего известность благодаря нескольким превосходным трудам по врачебному искусству». Улице «Дочерей Божьих» более подобало бы название улицы «Добродетели». Соображения в пользу этого нового наименования не лишены были основательности: «В течение нескольких веков улица Дочерей Божьих, – раньше называвшаяся улицей Дочерей дьявольских, – была притоном разврата. Но с недавнего времени похвальными усилиями полиции нанесен окончательный удар вредоносной тле, занимавшейся здесь своим постыдным ночным промыслом» [8, с. 216].

Конвент на этом не остановился. Получив рапорты разных секций, он предписывает Комитету народного просвещения разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. «Когда правительство перестраивается заново, – говорилось в подготовленном докладе, – ни одно из злоупотреблений не должно избегнуть косы реформатора; необходимо опубликовать все... Патриотизм повелевает нам произвести перемену в наименованиях... Почему же законодателю не воспользоваться этим случаем, чтобы установить стройную и систематическую республиканскую номенклатуру, каковой не было еще примера в истории ни одного народа...». По-видимому, особого труда подыскать в этом отношении нечто лучшее против настоящего не представлялось. «В бессмертных деяниях нашей революции, – продолжает доклад, – в ее успехах мы найдем достаточно сюжетов, чтобы украсить ими все площади, и эти новые наименования, наряду с названиями прилегающих улиц, составят краткий курс истории французской революции» [8, с. 217].

Семиотизация пространственных мест и объектов требовала отслеживания процессуальности: в политической борьбе постоянно происходит смена приоритетов, субъектов власти, а потому постоянно происходит переозначивание семиотического пространства [1]. Причем, чем более радикально и последовательно начнет проводить эту работу любое политическое движение, тем с большей вероятностью оно победит в дальнейшем. Уже в Древнем Египте фараон Тутмос III для избавления от власти мачехи приказал уничтожить все изображения, упоминания, алтари Хатшепсут, в Древнем Риме памятники императорам ставили со «сменными головами».

В современной России если и не ломают памятники, то их задвигают, пытаются маргинализировать их, лишить центральных сакральных мест – как задвинули памятник герою Гражданской войны И. М. Малышеву в Екатеринбург³,

3 Подробности: <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>. См. также: М. Демури. Десталинизация Дмитрия Медведева и смердяковское лобби: «Как хорошо известно читателям, еще 15 августа 2015 года премьер-министр Дмитрий Медведев подписал правительственное распоряжение за № 1561-р «О Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В обиход оно вошло под простым и «скромным» названием «о десталинизации и десоветизации». При анализе содержания этого документа, вышедшего из-под пера главы правительства, постоянно кичащегося своим высоким юридическим образованием и профессионализмом, вскоре выяснилось, что по-

регулярно пытаются организовать снос мавзолея В. И. Ленина (который с фанатичным и явно провокационным упорством ежегодно 9 мая и 7 ноября заколачивается фанерой – хотя этот памятник включен в перечень ЮНЕСКО) и колумбария в кремлевской стене. «Тема захоронения покоящегося в Мавзолее Ленина, поднятая на Межрегиональном форуме ОНФ, всколыхнула тему избавления от советского наследия, по-прежнему болезненную для большинства россиян. До сих пор с прошлым боролись в основном топонимически: переименовывая города и улицы, или возвращая им старые дореволюционные названия» [3].

Борьба с памятниками стала важным типологическим признаком «цветных революций»⁴. «Ленинопад» на Украине⁵, борьба с памятниками советским

становление – во-первых, незаконное. Ибо в нем имеется ссылка на еще один правительственный документ, который своим номером не соответствует названию (проще говоря, исполнители перепутали, а главный начальник за ними не доглядел). А во-вторых, оно представляет собой вызов обществу, ведь, как следует из многочисленных социологических опросов и исследований, в том числе весьма репрезентативных, ни «десталинизацию», ни «десоветизацию» наши сограждане не воспринимают, не поддерживают и жестко, абсолютным, кричащим большинством в 90% тому и другому противостоят... Первый «заход» совершается отнюдь не на Войкова, а на В. И. Ленина. И на мемориал у Кремлевской стены, это понятно, ясно и однозначно. Для этого строили и недавно открытый мемориальный комплекс в подмосковных Мытищах. Только хватило ума распорядиться им по-другому, не трогая исторически сложившийся архитектурный ансамбль Красной площади / <http://gusmi.su/news/09–2015/news5335.html>.

4 Порошенко: Названия времен Новороссии будут стерты с карты Украины. 15 мая 2016, 13:06 <http://www.vz.ru/news/2016/5/15/810593.html>: «Президент Украины Петр Порошенко в воскресенье пообещал стереть с карты страны названия времен СССР и Новороссии. «Сейчас шестью постановлениями Верховной рады переименованы 688 населенных пунктов и 15 районов. В последние полтора года в областных центрах Украины изменены названия более тысячи улиц. С 13 декабря по апрель этого года демонтировано более тысячи идолов Ленина и около 150 истуканов другим советским деятелям», – приводит ТАСС его заявление». И далее: «Напомним, в октябре прошлого года украинский институт национальной памяти опубликовал перечень лиц, «имена которых должны быть стерты с карт Украины». Всего в перечне 520 фамилий с коротким указанием претензий. В апреле 2015 года Верховная рада Украины приняла закон, запрещающий публичное использование и пропаганду коммунистической и национал-социалистической символики в стране. После вступления в силу нового закона о декоммунизации на Украине могут быть переименованы 25 городов.

5 Андрей Архангельский: «В России к 1991 г. было 7 тыс. памятников Ленину... в Украине 2,2 тыс... К 2014 в России осталось ок. 6 тыс. Ющенко в 2007 г. объявил программу увековечения памяти голодомора и избавления от советских символов. Так что в 2014 г. («ленинопад») ничего нового, просто продолжение... это десоветизация, прописанная в законе, ничего неожиданного... всего в мире было 14 тыс. памятников Ленину» и далее либеральные и демократические дамы на «Эхе Москвы» заявляют: «К. Ларина: но народ-то оскорблен?

П. Дашкова: какой народ? Я вообще не знаю, что такое народ и как он оскорблен. Я не верю даже статистике.

К. Ларина: Эти 86% или 84%.

П. Дашкова: Этим 86% уже абсолютно на это давно плевать, они смирились с тем,

воинам-освободителям в Польше, Болгарии, Прибалтике – это примеры радикального переозначивания (настоящей «зачистки») с целью выкорчевывания исторической памяти о реальных событиях и замены ее фантомной, сконструированной применительно к задачам удержания и узурпации власти [2; 5; 6; 9; 11].

В среднеазиатских республиках бывшего СССР прокатилась мода на установление памятников «героям национально-освободительной» (чаще всего – антирусской) борьбы, на которые смещен центр внимания, значимости городского пространства (в отличие от прежних памятников «дружбе народов», героям революции и гражданской войны [4].

Еще свидетельство организованного процесса, приобретающего вполне гротескные черты: «В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжается избавление от наименований, оставшихся от советского прошлого, а ныне признанных не соответствующими канонам национальной чистоты. . . Переименованные улицы, поселки, школы, парки, заводы и фабрики можно перечислять очень долго. . . улица Гоголя, одна из старейших улиц Ташкента, названная так в 1893 году, – улицей академика Яхъё Гуломова. Памятник писателю при этом перетащили куда-то на задворки (колонизатор?..). Свежий пример: улица Динмухаммада Кунаева в очередной раз сменила имя и превратилась в Мирабадскую (Миробод кучаси). Сей факт весьма примечателен: в начале 90-х не кто иной, как президент И. Каримов предложил переименовать улицу Сапёрную, носившую это название более ста лет, в честь лучшего друга узбекского народа – первого секретаря компартии Казахской ССР Д. Кунаева. Улицу Цветочную переименовали в улицу Гиёса Умарова, но после того как сын последнего стал оппозиционером, срочно переименовали еще раз – в Хиёбонтёпа. < . . . > В Ташкенте большинство переименованных улиц никогда не носило узбекских имен, поскольку строилось в так называемом новом городе, возведенном возле исторического Ташкента, «старого города», хотя впоследствии оба они и слились в единое целое. Более того, когда прокладывались эти улицы, еще не существовало самого Узбекистана, как государства. Поэтому демонстративная смена их названий ни в коей мере не является восстановлением первоначальных исторических топонимов, утраченных в годы советской власти. Это всего лишь дань воинствующему национализму (оттого, что нынче он востребован во всех пятнадцати постсоветских республиках, включая Россию, его отвратительная сущность не меняется), всемерно поощряемому и поддерживаемому властями Узбекистана, и фактически возведенному в ранг государственной идеологии. Аналогичные процессы происходили и до сих пор происходят во всех без исключения республиках бывшего СССР. И прошлое, и настоящее, которое не по душе очередному режиму (диктатору, титульному этносу), безоглядно корректируется в нужную сторону, ту, которая больше нравится пребывающей в данный момент у власти группе лиц» [4].

Примеры можно умножать: «Соответственно этим установкам улица Ленина (ранее Большой проспект, ранее Романовская) стала улицей Буюк Туран (Великий Туран). Улица Карла Маркса (ранее Соборная, ранее Кауфманская, еще ранее Саларский переулок) превратилась в улицу Сайилгох. Улица Энгельса (ранее Московская) – в улицу Амира Темура, Пролетарская (ра-

что у нас в столице на Красной площади труп лежит... и вообще это была кормушка для художников, архитекторов...». <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

нее Духовского) – в Мовароуннахр, Луначарское шоссе (ранее Никольский тракт) – в Буюк ипак йули (Великий шелковый путь), Первомайская (ранее Л. Куропаткина) – в Шахрисабз, Ленинградская (ранее Петроградская, ранее Петербургская) – в улицу Матбуотчилар, Карла Либкнехта – в академика Восита Вахидова, а площадь Ленина (ранее Красная, ранее Соборная) – в площадь Муст акиллик (Независимости)» [4]. Не обошли вниманием и памятники: «Памятники коммунистическим и советским деятелям в Ташкенте, как и во всей республике, снесли. В том числе несколько памятников Ленину (в 1981 году в столице их насчитывалось около десятка), а также Фрунзе, Кирову, Куйбышеву и пролетарскому писателю Горькому. Разумеется, сломали и памятник Карлу Марксу, изваянный в виде пылающего факела, а на освободившееся место водрузили бронзовую статую завоевателя Тамерлана, указывающего рукой куда-то на запад» [4].

Националистический угар коверкает историческую память самым непосредственным образом: «В общей сложности с момента объявления независимости и до начала 2005 года в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это быть увековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало». Разумеется, что «для самого Узбекистана целенаправленная дискриминационная политика обернулась массовым исходом образованного и квалифицированного населения, и надолго упущенными историческими возможностями» [4].

Кроме того, предпринимаются и попытки архитектурного «примирения» с травматической памятью о прошлом: воздвигаются памятники жертвам репрессий, военных преступлений, геноцида. Но есть и откровенно реваншистские иллюзии – переиграть итоги прошлых политических баталий: именно так следует расценивать недавнее заявление руководства РПЦЗ, в котором оно, крайне смутно представляя российские реалии, в ультимативной форме потребовало – не более и не менее – снести мавзолей В.И. Ленина, снести все памятники ему в стране и т.п., чем явно повергло в смущение доморощенную РПЦ. Иерархи РПЦЗ, в свое время связавшие себя с политическими силами, бесповоротно проигравшими борьбу и навсегда скомпрометировавшими себя в глазах русского населения обращением за помощью к интервентам, зарубежным врагам Отечества, запятнавшие себя сотрудничеством с душителями и вешателями (колчаками, врангелями, каппелями, семеновыми, маннергеймами, унгернами и анненковыми и т.п.) сегодня имеют наглость диктовать народу условия, жаждут задним числом добиться реванша. Впрочем, мы можем понять природу их иллюзий: антиконституционная ползучая клерикализация России идет, причем в самых недопустимых формах – реституции, проникновения в госаппарат и армию, полицию, в пенитенциарную и сферу образования.

Нельзя отмахнуться от того факта, что «Уникальность российской ситуации состоит в том, что в отечественной элите есть влиятельная группировка, кровно заинтересованная в развенчании Победы... Для «офшорной аристократии» конфликт с Западом, да еще из-за какой-то трактовки истории, совершенно не нужен. Соответственно, эффективное противодействие фальсификации истории

объективно противоречит ее интересам, а защищать свои интересы она умеет»⁶. И далее тот же автор констатирует: «признание того, что цель фальсификаторов, не искажение исторических фактов, а решение геополитических проблем, разрушение духовных, цивилизационных основ государства и народа, неизбежно означает, что противодействие им должно включать в себя помимо опровержения лжи, еще и нечто другое, несоизмеримо более важное – укрепление и развитие этих самых духовных и цивилизационных основ нации. Как же тогда быть с европейским выбором и верностью европейским ценностям? Отсюда и вытекает упорное стремление представителей «патриотической» группы в российской элите вывести политическую сущность проблемы за скобки, сделать вид, что ее вовсе нет. Для них крайне важно свести все к чисто исторической проблематике. Потому и слышим постоянные мольбы и заклинания: «Оставьте историю историкам», естественно, остающиеся безответными»⁷.

Особая роль в семиотизации (означивании и переозначивании) городского пространства принадлежит архитектуре (строительство зданий и сооружений, организация городской среды и т. п. подчиняются прямо или опосредованно определенной идеологии («город солнца», «фаланстеры», «дома нового быта», «дворцы пионеров», «дома партий», «Дом офицеров», «Штаб военного округа», храмы и другие культовые сооружения, «вечный огонь», «могила неизвестного солдата», «Триумфальная арка», памятники вождям, историческим событиям и т. д.)). Перестройка Чикаго после знаменитого пожара и появление первых небоскребов, Сталинский план перестройки Москвы, план А. Шпеера по перестройке Берлина, архитектурная утопия О. Нимейера – Бразилиа; современные проекты «экологических городов» – все это примеры архитектурно-строительного воплощения современных идеологий.

Надо иметь в виду, что семиотизация пространства неизбежно делает его дискретным, ранжирует его локусы по степени нагруженности смыслами – сакрализации. Выделяется иерархия сакральных мест: главные центры, околоцентровая среда и периферия («старый город», «новый город»). Правда, нельзя забывать о том, что всегда присутствует не только благой центр, но есть и антицентр, своего рода семиотическая преисподняя, куда сбрасывается все противоречащее⁸. Такими местами в городе бывают, как правило, кварталы и целые районы городской нищеты (фавелы, бидонвили, трущобы), выгребные ямы, городские свалки («геенна огненная»), кладбища, заброшенные берега рек. Так, Владимир-креститель, как известно, идолищ поганых, языческих топил в Днепре; французская революционная чернь раскапывала могилы «реакционеров» и бросала их останки на городские свалки. Как вариант – предание огню всяких объектов враждебного культа (икон, храмов, реликвий, а заодно и самих адептов этих культов).

Городское пространство также выступает как арена постоянной борьбы между стремлением к прогрессу (в строительстве, планировании, размещении, благоустройстве и т. п.) и сохранением исторического наследия (материализо-

6 Шишкин И. <http://www.regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTrpq>.

7 Там же.

8 Как известно, вечевого колокол, сзывавший новгородцев на вече, был низвергнут с колокольни, порот, а по вырывании языка – сослан в Тобольск.

ванной памяти: памятники архитектуры и истории). Даже в узко понятом прагматическом аспекте – убирать отжившее и не представляющее исторической ценности – задача эта не имеет легкого решения: крайне трудно понять, что на самом деле имеет, а что не имеет исторического значения⁹. А если, как это всегда происходит в обществе, за различными решениями стоят социальные группы и политические силы (часто под прикрытием «возвращения исторической правды» беззастенчиво протаскивается монархическая, антисоветская символика) – приемлемого для всех решения часто вовсе не существует.

В этом противостоянии немаловажной проблемой является «глубина» исторической памяти – как далеко в прошлое заходит стремление сохранить историческую память? Многие города гордятся своей древностью («Вечный город Рим», Иерусалим, Париж, и т. п.). Здесь имеет место свое противоречие: как преодолеть отчетливое пренебрежение памятью о недавних исторических событиях и не впасть в подозрительный пиетет перед «древностями». Еще одно крайне сложное противоречие, простого разрешения которого не знает никто (историки говорят о «холодной» и «горячей» памяти, что, скорее, является утешительной метафорой, чем действительным пониманием путей решения дилеммы).

Человек должен как-то уметь «правильно» забывать, а вечное возвращение в прошлое столь же опасно, как и отбрасывание или уродование своей исторической памяти (сегодня особенно часто и вполне небескорыстно провозглашаются призывы «покаяться», однако даже поверхностный взгляд показывает пристрастную избирательность в том, кому и за что надо «каяться»). Единственная верная процедура здесь – достижение изначального согласия главных социальных групп о фундаментальных смысложизненных ориентациях: уповать же на то, что «специалисты – разберутся», что «время – лечит», что есть «организации, которые лучше всех это могут сделать» – утопично.

1. Азаров Алексей. Марат и Марсельеза или Следы революции в ономастике: «...Поистине с размахом происходили и в революционной Франции,

9 М.В. Горбаневский: Историко-культурные традиции любого народа и его памятники (к ним, подчёркиваем, по нашему мнению, относится и сложившаяся за века система географических названий, топонимов) имеют чёткую тенденцию к передаче от поколения к поколению. События октября 1917 года и воцарившийся затем в нашем Отечестве политический строй эту тенденцию нарушили, во многом – очень серьезно... есть ещё одна группа названий, являющая собой не просто исторический нонсенс, а нечто худшее: речь идёт о топонимах, сохраняющих имена известных террористов прошлого, которых советская власть превозносила как борцов за светлое будущее... нам всем надлежит деятельно потрудиться на ниве восстановления исторических названий на картах исторических городов России и избавления городов от большевистского топонимического мусора, ибо исторические географические названия – это культурообразующие скрепы между нашим прошлым, настоящим и будущим // Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы, проблемы, решения / Тезисы доклада на Всероссийской ономастической конференции. Тамбов 2010 // <http://rus-expert.livejournal.com/12005.html> Чего здесь больше: заботы о сохранении исторической памяти или вполне себе реставраторского политиканского зуда?

и в революционной России переименования географических названий. Основные направления смены географических названий и во Франции, и в Советской России, а затем в СССР были сходными. Так, отказывались от названий, связанных с монархией и с религией... В СССР на время или навсегда исчезли многие названия городов, данные в честь императоров или императриц (Екатеринославль, Екатеринбург, Новониколаевск и другие). Изживались и названия (особенно улиц, площадей), связанные с церковью. Что происходило во Франции после 1789 года? Повально отбрасывали приставку «сен» («святой»)... Особенностью Франции было то, что вызванные революцией переименования приобрели значительно больший размах. Так, Комитету народного просвещения поручили разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. В СССР таких проектов в масштабе страны в переименованиях не было: старые названия изживались постепенно, в течение нескольких десятилетий. Но при этом топонимические изменения, принесенные революцией, во Франции оказались мимолетнее топонимических изменений в СССР. Так, королевским указом 1814 года были восстановлены все названия, существовавшие до 1790 года. В постсоветских государствах подобной обязательной отмены советских топонимов с возвратом к прежнему состоянию не было // http://rus.azattyq.org/a/onomastics_revolution_france_russia/27126333.html.

2. Бархатов Алексей. Психбольница имени Туркменбаши // <http://www.eg.ru/daily/politics/4550/>: «Число беженцев из братской Туркмении скоро может превысить 100 тысяч: туркменский президент Сапармурат Ниязов с 22 июня отменил в стране двойное гражданство. Перед десятками тысяч российских граждан поставили условие – либо бросаете все и уезжаете, либо становитесь подданными чудесной Туркмении. Жизнь в этой «процветающей» под скипетром своего лидера стране не слишком отличается от жизни в Эфиопии или Анголе, поэтому немудрено, что началось настоящее бегство россиян».

3. Битва за Сталинград. Самые спорные попытки переименования улиц и городов в России // <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>.

4. Волосевич Алексей. Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц 31.01.2008 // <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>.

5. Где эта улица, где этот дом? В Таджикистане переименовали последний город с русским названием // <http://news.tj/ru/newspaper/article/gde-etaulitsa-gde-etot-dom>.

6. Зуд переименований // http://rus.azattyq.org/a/uzbekistan_karimov_renaming_edikt_astana_akmola_choluevo_russia/24361608.html: В Астане, по словам обозревателя газеты «Око» Сергея Бойко, из названий улиц исчезли не только деятели советской эпохи, но и космонавты, ученые, писатели с мировыми именами, зато появилась улица имени бывшего короля Саудовской Аравии <...> При этом в городе остались улицы Мостопоезд-463, Балочная, Парижской коммуны, Первомайская, Пионерская, Кирова и многие другие.

7. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. – М.: Языки славянских культур, 2007, с. 165–179.

8. Кабанес О. и Насс Л. Революционный невроз. Издательство Д. Ф. Коморского, СПб., 1906 г. / Отдел 3. Революционный вандализм. Глава 2. Переименование улиц и селений // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kab/.

9. Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/.

10. Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей // <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiiev-0/>.

11. Снос памятников Ленину – вандализм или прощание с империей? // <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

12. Чкаловск // <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>. Как всегда: «Целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа», – отмечает правительственное информгентство «Ховар».

References

1. Azarov Aleksej. Marat i Marsel'eza ili Sledy revolyucii v onomastike: «...Poistine s razмахом происходили и в революционной Франции, и в революционной России переименования географических названий. Основные направления смены географических названий и во Франции, и в Советской России, а затем в СССР были сходными. Так, отказывались от названий, связанных с монархией и с религией... В СССР на время или навсегда исчезли многие названия городов, данные в честь императоров или императриц (Екатеринославль, Екатеринбург, Новониколаевск и другие). Изначались и названия (особенно улиц, площадей), связанные с церковью. Что происходило во Франции после 1789 года? Поважно отбрасывали приставку «sen» («святой»)... Особностью Франции было то, что вызванные революцией переименования приобрели значительное большое размах. Так, Комитету народного просвещения поручили разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. В СССР таких проектов в масштабе страны в переименованиях не было: старые названия изначально постепенно, в течение нескольких десятилетий. Но при этом топонимические изменения, принесенные революцией, во Франции оказались мимолетнее топонимических изменений в СССР. Так, королевским указом 1814 года были восстановлены все названия, существовавшие до 1790 года. В постсоветских государствах подобной обязанности отмены советских топонимов с возвратом к прежнему состоянию не было / http://rus.azattyq.org/a/onomastics_revolution_france_russia/27126333.html.

2. Barxatov Aleksej. Psixbol'nica imeni Turkmenbashi / <http://www.eg.ru/daily/politics/4550/>: «Число безденежия из братской Туркмении скоро может превзойти 100 тысяч: туркменский президент Сапармурат Ниязов с 22 июня отменил в стране двойное гражданство. Перед десятками тысяч российских граждан поставили условие – либо брать все и уезжать, либо становиться подданными чуждой Туркмении. Жизнь в этой «процветавшей» под скипетром своего лидера стране не слишком отличается от жизни в Египте или Анголе, поэтому немудрено, что началось наступление бегства россиян».

3. Bitva za Stalingrad. Samye spornye popytki pereimenovaniya ulic i gorodov v Rossii // <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>.

4. Volosevich Aleksej. Gimn nacionalizmu. Za poslednie semnadcat' let v Tashkente pereimenovana polovina ulic 31.01.2008 // <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>.

5. Gde e'ta ulica, gde e'tot dom? V Tadzhikestane pereimenovali poslednij gorod s ruskim nazvaniem // <http://news.tj/ru/newspaper/article/gde-eta-ulitsa-gde-etot-dom>.

6. Zud pereimenovanij // http://rus.azattyq.org/a/uzbekistan_karimov_renaming_edikt_astana_akmola_choluevo_russia/24361608.html: V Astane, po slovam obozrevatelya gazety «Oko» Sergeya Bojko, iz nazvanij ulic ischezli ne tol'ko deyateli sovsckoj e'poxi, no i kosmonavty, uchenye, pisateli s mirovymi imenami, zato poyavilas' ulica imeni byvshego korolya Saudovskoj Aravii <...> Pri e'tom v gorode ostalis' ulicy Mostopoezd-463, Balochnaya, Parizhskoj kommuny, Pervomajskaya, Pionerskaya, Kirova i mnogie drugie.

7. Ivanov Vyach. Vs. K semioticheskomu izucheniyu kul'turnoj istorii bol'shogo goroda // Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki. – M.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2007, s. 165–179.

8. Kabanov O. i Nass L. Revolyucionnyj nevroz. Izdatel'stvo D. F. Komorskogo, SPb., 1906 g. / Otdel 3. Revolyucionnyj vandalizm. Glava 2. Pereimenovanie ulic i selenij // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kab/.

9. Okolo 170 millionov tenge ujdet na pereimenovanie ulic v Almaty // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/.

10. Proshhaj, istoriya: v Kieve zanyalis' pereimenovaniem ulic i ploshhadej // <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>.

11. Snos pamyatnikov Leninu – vandalizm ili proshhanie s imperiej? // <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

12. Chkalovsk // <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>. Kak vseгда: «Cel'yu pereimenovaniya yavlyatsya propaganda nacional'nyx cennostej, probuzhdenie istoricheskoy pamyati molodogo i podrastayushhego pokolenij o kul'ture predkov i sovremennoj gosudarstvennosti tadzhikskogo naroda», – otmechaet pravitel'stvennoe informagentstvo «Xovar».

UDC 008+316

THE CITY AS A SPACE OF HISTORICAL MEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural State University of Economics,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

Semiotics of cities, from the moment of their occurrence, multidimensional and highly saturated with values and meanings. The study and understanding of these manifold meanings only makes it possible to comprehend the city as a cultural-historical phenomenon. The space of the city creates a real space of historical memory, steeped in sharp political struggle. A clear illustration of this “anti-monuments” are modern European and Asian cities, especially in the post-Soviet space. Came to power, social groups, national-ethnic bourgeoisie vengeful weed out recent historical memory of their people, often bringing it to the sad grotesque in the acute desire to achieve a historic rematch.

Key concepts:

semiotics of the city, historical memory, politics of memory, city, political discourse, the development of the city – the contradiction of historical memory and progress.

УДК 327

ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В продолжении статьи предметом рассмотрения являются вопросы методов и средств, с помощью которых социальные институты совершают работу по дешифровке структур идентичности людей из других исторических эпох, которые могут быть применены для анализа нашей собственной идентичности, для вскрытия дискурсивной, образной природы нашего собственного исторического сознания и памяти.

Ключевые понятия:

идентичность, дискурс, методология, мобилизация, коллективная память, социальная память, культурная память, историческая память, политическая память.

*Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости.*
А.С. Пушкин

*История непосредственно касается нас.
А все то, что касается нас, тем самым
составляет проблему настоящего для человека.*
К. Ясперс

В последнее время как в обществе в целом, так и в профессиональной среде, все чаще стали звучать высказывания, что важнейшей функцией истории

* Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36.

является сохранение социальной памяти – ключевого механизма самоидентификации общества. Историческая память – воспроизводит преемственность и непрерывность социального бытия. Она выступает своеобразным «хранилищем» национальной идентичности. Она содержит знание о судьбоносных событиях, об исторических битвах, о героях исторических событий, о жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей науки, техники, культуры, искусства, военного дела, государственных деятелей и политиков. Историческая память – это мощный регулятор общественного сознания. В данной статье историческая, социальная, коллективная память рассматриваются скорее как синонимы, а не как понятия, отражающие определенные специфические особенности. Память – это не абстрактные знания каких-либо событий. Память – это жизненный опыт, знание событий, пережитых и прочувствованных, отражающихся эмоционально. Значимые события в истории страны работают на сплочение общества, а знание истории Отечества – необходимый элемент становления самосознания гражданина России. Сегодняшняя тенденция к переписыванию исторических событий должна определенно насторожить все человечество. К сожалению, некоторые современные радикальные сообщества взяли за основу своих убеждений теорию немецкого представителя иррационализма Ф. Ницше, высказанную им в своей книге «О пользе и вреде истории». Они пытаются по-новому осмыслить исторический опыт трагических событий разрушительных войн, утверждая, что человеку необходимо «вычищать» сознание от несовершенства [5]. Сохранение исторической памяти – главная задача большей части общества, что не принимает искажение событий истории своего народа и борется с нравственным кризисом памяти поколений.

Изучение проблематики памяти мы находим в работах таких философов как: Платон, Аристотель, Плотин, А. Августин, Г. Гоббе, Д. Локк, И. Кант, Г.В. Гегель, К. Маркс, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, П. Рикер, Н.А. Бердяев, М. Лопатин, В. Соловьев, П.А. Флоренский и др. Так, Д.С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память наше богатство» [4, с. 14].

Историческая память достаточно часто становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и конфликтов. Переоценка истории, её переписывание, свержение кумиров, забвение героев, разрушение памятников изменяют «энергетический потенциал» культуры. Как справедливо замечает С.Н. Иконникова: «Историческое прошлое является риторическим конструктом настоящего, оно воссоздается в дискурсе, и молчание нередко становится симптомом забвения» [3, с. 220].

Какие же способы передачи памятных событий существовали в истории? Память народа к прошедшим событиям выражалась в различных формах. В старину это была устная передача информации в сказках, легендах и преданиях. Персонажи устного народного творчества наделялись героическими чертами реальных людей, отличившихся подвигами и смелостью. Былинные сюжеты всегда воспевали мужество защитников Отечества. С помощью искусства прошлое сохранялось в рисунках, живописных полотнах, скульптурах, памятниках.

Позже это были книги, дневники, письма. С рождением фотографии, а затем и кинематографа зародилось документальное кино, которое отражало реальные факты действительности. Затем уже – и художественный кинематограф, который идеологически типизировал героика того или иного исторического времени, превращая его в художественно-исторические мифы нашего общественного сознания. В настоящее время основными источниками освещения исторических фактов стали СМИ, составляющей частью которых является интернет. Сегодня в основном они формируют наше восприятие и отношение к опыту прошлого, судьбоносных событий в политике, экономике, культуре и науке.

Таким образом, исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» существуют в одном проблемном поле, очерчивая смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти; и они же, как представляется, достаточно четко показывают, в чем заключается интерес исследований по исторической памяти. Главная задача науки в этом вопросе – систематическое изучение истории со школьной скамьи и достоверное освещение исторических фактов на страницах школьных учебников. Только так мы сможем воплотить в жизнь лозунг: «Сохраним историческую память россиян». Историческая память России многие столетия преодолевает сложности. Это связано с многонациональностью состава населения нашей страны. Каждая этническая группа, входящая в состав России, имеет свою культуру и традиции, религиозные ценности и убеждения. Поэтому особенно важным будет создание единой школьной программы для русскоязычного населения, которая будет направлена на формирование общероссийской идентичности.

Следует в этой связи вспомнить работы М. Хальбвакса. В них автор определял коллективную память в качестве особого сегмента исторического знания, который существует отдельно от академического или научного исторического знания. Он показал, что коллективные представления сообщества о прошлой истории являются одним из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентичности сообществ, благодаря которой утверждается и поддерживается социокультурная дифференциация, социокультурное разнообразие в их среде. М. Хальбвакс ввел в оборот ещё одно важное понятие – «коммеморация». Им определяются все многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [9, с. 22].

Определение способов передачи памятных событий зависит от методологического подхода к определению и пониманию исторической памяти. Так социально-психологический подход, представленный трудами П. Жане, В. Вундта, У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, рассматривает психические явления, связанные с совместной жизнью людей. В своих трудах они исследуют память в ракурсе социальной психологии, где феномену социальной памяти отводится важное место. По их мнению память определяется как элемент социальной жизни человека, имеющий социальный характер. Первым исследованием коллективной памяти в рамках данного направления начал К.Г. Юнг, выделяя «личное» и «сверхличное» или «коллективное» бессознательное,

которое представляет собой более глубокие слои бессознательного, где содержатся общечеловеческие, изначальные образы – архетипы. По происхождению архетипы более древние и составляют так называемый «первичный рисунок» для каждого человека, повторяющийся опыт человечества. Хранение архетипов в коллективном бессознательном осуществляется в форме «наследственных категорий» [10, с. 97]. Юнг считал, что при слиянии личного и коллективного бессознательного происходит расширение личности, ведущее к «состоянию инфляции». Осознание содержания коллективного бессознательного и его размежевание с личным бессознательным позволяет ассимилировать архетипические образы, переработать их и понять.

Коллективная память может длительное время существовать на чисто информационном уровне, когда ее материальные носители не являются востребованными. Актуализируясь в текстах историков, краеведов, журналистов, в медиа-образах и учебниках, коллективная память не просто выступает «гласом народа», предков, идущим из прошлого. Она превращается в информационно-идеологический ресурс, связанный с процессом легитимации властных институтов, современных политических практик. Она транслируется посредством системы символических репрезентаций. Актуализированная коллективная память выступает также одним из важных ресурсов информационных войн, формирует особое поле борьбы, которое сегодня обозначается термином «войны памяти» [6; 8].

Дискурсивный подход к проблемам коммеморации акцентирует внимание на семиотических, аксиологических, образно-интерпретационных и репрезентационных компонентах коллективной памяти. Особое внимание уделяется изучению дискурса ее политических репрезентаций, которые задействованы в такой сфере как политика памяти. Под дискурсом политики памяти подразумевается система форм и способов трансляции и репрезентации прошлого в целях управления коллективной памятью народа [8]. В условиях информационной войны дискурс политики памяти приобретает черты конфронтационности, агональности [6]. Агональность данного дискурса проявляется в конфликтном характере смысловых интерпретаций разными субъектами одних и тех же воспроизводимых в коллективной памяти событий и явлений прошлого.

Культурная память – это такой уровень коллективной памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой сложившийся в конкретной культуре набор знаково-образной, символической и вербальной репрезентации прошлого. Это определенная система культурного кодирования/декодирования прошлого [1, с. 50–59]. В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институты образования, музеи, выставочные комплексы, контролируемые государством, общественными объединениями и СМИ.

Социальная память – это такой уровень исторической памяти, который формируется в процессе усвоения культурной памяти массовым сознанием. Это – обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Социальная память может быть рассмотрена как составная часть массового сознания, которая характеризуется способностью концентрированно отражать значимую и актуальную информацию о прошлом в тесной

связи с настоящим и будущим. Этот уровень часто представлен социальными стереотипами о прошлом.

Социальная память связана с семейными преданиями и нарративами о значимых исторических событиях. Этот вид памяти, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большим организационно-мобилизационным потенциалом, поскольку произрастает из общности переживаний, общей исторической судьбы, общей гордости за преодоленные трудности у большой массы людей. Современной формой проявления этого вида памяти является движение «Бессмертный полк». Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов и проч. Из таких историй складывается прошлое, настоящее и будущее России. Главные персонажи и авторы здесь – простые люди. Это – война в лицах и судьбах, это – история войны, сконструированная «снизу» коллективной памятью народа.

За прошедшие 70 лет восприятие Великой Отечественной войны, в той или иной мере, изменилось не только у ее непосредственных участников, но и у послевоенных поколений россиян. В связи с этим значительный научный и практический интерес вызывает анализ исторического сознания и исторической памяти учащейся молодежи, представляющей собой наиболее образованную часть современной российской молодежи. Результаты социологических опросов свидетельствуют о высоком ценностном, национально-идентификационном и эмоционально-возвышающем значении для молодых граждан России их непосредственного участия в процессах увековечения, коллективного сохранения и ритуально-символического оформления коллективной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [2].

В мировой науке постоянно дискутируется вопрос о том, какие социально-исторические ценности, знания, образцы поведения, элементы народного творчества должны быть сохранены и переданы последующим поколениям для обеспечения стабильного и эффективного развития общества, для формирования условий обеспечения национальной безопасности страны. Это приводит к актуализации разработки теоретико-методологических проблем изучения политики исторической памяти [7]. Дискурс политики исторической памяти следует рассматривать как важнейший инструмент актуализации и мобилизации прошлого опыта народа, страны, государства. Эффективное управление процессом сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти – одна из центральных задач политики государства, которая связана с созданием разветвленной сети институтов национальной памяти, с разработкой стратегических оснований и технологий реализации данной политики.

1. Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем М.М. Сокольский. – М.: Языки славянской культуры, 2004–368 с.

2. ВЦИОМ. Великая отечественная война – в рассказах и фильмах. Пресс-выпуск. № 2607. 18.06.2014 [Электронный ресурс]: [http://www. wciom. ru/index.php](http://www.wciom.ru/index.php).

3. Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивили-

зации // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПб. СПбГУП. 2006. – 384 с.

4. Лихачев Д. С. Память истории священна. М.: Правда, 1986. – 63 с.
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории. М.: Изд-во «Фолио», 2009. – 128 с.
6. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 10–19.
7. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть I. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1 (22). С. 10–17.
8. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Современный дискурс политики памяти // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», – 2015. – (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. Ред. О. В. Гаман-Голутвиной). – 375. С. 226–238.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
10. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 128.

References

1. Assmann J. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti / Per. s nem. M. M. Sokol'skii. – М.: Yaziki slavyanski kulturi, 2004. 368 s.
2. VCIOM. Velikaya otechestvennaya vojna – v rasskazax i fil'max. Press-vypusk. № 2607. 18.06.2014 [Elektronnyj resurs]: <http://www.wciom.ru/index.php>.
3. Ikonnikova S. N. Istoricheskaya pamyat' kak duxovnyj resurs civilizacii // Gumanitarnye problemy sovremennoj civilizacii: VI Mezhdunarodnye Lixachevskie nauchnye chteniya, 26–27 maya 2006 g. / SPb. SPBGUP. 2006. – 384 s.
4. Lixachev D. S. Pamyat' istorii svyashhenna. М.: Pravda, 1986. – 63 s.
5. Nicshe F. O pol'ze i vrede istorii. М.: Izd-vo «Folio», 2009. – 128 s.
6. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 10–19.
7. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Velikaya Otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' I. // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1 (22). S. 10–17.
8. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Sovremennyj diskurs politiki pamyati // Rossijskaya politicheskaya nauka: Idei, koncepcii, metody: Nauchnoe izdanie / Pod red. L. V. Smorgunova. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», – 2015. – (Seriya «Rossijskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy». Pod obshh. Red. O. V. Gaman-Golutvinoj). – 375. S. 226–238.
9. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' / Moris Xal'bvaks // Neprikosnovennyj zasap. – 2005. № 2–3 (40–41). S. 8–27.
10. Yung K. G. Ob arxetipax kollektivnogo bessoznatel'nogo // Arxetip i simvol. М.: Renessans, 1991. S. 128.

UDC 327

DISCOURSES OF HISTORICAL MEMORY (CONTINUATION)

Romanova Kira Stepanovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

In the continuation of the article subject to review will be the methods and means by which social institutions perform the work on deciphering structures of identity of people from other historical periods, which can be applied for the analysis of our own identity, for the opening of discourse, imaginative nature of our own historical consciousness and memory.

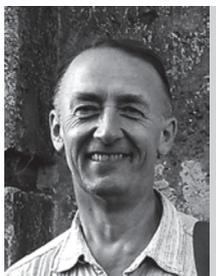
Key concepts:

identity, discourse, methodology, mobilization, collective memory, social memory, cultural memory, the politics of national memory.

УДК 16+11+17+51-77

ВЕКТОРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИМПЛИКАЦИИ И ВЕКТОРНАЯ ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАКОН КОНТРАПОЗИЦИИ БИНАРНОЙ ОПЕРАЦИИ»

**(Структурно-функциональная аналогия
между логикой и чистым естествознанием
a priori на примере открытого Галилео
Галилеем принципа относительности
скорости движения)**

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Предлагается новая модификация определения импликации, по-новому нейтрализующая пресловутые парадоксы. Классическая истинностно-функциональная дефиниция импликации трактуется как чисто «скалярная», т. е. не имеющая векторного аспекта. Демонстрируется, что явное включение векторного аспекта в дефиницию импликации позволяет устранять парадоксы следования новым способом. Предлагается существенное обобщение понятия «закон контрапозиции бинарной операции», частными случаями которого оказываются как «чисто скалярные», так и векторные формы закона контрапозиции бинарных операций. Впервые явно демонстрируется существование структурно-функциональной аналогии между принципом контрапозиции логической операции «коррекция», имеющей векторный аспект, в двузначной алгебре логики и дискретной математической моделью формально-аксиологической интерпретации сформулированного Галилео Галилеем принципа относительности скорости движения. Упомянутая интерпретация формулируется в терминах алгебры формальной аксиологии.

Ключевые понятия:

материальная-импликация, коррекция, импликация-с-вектором, коррекция-с-вектором, инверсия-вектора, контрапозиция-векторной-бинарной-операции, принцип-относительности-Галилея-как-аналог-закона-контрапозиции-векторной-коррекции.

*Логика – это генерал-бас разума,
и, наоборот, генерал-бас – логика музыки.
Между чистым естествознанием а priori и генерал-басом
должна быть найдена аналогия.
А. Шопенгауэр «К логике и диалектике» [18, с. 118]*

1. Проблема парадоксальности материальной импликации и релевантная логика

Допустим, что вышеупомянутое Шопенгауэром «чистое-естествознание-а-priori» действительно существует, являясь важным аспектом (фрагментом) естествознания вообще и физики в частности. Какие выводы можно сделать, приняв это допущение? Попытаемся гипотетико-дедуктивно исследовать данный вопрос, мысленно отделив с помощью абстракции априорный аспект физики от апостериорного (ее аспекта) и сосредоточив все свое внимание на первом. Относится ли *векторный* характер некоторых величин в физике к ее *априорному* аспекту? Вопрос нетривиальный, но допустим, что да. Что из этого следует? Попытке ответить на этот вопрос и посвящена настоящая статья. В связи с обсуждаемым вопросом, прежде всего, уместно заметить, что принятое нами допущение о принадлежности *векторного* характера некоторых величин *априорному* аспекту физики отнюдь не беспочвенно: в «Критике чистого разума» в качестве конкретного примера *априорного* закона природы Кант рассматривал «третий закон Ньютона» [4, с. 52, 54], в котором речь идет о количественном равенстве сил действия и противодействия. Но сила – *векторная* величина. Следовательно, согласно Канту, точная формулировка некоторых *априорных* законов физики с необходимостью включает в себя *векторный* аспект. Но является ли «третий закон Ньютона» уникальным в этом роде, или есть еще и другие *априорные* законы физики, имеющие необходимо *векторный* характер? Вопрос нетривиальный, но допустим, что да. Нельзя ли привести хотя бы еще один конкретный пример *векторного* принципа *априорной* физики? По моему мнению, можно. Его построению и обсуждению как раз и посвящена настоящая статья. Вопрос: как это связано с логикой? Ответ: связь с логикой (*аналогия*) указана в приведенном выше эпиграфе к данной статье. Вопрос: в чем именно заключается упомянутая аналогия? Ответ на этот вопрос будет дан в результате представленного ниже исследования.

В течение длительного времени *векторный* характер некоторых величин в физике не осознавался и в строгие определения понятий и точные формулировки законов физики не включался (в явной форме), хотя часто неявно подразумевался. *Аналогичное* положение, по моему мнению, имеет место в логике вообще

и в отношении бинарных операций «импликация» (материальная импликация) и «коррекция» в особенности. Коррекцией в классической символической логике иногда называется бинарная логическая операция, являющаяся математически двойственной по отношению к импликации (материальной), и в настоящей статье слово «коррекция» используется именно в таком значении. На языке символической логики сказанное о коррекции можно выразить еще и так: по определению,
 $(C \Leftarrow B) \equiv (C \supset B) * \equiv \neg(\neg C \supset \neg B) \equiv (\neg C \& B)$.

Здесь: C, B – логические формулы; символы $\Leftarrow, \supset, \neg, \&$ обозначают логические операции «коррекция», «импликация (материальная)», «отрицание», «конъюнкция», соответственно; символ \equiv обозначает логическую равносильность формул. Дефиниция символа ω^* : если ω есть какая-то (любая) формула, то ω^* есть формула, математически двойственная формуле ω .

В естественном языке коррекция ($C \Leftarrow B$) представлена выражением «не C , а B ». Именно такое выражение часто используют для представления в естественном языке *исправления* (чего) C на (что) B , поэтому, название «коррекция (correction)» в отношении к операции ($C \Leftarrow B$), на мой взгляд, вполне естественно.

В среде философов и особенно логиков общеизвестно, что со времен античной древности классическая бинарная операция «импликация» (называемая иногда «материальной импликацией») рассматривалась как *парадоксальная*. Имелась в виду очевидная *странность* точного определения (истинностно-функционального) смысла импликации с помощью следующей истинностной таблицы.

Таблица 1 – Точное определение истинностно-функционального смысла бинарных операций «импликация» и «коррекция» в классической алгебре логики.

C	B	$C \supset B$	$C \Leftarrow B$
и	и	и	л
и	л	л	л
л	и	и	и
л	л	и	л

Парадоксами (материальной) импликации в этой таблице являются две нижние строки. Если согласиться с адекватностью (точностью) определения смысла условного высказывания в логике вышеприведенной истинностной таблицей, то необходимо будет согласиться также и с истинностью следующих двух высказываний. (1) Если $3+3=99$, то кардинал Ришелье не был опоссумом. (2) Если сумма углов треугольника равна 33 градусам, то кардинал Ришелье был опоссумом. Очень многом (не только профессиональным психиатрам, но и особенно вышеупомянутому кардиналу и его гвардейцам) эти высказывания могли бы показаться, бесспорно, неадекватными – оскорбительными¹, смешными, ложными, но вопреки этому, факт, что вышеприведенная табличная дефини-

1 Вполне достаточное основание для помещения автора в Бастилию.

ция импликации – необходимый элемент классической логической культуры человечества. В этой странной ситуации по отношению к профессиональным разработчикам логических канонов адекватного мышления вполне уместно применение поговорки «сапожник без сапог», и такая ситуация существует уже не одно тысячелетие.

Но в таком случае вполне естественно ожидать, что в истории человечества вообще и его философской культуры в особенности, были неоднократные попытки дать импликацию такую более адекватную дефиницию, которая не сводит *весь* смысл условного высказывания к ценностно-функциональному смыслу классической (материальной) импликации. Да, естественно, так и было. В частности, критики материальной импликации указывали на такой ее недостаток, как *принципиальное игнорирование (преднамеренное отсутствие учета) связи между содержанием антецедента и консеквента импликации* в ее классической дефиниции [28, с. 324–339]. Именно этот недостаток, согласно упомянутым критикам, и проявился в приведенных выше двух конкретных примерах обсуждаемого парадокса. Многочисленные критики считали одной из важнейших задач логики *осознанное представление (преднамеренный учет) связи между содержанием антецедента и консеквента импликации* в ее адекватной (и поэтому *неклассической*) дефиниции. Поиском точной формулировки такой дефиниции *неклассической* импликации занимались многие. В результате возникло и продолжает интенсивно развиваться интеллектуально уважаемое научное направление *неклассической* логики – релевантная логика.

2. Еще один (ранее не предлагавшийся и не обсуждавшийся) возможный вариант – векторная импликация (или импликация как векторная величина)

Если речь идет о логических формах истинных или ложных высказываний $C, B, (C \supset B)$ как о *только скалярных* логических формах (функциях), истинностные значения которых полностью детерминированы *скалярными* величинами истинности (истинностными значениями: «истинно»; «ложно»), то в классической логике импликация полностью определяется вышеприведенной таблицей 1. В предыдущем разделе статьи уже отмечалось, что многие философы и логики таким определением не удовлетворены. Многие из них согласны признать, что таблица 1 есть *необходимое* условие адекватного определения импликации, но не согласны признать ее *достаточность*. По их мнению, дефиниция материальной импликации *недостаточна* для полного и точного определения смысла условного высказывания в логике: она верна лишь приблизительно; приемлема лишь в первом приближении (к истине). Поэтому К. И. Льюис и К. Г. Лэнгфорд предложили трактовать условное высказывание в логике как «строгую импликацию» [28; 29]. Они определили понятие «*C строго имплицирует B*» следующим образом: $(C \text{ строго имплицирует } B) \equiv \square (C \supset B)$, где символ \square обозначает алетическую модальность «необходимо»². Тем самым Льюис и Лэнгфорд наме-

2 Иными словами определение строгой импликации можно сформулировать следующим образом: $(p \text{ строго влечет } q) \equiv (\text{невозможно, что } (p \text{ истинно, а } q \text{ ложно}))$ [28, с. 293].

ревались уточнить определение смысла связки «если..., то...» в логике, доведя его до идеала. Но в результате разрешения старых парадоксов появились новые. Их преодолению и обсуждению темы на качественно новом уровне посвящена обширная литература: [1; 15; 16; 19; 20; 24–26; 33–37]. В данной статье систематический аналитический обзор этой литературы осуществляться не будет, так как весь объем статьи посвящен точной формулировке и обсуждению еще одного (ранее не предлагавшегося) возможного варианта разрешения парадоксов материальной импликации, а также констатации факта существования нетривиальной связи (фундаментальной структурно-функциональной *аналогии*) между логикой и априорным аспектом (фрагментом) теоретической физики.

Предлагается рассматривать связку «если..., то...» в логике как *векторную* логическую форму, т. е. дополнить импликацию ($C \supset B$) *вектором следования* (от чего к чему), точно указывающим на существование *направленности движения содержания мысли*; из какого antecedента исходим и к какому консеквенту приходим. Обозначим векторную импликацию («из C следует³ B ») символом $\overline{C \supset B}$. В этом составном знаке символ ($C \supset B$) обозначает *скалярный* аспект следования B из C , точно определенный выше таблицей 1, а «верхняя стрелка слева направо» обозначает *векторный* аспект следования содержания B из содержания C . Вектор в данном случае представляет собой *форму* (способ) *учета связи между содержанием B из C в условиях систематического абстрагирования от их конкретного содержания*. Такое абстрагирование является необходимой фундаментальной процедурой, без осуществления которой собственно логический (=формально-логический) анализ мышления и речи невозможен. От конкретного содержания antecedента и консеквента нужно абстрагироваться. Но при этом от *вектора* движения от одного конкретного содержания мысли к другому конкретному содержанию мысли абстрагироваться нет необходимости. Более того, во многих важных случаях есть необходимость принять вектор изменения содержания мыслительного процесса во внимание. Есть ли в действительности такой вектор или его на самом-то деле нет – для адекватного мышления нередко очень важно.

Рассмотрим еще раз, приведенный выше парадокс материальной импликации – «Если сумма углов треугольника равна 33 градусам, то кардинал Ришелье был опоссумом». С точки зрения *чисто скалярного* определения импликации в классической логике, в обсуждаемом парадоксальном условном суждении *все нормально* (хотя это и смешно, и очень странно с точки зрения любого психически нормального человека, а с точки зрения нормального врача-психиатра еще и очень подозрительно). Но если сопоставить обсуждаемое парадоксальное условное суждение с предложенным выше *векторным* определением импликации, то результат будет отрицательным, так как *вектора, т. е. направленности движения, содержания мысли* от предложения «сумма углов треугольника равна 33 градусам» к предложению «Кардинал Ришелье был опоссумом» на самом-то

3 В данном случае слово «следует» означает *просто* импликацию, а не «логическое следование». Для избегания недоразумений необходимо различать просто «следование», т. е. импликацию, и «логическое следование». По определению, «логическое следование B из C » имеет место тогда и только тогда, когда «следование B из C » является тавтологией.

деле нет. А раз нет такого вектора, то обсуждаемое условное предложение ложно, так как наличие такого *вектора* – *необходимое* условие истинности векторной импликации.

Поскольку бинарная логическая операция «коррекция» тесно связана с импликацией, постольку сказанное выше о векторном характере импликации не может не проявиться и в связи с коррекцией. Пусть символ $\overline{(C \Leftarrow B)}$ обозначает «векторную коррекцию», *необходимым* аспектом которой является *вектор* – *направленность исправления* содержания мысли (что замещается чем). Используя введенные ранее обозначения и дефиниции, «векторную коррекцию» можно определить следующим образом:

$$\overline{(C \Leftarrow B)} \equiv \overline{((C \supset B))}^* \equiv \overline{(\neg C \& B)}.$$

3. От закона контрапозиции материальной (скалярной) импликации к закону контрапозиции векторной импликации (в алгебре логики): обобщенный закон контрапозиции любых векторных бинарных операций в любой алгебре

Законом контрапозиции в классической логике называется, например, логическая равносильность $(C \supset B) \equiv (\neg B \supset \neg C)$. Ее модификации в классической логике – логически эквивалентные ей равносильности $(\neg C \supset B) \equiv (\neg B \supset C)$ и $(C \supset \neg B) \equiv (B \supset \neg C)$ имеют то же название. Однако собственно *векторного* аспекта в этих классических логических законах нет («истина» и «ложь» в классической логике – *скалярные* величины). Однако некая *предпосылка векторности* принципа контрапозиции существует уже и здесь, а именно, – *изменение упорядоченности* множества {антецедент, консеквент}.

В отношении логической операции «коррекция» $(C \Leftarrow B)$ в классической логике также имеет место закон контрапозиции $(C \Leftarrow B) \equiv (\neg B \Leftarrow \neg C)$ и его модификации: $(\neg C \Leftarrow B) \equiv (\neg B \Leftarrow C)$; $(C \Leftarrow \neg B) \equiv (B \Leftarrow \neg C)$. В отношении импликации закон контрапозиции общеизвестен, а вот в отношении «коррекции» он известен мало. Читатель может убедиться в его обоснованности или непосредственно, путем «вычисления» истинностных таблиц, или опосредованно – с помощью *принципа двойственности*, так как $(C \supset B)$ и $(C \Leftarrow B)$ математически двойственны друг другу.

Учитывая вышесказанное, вполне естественно и целесообразно, на мой взгляд, предложить следующее *обобщение* формулировки закона (принципа) контрапозиции, дав его индуктивное определение *в самом общем виде*. Дадим этому индуктивному определению имя «Def-Con-Vect».

1. Если речь идет *только* о скалярных величинах a, b, Wab , то закон контрапозиции бинарной алгебраической операции Wab есть эквивалентность $WNab \Leftrightarrow WNba$, где « \Leftrightarrow » обозначает некую (любую) эквивалентность, W – некую (любую) *бинарную* алгебраическую операцию, а Na – некую (любую) *унарную* алгебраическую операцию, представляющую собой *инверсию* скалярного значения a .
2. Если речь идет *не только* о скалярных величинах a, b , но и о *векторной* величине \overline{Wab} , то закон контрапозиции бинарной алгебраической опе-

рации \overline{Wab} есть эквивалентность $\overline{(WNab)} \Leftrightarrow Y(\overline{WNba})$, где « \Leftrightarrow » обозначает некую (любую) эквивалентность, \overline{W} – некую (любую) бинарную алгебраическую операцию, имеющую векторный аспект, Na – некую (любую) унарную алгебраическую операцию, представляющую собой инверсию скалярного значения (чего) a , а $Y\omega$ – инверсию вектора или векторного аспекта (чего) ω . Стрелка сверху (чего) ω обозначает вектор (чего) ω , являющийся в данном случае существенным, а Y – инверсия вектора, т.е. обращение его вспять. Иначе говоря, $Y\omega$ обозначает направление прямо противоположное направлению ω .

3. Кроме предусмотренных пунктами 1 и 2 данного определения, других законов контрапозиции нет.

В том частном случае, когда векторный характер величин не является существенным, например, в классической логике, дефиниция Def-Con-Vect «вырождается» в хорошо знакомую логическую эквивалентность: $WNab \leftrightarrow WNba$, где a и b – высказывания, N – классическое отрицание, а символ \leftrightarrow обозначает классическую логическую эквивалентность. Если в эквивалентности $WNab \leftrightarrow WNba$ интерпретировать W как классическую импликацию, то мы получим общеизвестный закон контрапозиции (материальной) импликации в классической логике. Если же интерпретировать W (в эквивалентности $WNab \leftrightarrow WNba$) как коррекцию, то мы получим вышеупомянутый закон контрапозиции коррекции в классической логике.

Но это – скромные частные случаи значительно более общего и фундаментального понятия «закон контрапозиции», точно определенного выше дефиницией Def-Con-Vect⁴.

4. Относительность и абсолютность: вектор относительности; формально-аксиологический аспект

Согласно существующим нормам словоупотребления, абсолютность есть противоположность относительности (небытие относительности). А что такое относительность? Чтобы сделать это бессмысленное вопросительное предложение осмысленным, необходимо уточнить некоторые важные детали. Во-первых, когда говорят об относительности, то всегда или явно указывают, или неявно подразумевают то, что относительно (обозначим относительное символом a). Во-вторых, говоря об относительности, всегда или явно указывают, или неявно подразумевают то, относительно чего (или кого) относительное является таковым (обозначим символом b то, относительно чего относительное a является таковым). Пусть символ \overline{Rab} обозначает « a существует (или имеет место) по отношению к b », или « a существует (или находится) в отношении с b », или просто « a (существует) относительно b ». В символе \overline{Rab} , a и b «неравноправны»: b играет роль эталона (идеала), меры для сравнения; выделяется в качестве «системы отсчета». При этом, a является измеряемой (оцениваемой), сравниваемой характеристикой, а b – тем или кем, относительно (или с помощью) чего (или кого) измерение (оценка), сравнение осуществляется.

⁴ Впервые такое векторное обобщение определения понятия «закон контрапозиции» было опубликовано в сборнике научных статей «Эпистемы» [13].

Несимметричность статуса a и b (их «неравноправие») проявляется в том, что имеет место вполне определенное (фиксированное) *направление* их сравнения, т.е. *вектор* (от a к b). Этот *вектор относительности* является существенным; обсуждая относительные величины и явления, абстрагироваться от него нельзя. В символе \overline{Rab} *вектор относительности* представлен стрелкой слева направо. Перемена мест (статусов) a и b , т.е. подстановка (a вместо b) и (b вместо a) означает изменение вектора относительности на прямо противоположный (вектор), а именно, если \overline{Rab} обозначает « a относительно b », то \overline{Rba} обозначает « b относительно a ».

Теперь заданный выше вопрос «что такое относительность?» можно сделать более осмысленным, трансформировав его в следующий вопрос; что значит « a существует (или имеет место) по отношению к b »? Иначе говоря, каково семантическое значение введенного выше символа?

Здесь пути исследования вопроса расходятся в зависимости от того, какое семантическое значение придается словосочетанию «семантическое значение»: эмпирико-онтологическое (фактофиксирующее) или *аксиологическое* [30; 32].

Настоящая статья посвящена систематическому исследованию формально-аксиологического аспекта семантического значения слова «относительно (относительность)» в естественном языке: от дескриптивно-индикативного значения этого слова мы абстрагируемся. В данной работе рассмотрение системы формально-аксиологической семантики естественного языка во всех ее деталях не осуществляется: заинтересованный читатель отсылается к публикациям, в которых такое рассмотрение представлено [7; 8; 30; 32]. Тем не менее, некоторые базисные сведения (конвенции, дефиниции) о двузначной алгебре формальной аксиологии, используемой в настоящей статье, необходимо дать.

5. Двузначная алгебраическая система формальной аксиологии: табличное определение ценностно-функционального смысла бинарной операции «бытие a относительно b »; ценностные функции от одной ценностной переменной «(бытие) a относительно» и «(бытие) относительно b »

Двузначная алгебра формальной аксиологии строится на множестве M всего того и только того, что является либо положительно, либо отрицательно *ценным* с точки зрения некоего оценщика Σ . В этой алгебре систематически применяется абстракция от конкретного содержания как элементов множества M , так и «системы отсчета» Σ . В расчет принимается только то, что если значение переменной Σ вполне зафиксировано, то элементы множества M принимают (по отношению к фиксированному Σ) одно и только одно из абстрактных ценностных значений из множества $\{x$ (положительно ценно), p (отрицательно ценно) $\}$. В двузначной алгебре формальной аксиологии определяются унарные и бинарные операции, представляющие собой ценностные функции $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$ и $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, соответственно.

DF-1 (определение отношения формально-аксиологической эквивалентности): в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии, ценностные функции (абстрактные формы ценности) Ω и Ψ являются формально-аксиологически эквивалентными (это обозначается символом « $\Psi = + = \Omega$ »), если

и только если они принимают одинаковые абстрактные ценностные значения из множества $\{x$ (положительно ценно), p (отрицательно ценно) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений переменных.

DF-2 (определение понятия «формально-аксиологический закон»): в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии, ценностная функция (абстрактная форма ценности) Ψ является формально-аксиологическим законом, если и только если она принимает ценностное значение x (положительно ценно) при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, Ψ есть закон, если и только если $\Psi=+=x$.

DF-3 (определение понятия «формально-аксиологическое противоречие»): в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии, ценностная функция (абстрактная форма ценности) Ψ является *формально-аксиологическим противоречием*, если и только если она принимает ценностное значение p (отрицательно ценно) при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, Ψ есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Psi=+=p$.

DF-4 (определение понятия «формально-аксиологическое следование»): в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии, ценностная функция Ψ является *формально-аксиологическим следствием* ценностной функции Ω , если и только если не может быть так, что Ω принимает значение x , а Ψ принимает значение p .

Чисто *скалярный* аспект бинарной формально-аксиологической операции \overrightarrow{Rab} (т.е. формально-аксиологический статус « a относительно b », *отвлеченный от вектора* относительности), обозначаемый символом Rab , определяется таблицей 2.

Таблица 2 – Определение ценностной функции Rab .

a	b	Rab
x	x	p
x	p	p
p	x	x
p	p	p

Сравнив приведенные выше таблицы 2 и 1, нетрудно заметить формальную (структурно-функциональную) *аналогию* между Rab и $(C \Leftarrow B)$: табличное определение скалярной бинарной операции «(бытие) a относительно b » в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии является *аналогом* табличного определения скалярной бинарной операции «коррекция, т.е. исправление, (чего) a на (что) b » в двузначной алгебре логики.

Операция Rab – конкретный пример одной из 16 математически различных бинарных формально-аксиологических операций в двузначной алгебре формальной аксиологии. Теперь рассмотрим конкретные примеры унарных операций в этой алгебре.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 3. Пусть символ *Да* обозначает ценностную функцию «движение, изменение, поток (чего) a , в частности,

механическое движение, т.е. изменение места в пространстве». Символ *Ca* обозначает ценностную функцию «*постоянство, неизменность, сохранение, покой (чего) а*». *За* обозначает ценностную функцию «*энергия (чего) а*». *Fa* – ценностную функцию «*конечность, определенность, ограниченность (чего) а*». *Pa* – ценностную функцию «*разделение (на части), расщепление, расчленение (чего) а, или разделенный, расщепленный (что) а*». *Ia* – «*изолированность, замкнутость, защищенность (чего) а от внешних воздействий*». *Qa* – «*количественная величина, или просто количество (чего) а*». *Za* – «*электрический заряд, или просто заряд (чего) а*». *Ba* – «*быстрота (чего) а*». *ba* – «*медленность, замедленность (чего) а*». *Za* – «*относительность бытия (чего) а*». *Ga* – «*(бытие) относительно (чего) а*». *Aa* – «*абсолютность (чего) а*». Перечисленные чисто «скалярные» формально-аксиологические операции определяются в двузначной алгебре метафизики следующей таблицей 3.

Таблица 3 – Ценностные функции от одной переменной.

<i>a</i>	<i>Da</i>	<i>Ca</i>	<i>Эa</i>	<i>Fa</i>	<i>Pa</i>	<i>Ia</i>	<i>Qa</i>	<i>Za</i>	<i>Ba</i>	<i>ba</i>	<i>Za</i>	<i>Ga</i>	<i>Aa</i>
x	п	x	п	п	п	x	x	x	x	п	п	x	x
п	x	п	x	x	x	п	п	п	п	x	x	п	п

Нетрудно заметить, что определенные таблицей 3 унарные операции двузначной алгебры метафизики *Za* и *Ga*, т.е. «*относительность (чего) а*» и «*относительно (чего) а*», соответственно, являются частными («вырожденными») случаями бинарной операции *Rab*, определенной выше таблицей 2. Унарная операция *Gb* – «*(бытие) относительно (чего) b*» получается из *Rab* в результате подстановки отрицательной аксиологической константы (п) вместо ценностной переменной *a*. Унарная операция *Za* – «*относительность бытия (чего) а*» получается из *Rab* в результате подстановки положительной аксиологической константы (x) вместо ценностной переменной *b*.

6. Приложение сказанного выше к «чистому естествознанию а ргіогі», т.е. к метафизике природы⁵: аналогия между принципом контрапозиции векторной логической операции «коррекция» в двузначной алгебре формальной логики и принципом относительности скорости движения в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии.

Но какое отношение имеет все вышесказанное к «чистому естествознанию а ргіогі», т.е. к метафизике природы? С точки зрения позитивизма, абсолютно

5 В настоящей статье метафизика природы трактуется в духе Лейбница [5; 6], Канта [3; 4] и Шопенгауэра [18] как чисто рациональное (априорное) естествознание. Следуя Августину Блаженному [23], Дионисию Ареопагиту [2], Фоме Аквинскому [21; 22], Лейбницу [5; 6], и Канту [3; 4], автор рассматривает *чисто рациональное (априорное) знание о бытии, как знание о необходимо положительно ценном или необходимо должном (предписанном)*.

противопоставляющего бытие и ценность, вопрос этот – риторический: подразумевается «никакого». Но позитивизм отвергает также и метафизику вообще и метафизику природы в частности. А что будет, если не отвергать метафизику вообще и метафизику природы в частности? Что будет, если, согласившись с позитивистским тезисом об отсутствии необходимой формально-логической связи между *случайным* бытием (т.е. фактами) и *случайной* ценностью (т.е. соответствующими *эмпирическими* оценками), мы в то же время согласимся также и с очень старым метафизическим тезисом о существовании необходимой формально-логической связи между необходимым бытием (т.е. строго всеобщими законами бытия) и соответствующей ему необходимо положительной ценностью (формально-аксиологическими законами)? Что будет, если при этом, метафизику вообще и метафизику природы в частности интерпретировать как абстрактную формальную аксиологию, т.е. отвлеченную от конкретного содержания теорию ценности вообще? Попробуем ответить на вышеперечисленные вопросы, систематически выводя и обсуждая логические следствия из системы предложенных выше точных определений.

Если согласиться с тем, что, в своей сущности, *метафизика есть не что иное, как формальная аксиология* [7–12; 32] и, следовательно, *метафизика природы есть формальная аксиология природы*, то все *априорные* принципы чистого естествознания суть формы *необходимо положительно ценного* бытия. Такое сформулированное в самом общем виде утверждение нуждается в апробации на каком-то конкретном материале. Далее в настоящей статье апробация этого абстрактно-всеобщего формально-аксиологического тезиса будет осуществлена на примере двух строго всеобщих законов сохранения скалярных величин (энергии и заряда), а затем в качестве конкретного материала для апробации будет рассмотрен знаменитый принцип относительности движения Галилео Галилея [27].

Аккуратно «вычисляя» значения композиций соответствующих ценностных функций с помощью данных выше определений, читатель может самостоятельно обосновать следующие ниже формально-аксиологические уравнения двузначной алгебры метафизики (точные табличные определения всех элементарных ценностных функций, использованных в нижеследующих уравнениях, даны выше).

1) $Ia=+=CFQЭa$: закон сохранения энергии⁶.

2) $Ia=+=CFQPЗa$: закон сохранения разделенного (электрического) заряда⁷.

Здесь уместно отметить, что эти великие (строго всеобщие) законы сохранения [17] являются законами сохранения *скалярных* величин – энергии и разделенного (электрического) заряда. Конкретный пример строго всеобщего физического закона, необходимо имеющего собственно *векторный* аспект, приведен в публикациях [14; 31]. Еще один конкретный пример физического закона такого рода рассматривается ниже.

Но уже здесь и сейчас можно заметить некую *формальную (структурно-функциональную) аналогию* между истинностными таблицами, точно определяю-

6 Это уравнение впервые опубликовано в журнале «Философия науки» [9].

7 Это уравнение впервые опубликовано в журнале «Вестник Томского государственного университета» [11].

щами истинностно-функциональные значения логических операций в двузначной алгебре формальной логики, и соответствующими ценностными таблицами, точно определяющими ценностно-функциональные значения вышеупомянутых операций в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии. Эта аналогия между логикой и априорной метафизикой природы (=чистым естествознанием априори), упомянутая Шопенгауэром [18, с. 118], по моему мнению, не только психологически нетривиальна (эвристически значима), но и очень важна в логико-философском (методологическом и мировоззренческом) отношении. Продемонстрируем сказанное на некоем конкретном примере строго всеобщего физического закона, имеющего и скалярный, и собственно векторный аспекты. В настоящей статье в качестве такого конкретного примера рассматривается впервые открытый (на уровне абстрактных понятий в общем виде явно и точно сформулированный) Галилео Галилеем закон (принцип) относительности скорости движения [27], моделируемый в двузначной алгебраической системе метафизики как формальной аксиологии следующими уравнениями.

3) $RQB\overline{Dab} = + = RQB\overline{Dba}$: чисто скалярный аспект принципа относительности скорости движения (Галилео Галилея).

4) $\overline{RQB\overline{Dab}} = + = \overline{RQB\overline{Dba}}$: векторный принцип относительности скорости движения (Галилео Галилея)⁸.

В уравнении 4) двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии явно представлен не только скалярный (точно определенный выше таблицей 2), но и векторный аспекты бинарной операции \overline{Rab} . Для точности формулировки «принципа относительности скорости движения» [27] векторный аспект относительности является существенным: его явное представление в математической модели необходимо. Если уравнение 4) алгебры метафизики как формальной аксиологии точно перевести с искусственного языка на естественный, то в полученном переводе нетрудно опознать именно векторную формулировку «принципа относительности скорости движения» [27] (если формулировка обсуждаемого необходимо универсального принципа движения не учитывает его векторный аспект, то она неточна).

Если сопоставить уравнение 4) с предложенным выше обобщенным определением закона контрапозиции – дефиницией Def-Con-Vect, то нетрудно заметить, что «векторный принцип относительности скорости движения (Галилео Галилея)» есть закон контрапозиции бинарной операции \overline{Rab} в алгебраической системе метафизики природы (согласно пункту определения Def-Con-Vect).

Этот (векторный) закон контрапозиции бинарной операции \overline{Rab} в исследуемой алгебраической модели «чистого естествознания априори» является формально-аксиологическим аналогом вышеупомянутого векторного закона контрапозиции бинарной операции «коррекция» в алгебре логики.

По моему мнению, рассмотренный в настоящей статье конкретный пример логико-методологически ценной (эвристически значимой) аналогии между

8 Естественно, что в текстах самого Галилея такого уравнения нет. Но оно может быть точно сформулировано и строго обосновано в рамках предложенной и обсуждаемой нами дискретной математической модели формально-аксиологической интерпретации строго всеобщих законов его механики [10; 12].

двузначной алгеброй логики и двузначной алгеброй метафизики природы как ее формальной аксиологии заслуживает дальнейшего изучения и обсуждения. В эпиграфе к данной работе содержится призыв Шопенгауэра найти *аналогию* между логикой и чистым естествознанием *a priori*. В чисто логическом отношении настоящая статья может считаться откликом (реакцией) на этот призыв Шопенгауэра. Но фактически, честно говоря, в хронологическом отношении все было наоборот: история представленных в статье рассуждений автора не началась с обнаружения им ремарки Шопенгауэра, а закончилась ее обнаружением и выбором в качестве эпиграфа.

Насколько представленная выше попытка найти упомянутую Шопенгауэром аналогию удачна – судить не мне, а читателям. Но я думаю, что на самом деле существует методологически важная (эвристически ценная) структурно-функциональная *аналогия* между *векторным* законом контрапозиции бинарной операции «коррекция» в логике и «принципом относительности Галилея» в чистом *естествознании a priori*.

1. Войшвилло Е.К. Философско-методологические аспекты релевантной логики, М.: Изд-во МГУ, 1988. 139 с.
2. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глагол, 1995. 370 с.
3. Кант И. Прелегомены. М. – Л.: Гос. соц. – эк. Изд. 1934. 378 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2012. 736 с.
5. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
6. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. с. 49–554.
7. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 408 с.
8. Лобовиков В.О. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2009. 468 с.
9. Лобовиков В.О. От финитизма в математике к финитизму в физике // Философия науки. 2012. № 4. С. 36–48.
10. Лобовиков В.О. Логические квадраты и гексагоны оппозиции модальностей априорного и опытного знания бытия и ценности в эпистемической логике // Пространство и время. 2015а. № 1–2. С. 99–106.
11. Лобовиков В.О. Принцип финитизма в натурфилософии и великие законы сохранения в свете двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2015b, № 2 (30). С. 29–38.
12. Лобовиков В.О. Формальное определение области применимости «Гильотины Юма» и уточнение границы между метафизикой природы и классической физикой с помощью двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии // Вестник Томского госуниверситета. Философия.

Социология. Политология. 2015 с. № 4 (32). С. 115–124.

13. Лобовиков В. О. Логические законы контрапозиции векторных бинарных операций «импликация» и «коррекция» // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 10.: Неклассическая наука / науч. ред. Н. В. Бряник, А. Г. Кислов, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2015d. С. 106–113.

14. Лобовиков В. О. Структурно-функциональная аналогия между логикой и чистым естествознанием а priori на примере третьего закона Ньютона (Импликация и коррекция в логике как векторные операции и третий закон Ньютона как закон контрапозиции) // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. № Т. 11. № 4 (158). С. 31–44.

15. Раутлей Р., Муйер Р. Семантика следования. В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 363–423.

16. Сидоренко Е. А. Логическое следование и условные высказывания. М.: Наука, 1983. 173 с.

17. Фейнман Р. Характер физических законов. М.: АСТ: Астрель, 2012. 252 с.

18. Шопенгауэр А. Новые паралипомены: // А. Шопенгауэр. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном: Сборник. Минск: Попурри, 2000. С. 55–389.

19. Anderson, A.R., Belnap, N.D. Entailment: The logic of relevance and necessity, vol. 1, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976. 578 p.

20. Anderson, A.R., Belnap, N.D., and Dunn, J.M. Entailment: The logic of relevance and necessity, vol.2, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. 615 p.

21. Aquinas, Thomas. St. “The Summa Theologica. V. I.” Ed. Adler Mortimer J. Great Books of the Western World. V. 17. Aquinas: I. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994a. 826 p.

22. Aquinas, Thomas. St. “The Summa Theologica. V. II.” Ed. Adler Mortimer J. Great Books of the Western World. V. 18. Aquinas: II. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994b. 1085 p.

23. Augustine, St. “The Confessions. The City of God. On Christian Doctrine.” Ed. Adler Mortimer J. Great Books of the Western World. V. 16. Augustine. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. 784 p.

24. Dunn J.M. “Relevance Logic and Entailment” in F. Guenther and D. Gabbay (eds.), Handbook of Philosophical Logic, Vol. 3. Dordrecht: Reidel, 1986, pp. 117–24.

25. Dunn, J.M., Restall, G. Relevance logic // Handbook of Philosophical Logic. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer, 2002. Vol. 6. P. 1–128.

26. Fine, K. “Models for Entailment,” Journal of Philosophical Logic, 1974, vol. 3, pp. 347–372.

27. Galileo Galilei. “Dialogues Concerning the Two New Sciences.” In: Mortimer J. Adler (Ed.) Great Books of the Western World. V. 26: Gilbert. Galileo. Harvey. Encyclopedia Britannica, Inc., 1994. P. 129–260.

28. Lewis C.I. A Survey of Symbolic logic. Berkeley: University of California

Press, 1918. 407 p.

29. Lewis C.I. and Langford C.H. *Symbolic logic* New York, London: The Century Co., 1932. 503 p.

30. Lobovikov V. "Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones)." In *Philosophy, mathematics, linguistics: aspects of interconnection: Proceedings of the International scientific conference (November 20–22, 2009, Sankt-Petersburg, L. Euler International mathematical institute)*. St. – Petersburg: VVM, 2009, pp. 128–132.

31. Lobovikov V. *A Structural-functional Analogy between the Classical Physics and a Non-classical Logic of Vector-implication (A generalization of the logic-law of contraposition)* // *Handbook of the First World Congress on Analogy (November 4–6, 2015, Puebla, Mexico: Benemérita Universidad Autónoma de Puebla)* / Edited by Katarzyna Gan-Krzywoszyńska, Małgorzata Leśniewska, Przemysław Krzywoszyński, Piotr Leśniewski. Poznań, Poland: Publishing House "Kontekst", 2015. p. 55–56.

32. Lobovikov V. "An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics, *Philosophy Study*," 2016. V. 6. N. 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).

33. Mares, E. D. "Relevant Logic and the Theory of Information," *Synthese*, 1997. V. 109, pp. 345–360.

34. Mares, E. D. and Fuhrmann, A. "A Relevant Theory of Conditionals," *Journal of Philosophical Logic*, 1995. V. 24, pp. 645–665.

35. Meyer R.K. Entailment and relevant implication. *Logique et analyse*, 1968, V. 11, p. 472–479.

36. Meyer R.K. "Entailment," *The journal of philosophy*, 1971, V. 68, p. 808–818.

37. Restall, G. "Information Flow and Relevant Logics," in J. Seligman and D. Westerstaahl (eds.), *Logic, Language and Computation (Volume 1)*, Stanford: CSLI Publications, 1996, pp. 463–478.

References

1. Vojshvillo E.K. *Filosofsko-metodologicheskie aspekty relevantnoj logiki*, M.: Izd-vo MGU, 1988. 139 s.

2. Dionisij Areopagit. *O bozhestvennyx imenax. O misticheskom bogoslovii*. SPb.: Glagol, 1995. 370 s.

3. Kant I. *Prolegomeny*. M. – L.: Gos. soc. – e'k. Izd. 1934. 378 s.

4. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. M.: E'ksmo, 2012. 736 s.

5. Lejbnic G.V. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii* // Lejbnic G.V. *Soch. v 4 t. T. 2*. M.: Mysl', 1983. S.47–545.

6. Lejbnic G.V. *Opyty teodicei o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla* // Lejbnic G.V. *Soch. v 4 t. T. 4*. M.: Mysl', 1989. s. 49–554.

7. Lobovikov V.O. *Matematicheskaya e'tika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noj aksiologii)*. Ekaterinburg: Institut

filosofii i prava UrO RAN, 2007. 408 s.

8. Lobovikov V.O. «Nicskheta filosofii» i ee preodolenie «cifrovoj metafizikoj». Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2009. 468 s.

9. Lobovikov V.O. Ot finitizma v matematike k finitizmu v fizike // *Filosofiya nauki*. 2012. № 4. S. 36–48.

10. Lobovikov V.O. Logicheskie kvadraty i geksagony oppozicii modal'nostej apriornogo i opytnogo znaniya bytiya i cennosti v e'pistemicheskoj logike // *Prostranstvo i vremya*. 2015a. № 1–2. S. 99–106.

11. Lobovikov V.O. Princip finitizma v naturfilosofii i velikie zakony soxraneniya v svete dvuznachnoj algebry metafiziki kak formal'noj aksiologii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2015b, № 2 (30). S. 29–38.

12. Lobovikov V.O. Formal'noe opredelenie oblasti primenimosti «Gil'otiny Yuma» i utochnenie granicy mezhdu metafizikoj prirody i klassicheskoj fizikoj s pomoshh'yu dvuznachnoj algebry metafiziki kak formal'noj aksiologii // *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2015 c. № 4 (32). C. 115–124.

13. Lobovikov V.O. Logicheskie zakony kontrapozicii vektornyx binarnyx operacij «implikaciya» i «korrekciya» // *E'pistemy: Sb. nauch. st. Vyp. 10.: Neklassicheskaya nauka / nauch. red. N.V. Bryanik, A.G. Kislov, otv. red. O.N. Tomyuk*. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info», 2015d. S. 106–113.

14. Lobovikov V.O. Strukturno-funkcional'naya analogiya mezhdu logikoj i chistym estestvoznaniem a priori na primere tret'ego zakona N'yutona (Implikaciya i korrekciya v logike kak vektornye operacii i tretij zakon N'yutona kak zakon kontrapozicii) // *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*. 2016. № T. 11. № 4 (158). S. 31–44.

15. Rautlej R., Mujer R. Semantika sledovaniya. V kn.: *Semantika modal'nyx i intensional'nyx logik*. M.: Progress, 1981. S. 363–423.

16. Sidorenko E.A. Logicheskoe sledovanie i uslovnye vyskazyvaniya. M.: Nauka, 1983. 173 s.

17. Fejnman R. *Xarakter fizicheskix zakonov*. M.: AST: Astrel', 2012. 252 s.

18. Shopengaue'r A. *Novye paralipomeny*: // A. Shopengaue'r. *Vvedenie v filosofiyu; Novye paralipomeny; Ob interesnom*: Sbornik. Minsk: Popurri, 2000. S. 55–389.

19. Anderson, A.R., Belnap, N.D. *Entailment: The logic of relevance and necessity*, vol. 1, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976. 578 p.

20. Anderson, A.R., Belnap, N.D., and Dunn, J.M. *Entailment: The logic of relevance and necessity*, vol.2, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. 615 p.

21. Aquinas, Thomas. St. "The Summa Theologica. V. I." Ed. Adler Mortimer J. *Great Books of the Western World*. V. 17. Aquinas: I. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994a. 826 p.

22. Aquinas, Thomas. St. "The Summa Theologica. V. II." Ed. Adler Mortimer J. *Great Books of the Western World*. V. 18. Aquinas: II. Chicago;

Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994b. 1085 p.

23. Augustine, St. "The Confessions. The City of God. On Christian Doctrine." Ed. Adler Mortimer J. Great Books of the Western World. V. 16. Augustine. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. 784 p.

24. Dunn J.M. "Relevance Logic and Entailment" in F. Guenther and D. Gabbay (eds.), Handbook of Philosophical Logic, Vol. 3. Dordrecht: Reidel, 1986, pp. 117–24.

25. Dunn, J.M., Restall, G. Relevance logic // Handbook of Philosophical Logic. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer, 2002. Vol. 6. P. 1–128.

26. Fine, K. "Models for Entailment," Journal of Philosophical Logic, 1974, vol. 3, pp. 347–372.

27. Galileo Galilei. "Dialogues Concerning the Two New Sciences." In: Mortimer J. Adler (Ed.) Great Books of the Western World. V. 26: Gilbert. Galileo. Harvey. Encyclopedia Britannica, Inc., 1994. P. 129–260.

28. Lewis C.I. A Survey of Symbolic logic. Berkeley: University of California Press, 1918. 407 p.

29. Lewis C.I. and Langford C.H. Symbolic logic New York, London: The Century Co., 1932. 503 p.

30. Lobovikov V. "Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones)." In Philosophy, mathematics, linguistics: aspects of interconnection: Proceedings of the International scientific conference (November 20–22, 2009, Sankt-Petersburg, L. Euler International mathematical institute). St. – Petersburg: VVM, 2009, pp. 128–132.

31. Lobovikov V. A Structural-functional Analogy between the Classical Physics and a Non-classical Logic of Vector-implication (A generalization of the logic-law of contraposition) // Handbook of the First World Congress on Analogy (November 4–6, 2015, Puebla, Mexico: Benemérita Universidad Autónoma de Puebla) / Edited by Katarzyna Gan-Krzywoszyńska, Małgorzata Leśniewska, Przemysław Krzywoszyński, Piotr Leśniewski. Poznań, Poland: Publishing House "Kontekst", 2015. p. 55–56.

32. Lobovikov V. "An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics," Philosophy Study, 2016. V. 6. N. 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).

33. Mares, E.D. "Relevant Logic and the Theory of Information," Synthese, 1997. V. 109, pp. 345–360.

34. Mares, E.D. and Fuhrmann, A. "A Relevant Theory of Conditionals," Journal of Philosophical Logic, 1995. V. 24, pp. 645–665.

35. Meyer R.K. Entailment and relevant implication. Logique et analyse, 1968, V. 11, p. 472–479.

36. Meyer R.K. "Entailment," The journal of philosophy, 1971, V. 68, p. 808–818.

37. Restall, G. "Information Flow and Relevant Logics," in J. Seligman and D. Westerstahl (eds.), Logic, Language and Computation (Volume 1), Stanford: CSLI Publications, 1996, pp. 463–478.

UDC 16+11+17+51-77

A VECTOR-DEFINITION OF IMPLICATION AND A VECTOR-DEFINITION OF THE NOTION “LAW OF CONTRAPOSITION OF BINARY OPERATION”

**(A structural-functional analogy
between logic and pure-a-priori-knowledge
of nature exemplified by the principle
of relativity of velocity of movement
discovered by Galileo Galilei)**

Lobovikov Vladimir Olegovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

Such a new modification of definition of implication is submitted which neutralizes the notorious paradoxes in a new way. The classical truth-functional definition of implication is treated as purely “scalar” one, i.e. not possessing a vector aspect. The paper demonstrates that manifest including the vector aspect into the definition of implication gives a possibility to eliminate the implication paradoxes by the novel means. The article submits a significant generalization of the notion “law of contraposition of binary operation”; the particular cases of this generalization are: the “purely scalar” form; and the vector one of the law of contraposition of binary operations. For the first time, being of a structural-functional analogy is demonstrated manifestly between the logic operation “correction” possessing vector aspect in algebra of logic and a discrete mathematical model of formal-axiological interpretation of the principle of relativity of velocity of movement formulated by Galileo Galilei. The mentioned interpretation is formulated in terms of algebra of formal axiology.

Key concepts:

material-implication; correction; implication-with-vector; correction-with-vector; inversion-of-vector; contraposition-of-vector-binary-operation; Galilei’s-relativity-principle-as-analogue-of-law-of-contraposition-of-vector-correction.

**ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС»
(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)**

Доклады

УДК 141.411

**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
И ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ**

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Авторы обращаются к вопросу о необходимости рассмотрения soft power в качестве важного инструмента политических коммуникаций и гуманитарной дипломатии. Концепт soft/smart power рождается в ответ на потребность существенной дивер-

сификации орудий и средств осуществления своего господства странами Запада и, прежде всего, США. В самой разработке концепта и настойчивом введении его в международную политическую коммуникацию просматривается стремление к реализации определенных интересов, повышению влияния. Весьма важный вопрос – в чьих интересах осуществляется это влияние. Теоретическая разработка и практическое применение концепции мягкой/умной силы показывает, что она была и остается инструментом политической борьбы. На основе индекса мягкой силы выстраиваются рейтинги стран мира, производится оценка достижений культуры, образования, измеряется эффективность дипломатии, в итоге формируется интегральный социокультурный и политический образ страны. Необходимо учитывать интернациональный опыт формирования положительного образа страны, пренебрежение которым оборачивается тяжелыми потерями.

Ключевые понятия:

политическая коммуникация, soft power, smart power, мягкая сила, индекс мягкой силы, гуманитарная дипломатия, российская стратегия мягкой силы.

Эффективность современных политических коммуникаций в значительной степени зависит от умения их акторов грамотно использовать инструменты и технологии, которые способны усиливать привлекательность, а, следовательно, и действенность вступающих во взаимодействие политических институтов и субъектов, формировать позитивный международный имидж страны, повышать авторитет государственного бренда. К инструментам такого рода сегодня принято относить soft power или «мягкую силу» [11; 16, с. 10–32].

Немного предыстории: из жизни терминов

Еще совсем недавно термин «soft power» немало озадачивал отечественную научную общественность, а вероятность получения гранта и проведения научной конференции выглядели большой диковиной¹.

И внешне происхождение этой проблематики вполне было объяснимо перипетиями политических процессов в США, где высокопоставленный представитель истеблишмента (прошедший путь от помощника заместителя госсекретаря через пост председателя Национального разведывательного совета до замминистра обороны по вопросам международной безопасности) и по совместительству ученый-политолог Дж. Най-мл. предложил этот концепт в ряде своих работ [23]. Беглый обзор некоторых аспектов развернувшейся полемики показывает, что выдвинутый концепт и ряд его наиболее обсуждаемых аспектов были рождены острым переживанием значительных сдвигов, происходивших как внутри США,

¹ Свидетельством чему стала организация и проведение первой в России международной научной конференции «Soft Power: теория, ресурсы, дискурс» (Октябрь, 2014, Екатеринбург).

так и на международной арене [16, с. 5–18]. Необходимость серьезных перемен в методах осуществления США своего господства в мире артикулировалась на внутривнутриполитическом поле как переход от «трансформационной дипломатии» К. Райс (Госсекретарь в администрации Дж. Буша-мл.) к более гибкому сочетанию чисто силовых, военных методов с разнообразными приемами так называемой публичной или гуманитарной дипломатии (Госсекретарь Х. Клинтон в администрации Б. Обамы) [18].

Причем, концепцию заподозрили в том, что она якобы намекает на ослабление мощи США в мире [19]. Сам Дж. Най признавал, что одной «мягкой силы» мало: «Конечно, мягкая сила – это не решение всех проблем. Тот факт, что северокорейский диктатор Ким Чен Ир любит смотреть голливудские фильмы, вряд ли повлияет на ядерную программу своей страны» [23].

Х. Клинтон предложила говорить не просто о soft power, но использовать термин «smart power» [16, с. 34]. Обозреватель New Yorker Х. Хендрик даже выстроил «гегелевскую» триаду эволюции концепта: hard power – soft power – smart power [20]. В дискуссиях вспомнили, между прочим, что идеи «мягкой силы» высказывались еще в пору начала «холодной войны»: в 60-е гг. XX в. американские исследователи изучали потенциальные «угрозы советской культурной дипломатии» [17]. Дж. Най вынужден был напомнить о своем первенстве в разработке не только концепта soft power, но и smart power [23]. Попутно неизбежно всплывала необходимость перераспределения смыслов между терминами «публичная дипломатия», «гуманитарная/культурная дипломатия», «мягкая сила», «умная сила».

Как бы то ни было, концепт «мягкой/умной силы» (то есть, как выяснилось, «правильное» сочетание «кнута и пряника») зажил своей жизнью в докладах Центра стратегических и международных исследований 2003 г. и 2007 г., а в 2006 г. Дж. Най и Р. Армитидж (бывший заместитель Госсекретаря К. Пауэлла в Государственном Департаменте США) создали двухпартийную «Комиссию по умной силе» [20].

Приключения концепта «мягкая сила» в России

Что касается «укоренения» концепта «мягкой силы» на российской почве, то здесь до недавнего времени давала о себе знать старинная болезнь бюрократии, в том числе и в сфере науки – не замечать новой терминологии до тех пор, пока не будет указания «сверху». Понятие «soft power» («мягкая сила») широко не применялось, пока Президент РФ В. Путин в одном из своих выступлений не указал на важность использования инструментов «мягкой силы» во внешней и внутренней политике: «В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [8].

Сегодня ситуация существенно изменилась. Отечественные авторы уже успели обратить внимание как на сильные, так и слабые стороны данного инструмента [3; 7; 15; 16]. Содержание концепта не только интенсивно разрабатывается, но и воплощается в программах деятельности целого ряда государственных и общественных институтов [9; 13; 14], а также – Международного информационного агентства «Russia Today» (RT) и других отечественных медиа.

Вместе с тем, пристальный интерес исследователей к новоиспеченному концепту обнаруживает множество проблем как теоретического, так и практического характера. С точки зрения теории политической коммуникации, *soft power*, на наш взгляд, следует, прежде всего, рассматривать как стратегический и технологический инструментарий политического управления ресурсами (национальными, региональными, местными), обладающими (или способными обладать) аттрактивной силой. В контексте международных коммуникаций дискурс мягкой силы выступает интегративным драйвером разнообразных способов и методов ненасильственного воздействия на «партнеров», ведущим к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в целях контроля за различными глобальными пространствами (геополитическими, экономическими, культурными, информационными и др.) [5, с. 69; 11].

При детальном анализе дискурса *soft power*, обозначающего стратегию и сумму технологий ненасильственного влияния, то есть, особого рода управленческую политику, важно разобраться в его базовых характеристиках, провести своего рода «инвентаризацию» его основных разновидностей.

К разновидностям *soft power*, прежде всего, относятся гуманитарные, культурные, образовательные, миротворческие, интеллектуальные программы межгосударственного сотрудничества и обмена, направленные на повышение репутационного имиджа политических субъектов [9, с. 208–211].

Исследовательский опыт в области анализа стратегий *soft power* в сфере внешней и внутренней политики показал, что коммуникативные инструменты *soft power* широко используются в процессе продвижения брендов территорий (регионов, стран, городов). В настоящее время все чаще встречаются исследования, в которых понятие «бренд страны» рассматривается с позиции стратегической разработки и практического использования оригинальной национальной модели *soft power*. В последнее время в создании оригинальных национальных моделей «мягкой силы» значительно продвинулись государства Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония [7, с. 179–252].

В сфере современных политических коммуникаций наблюдается обострение соревновательной борьбы за расширение стратегического присутствия той или иной силы «мягкого» влияния в конкретном регионе. Соревновательный момент в области развития и эффективности «мягкой» силы (*soft power competition*) специально фиксируется и анализируется. При этом поднимаются следующие вопросы: 1) какова номенклатура видов и инструментов *soft power*, применяемых в целях усиления привлекательности и влияния на других акторов определенных политических субъектов; 2) по каким параметрам

можно и нужно измерять, а, следовательно, и сравнивать soft power разных стран, регионов, государственных и общественных объединений, стремящихся к усилению своего присутствия и внешнего влияния; 3) насколько разнятся между собой национальные, региональные и иные стратегии «мягкой силы»; 4) какие страны, регионы и сообщества являются наиболее (или наименее) «мягкими» в своих политических коммуникациях.

Для определения параметров, а также показателей, на основании которых можно было бы осуществлять измерения мягкой силы, в научный оборот было введено понятие «soft power index»: в 2010 г. появилась первая масштабная попытка составления рейтинга мягкой силы разных стран. Создателями рейтинга стали журнал «Монокль» и The Institute for Government – британская независимая благотворительная организация, взаимодействующая со всеми политическими партиями в Вестминстере и с высокопоставленными чиновниками Уайтхолла [22]. В их первом совместном исследовании «*The New Persuaders*» (2010) была представлена сложносоставная модель мягкой силы, включающая следующие пять компонентов soft power:

- 1) *бизнес/инновации* (business/innovation) – привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям;
- 2) *культура* (culture) – влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны;
- 3) *правительство* (government) – привлекательность модели управления страной;
- 4) *дипломатия* (diplomacy) – искусство переговоров и снятия конфликтов, способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории;
- 5) *образование* (education) – привлекательность системы вузовского образования, университетские рейтинги, академическая мобильность.

Среди специалистов в области международных отношений под soft power обычно подразумевается культурная или гуманитарная дипломатия. Сам термин «гуманитарная дипломатия» появился сравнительно недавно. Вместе с тем, в России, Белоруссии и на Украине уже состоялись три крупные научные конференции по данной теме [7]. В ходе их работы были предприняты попытки категориального анализа понятия «гуманитарная дипломатия».

По нашему мнению, гуманитарная дипломатия как разновидность политической коммуникации, специализирующейся исключительно на применении инструментов «мягкой силы», выступает интегрированным комплексом следующих ее параметров:

- апелляция к общечеловеческим ценностям и нравственным требованиям справедливости, сохранение достоинства коммуницирующих сторон;
- использование для достижения политической лояльности привлекательных социальных, образовательных, научных и иных программ;
- деятельность по расширению культурного обмена, продвижение национальной культуры (традиционной и современной) и языка, развитие туризма;

- защита прав и свобод граждан, соблюдение норм международного права;
- участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческая деятельность;
- организация на международном уровне государственной и волонтерской деятельности по улучшению условий жизни уязвимых групп людей в условиях бедствий, войн и конфликтов;
- деятельность, направленная на предотвращение преступлений против человечества (геноцид), выступление против разных видов дискриминаций.

В сочетании с концепциями *soft power* теория гуманитарной дипломатии получает новый смысловой объем и выступает базовой моделью для разработки и совершенствования межгосударственных отношений, в том числе между Россией и ее внешнеполитическими партнерами.

Анализ политических документов, выступлений официальных лиц [1; 2; 4; 6], а также мнений авторитетных политических экспертов по поводу ключевых направлений разворачивания «мягкой силы» России [10, с. 276–308] позволяет нам наметить некий общий рамочный контур российской стратегической модели *soft power*, которая содержит важные компоненты, относящиеся к гуманитарной дипломатии. Данная модель может быть представлена в виде обозначения ряда основных стратегических задач и направлений, которые перспективно определяют векторы практического использования ресурсов и инструментов мягкой силы России. Одной из таких задач является интернационализация научно-образовательного потенциала России как инструмента *soft power* и культурной дипломатии, усиление ее позиционирования в качестве мощного интеллектуального центра на территории СНГ и в пространстве ЕвразЭС.

Именно в Евро-Азиатском регионе Россия обладает большими возможностями для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университетов, географическая и историческая близость). Другим важным направлением совершенствования российской «мягкой силы» выступает расширение взаимовыгодного сотрудничества в рамках межгосударственных объединений, международных организаций и форумов на основе принципов уважения независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов.

Важно подчеркнуть, что «мягкая сила» гуманитарной дипломатии включает такое ключевое направление, как правовая защита русскоязычного населения иностранных государств. Данное направление, как правило, актуализируется в периоды напряженности в двусторонних отношениях России со странами Восточной Европы – бывшими советскими республиками. Так, вопрос об ущемлении прав русскоговорящих граждан периодически используется в качестве инструмента «мягкого» давления на страны Балтии.

Последние годы были отмечены не только усилением российской военной мощи (*hard power*), но и определенными успехами российской гуманитарной дипломатии, что вселяет надежду на неотвратимость поступательного развития

мягкой силы страны. Вместе с тем, до сих пор отсутствует четкий системный подход в научном проектировании и реализации отечественной стратегии soft power. Отметим также такие факторы, тормозящие данный процесс, как недостаточное финансирование гуманитарных проектов, фрагментарное участие институтов гражданского общества и научного сообщества в реализации проектов «мягкого» политического влияния. Именно они не позволяют пока России стабильно выигрывать конкуренцию в «мягкой силе» с рядом стран Запада и Восточной Азии на постсоветском пространстве. Политический кризис на Украине, переросший в конце 2013 – начале 2014 годов в государственный переворот, выявил очевидные неудачи российской стратегии «мягкой силы» в отношении исторически и культурно близкого соседа. Очевидно, что неперенным условием для усиления позиций России на Украине должно было стать применение целого комплекса разнообразных инструментов soft power, что, однако, не было сделано. После известных событий на Украине, С.В. Лавров заявил: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рискованно во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор – сами по себе они еще ничего не гарантируют... Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не усилиями одних дипломатических или культурных представительств» [1].

Политика России (как внутренняя, так и внешняя) пока, к большому сожалению, не нащупала необходимый баланс между «мягкой» и «жесткой» сторонами силы, что является определенным следствием отсутствия комплексной национальной программы совершенствования инструментов soft power в политических коммуникациях. Попытки нынешнего руководства России сформулировать данную стратегическую программу нередко приводят не к оживлению инновационных поисков, а к подъему консервативно-охранительных настроений или взглядов, предлагающих вернуться, по крайней мере, куда как к успешному советскому опыту международных коммуникаций, культурной дипломатии, гуманитарному сотрудничеству. В советском опыте, безусловно, содержалась весьма ценная «мягкая» компонента внешнеполитического влияния, которой совершенно напрасно пренебрегли. Разумеется, не все, что было эффективно в эпоху противостояния двух систем, применимо к исполнению на постсоветском пространстве. Но это – уже другая проблема.

Перспективы

Ситуация с использованием концепта «мягкая сила» снова обнажила старый порок: для интенсификации научных исследований актуальных проблем по-прежнему необходима верховная санкция – чтобы «государь/генеральный секретарь/президент» заметил вдруг это нечто новое; затем об этом только ленивый не напишет. К этому пороку сегодня бюрократически добавлено еще

одно измерение – надо, чтобы об этом писали на Западе: ведь российским ученым, чтобы получить министерское признание их научной состоятельности, необходимо публиковаться в журналах, пребывающих в базах Scopus и Web of Science. Что-то подсказывает, что, например, критический анализ политики транснационального финансового капитала, выразителем которой является истеблишмент США, вряд ли встретит благожелательное отношение со стороны западных изданий. Не это ли есть настоящее торжество «мягкой/умной/жесткой» силы, навязываемое российским образованию и науке?

Вследствие этого всегда существует опасность фетишизации всевозможных новоиспеченных концептов, запускаемых в обращение западными исследователями, которые не только решают свои внутрикорпоративные проблемы, но и стремятся властно навязывать повестку дня, определенный тип дискурса, воплощающий принцип: «если вы не в тренде/рейтинге – вы маргинал». Отсюда вытекает навязываемое со стороны прозападных элит пренебрежение к прошлым и современным теоретико-практическим наработкам в области создания привлекательного имиджа России.

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 года / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – URL: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (дата обращения: 14.07.2016).

2. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 года / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0 (дата обращения: 29.07.2014).

3. Зонова Т.В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» (2013). URL: <http://viperson.ru/articles/tatyana-zonova-gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-kak-instrument-myagkoj-sily> (дата обращения: 10.11.2016).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.11.2016).

5. Ларина Е. Взлет и падение «мягкой силы». URL: <http://communitarian.ru/personal/profile/user/194> (дата обращения: 10.11.2016).

6. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 10.11.2016).

7. Планы и реалии «Трансформационной дипломатии» // Голос Америки – Электрон. журн. – 2007. – 8 фев. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2007-02-08-voa1/654193.html> (дата обращения: 10.11.2016).

8. Путин Владимир. «Россия и меняющийся мир» раздел «Поддержка соотечественников и гуманитарное измерение». URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 10.11.2016).

9. Россотрудничество является элементом «мягкой силы». Интервью с А.Г. Чесноковым // Радио «Голос России». – 26 марта 2012. URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/65446337/69631929 (дата обращения: 22.07.2016).

10. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. С. 52–65.

11. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 68–74.

12. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству / Официальный сайт (Россотрудничество, Создан в 2008). URL: <http://rs.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2016).

13. Фонд «Русский мир» создан во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 года. URL: <http://www.russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php#1> (дата обращения: 10.11.2016).

14. Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова – российская неправительственная организация. Создан Распоряжением Президента России «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова» № 60-рп от 2 февраля 2010. URL: <http://www.gorchakovfund.ru/http://washingtonmonthly.com/2009/01/13/smart-power/> (дата обращения: 10.11.2016).

15. Что мешает России улучшать свой имидж за рубежом? Интервью с К. Косачевым // Официальный сайт НП «Российский совет по международным делам». – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (дата обращения: 20.07.2016).

16. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

17. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.

18. Benen S. Smart Power / S. Benen // Washington Monthly. – 2009. – Jan. 13. URL: <http://washingtonmonthly.com/2009/01/13/smart-power/> (дата обращения: 10.11.2016).

19. Goldenberg I. It's Time to Stop Talking About Soft Power / I. Goldenberg // The American Prospect – 2008. – May 29. URL: http://www.washingtonmonthly.com/archives/individual/2009_01/016425.php (дата обращения: 10.11.2016).

20. Hertzberg, Hendrik (2009–01–26). «Smart Power». The New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2009/01/26/smart-power>.

21. Hall Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010, 208–211.

22. McClory, Jonathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010. Pp. 3–18. About us // Institute for government. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 10.07.2016).

23. Nye Joseph S. Jr. Get Smart. Combining Hard and Soft Power. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1> (дата обращения: 10.11.2016).

References

1. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannyx del Rossii S. V. Lavrova v ramkax «pravitel'stvennogo chasa» v Sovete Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii, Moskva, 18 dekabrya 2013 goda / Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyx del RF. – URL: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (data obrashheniya: 14.07.2016).

2. Vystuplenie Ministra inostrannyx del Rossii S. V. Lavrova na yubilejnoj mezhdunarodnoj konferencii «Rossiya v mire sily XXI veka», priurochennoj k 20-letiyu Soveta po vneshnej i oboronnoj politike i 10-letiyu zhurnala «Rossiya v global'noj politike», Moskva, 1 dekabrya 2012 goda / Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyx del RF. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0 (data obrashheniya: 29.07.2014).

3. Zonova T.V. Gumanitarnoe sotrudnichestvo Rossii i Evropejskogo soyuza kak instrument «myagkoj sily» (2013). URL: <http://viperson.ru/articles/tatyana-zonova-gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropejskogo-soyuzak-kak-instrument-myagkoj-sily> (data obrashheniya: 10.11.2016).

4. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (data obrashheniya: 10.11.2016).

5. Larina E. Vzlet i padenie «myagkoj sily». URL: <http://communitarian.ru/personal/profile/user/194> (data obrashheniya: 10.11.2016).

6. Osnovnye napravleniya politiki Rossijskoj Federacii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/224550 (data obrashheniya: 10.11.2016).

7. Plany i realii «Transformacionnoj diplomatii» // Golos Ameriki – E'lektron. zhurn. – 2007. – 8 fev. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2007-02-08-voa1/654193.html> (data obrashheniya: 10.11.2016).

8. Putin Vladimir. «Rossiya i menyayushhijesya mir» razdel «Podderzhka sootchestvennikov i humanitarnoe izmerenie». URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashheniya: 10.11.2016).

9. Rossotrudnichestvo yavlyaetsya e'lementom «myagkoj sily». Interv'y u s A.G. Chesnokovym // Radio «Golos Rossii». – 26 marta 2012. URL: http://rus.ru/radio_broadcast/65446337/69631929 (data obrashheniya: 22.07.2016).

10. Rusakova O.F. Soft power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // Izvestiya UrFU. 2013.

Ser. 3. № 2. S. 52–65.

11. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 68–74.

12. Federal'noe agentstvo po delam Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv, sootchestvennikov, prozhivayushhix za rubezhom, i po mezhdunarodnomu gumanitarnomu sotrudnichestvu / Oficial'nyj sajt (Rossotrudnichestvo, Sozdan v 2008). URL: <http://rs.gov.ru> (data obrashheniya: 10.11.2016).

13. Fond «Russkij mir» sozdan vo ispolnenie Ukaza Prezidenta RF V.V. Putina ot 21 iyunya 2007 goda. URL: <http://www.russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php#1> (data obrashheniya: 10.11.2016).

14. Fond podderzhki publichnoj diplomatii imeni A.M. Gorchakova – rossijskaya nepravitel'stvennaya organizaciya. Sozdan Rasporyazheniem Prezidenta Rossii «O sozdanii Fonda podderzhki publichnoj diplomatii im. A.M. Gorchakova» № 60-rp ot 2 fevralya 2010. URL: <http://www.gorchakovfund.ru/http://washingtonmonthly.com/2009/01/13/smart-power/> (data obrashheniya: 10.11.2016).

15. Chto meshaet Rossii uluchshat' svoj imidzh za rubezhom? Interv'yu s K. Kosachevym // Oficial'nyj sajt NP «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam». – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (data obrashheniya: 20.07.2016).

16. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

17. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.

18. Benen S. Smart Power / S. Benen // Washington Monthly. – 2009. – Jan. 13. URL: <http://washingtonmonthly.com/2009/01/13/smart-power/> (data obrashheniya: 10.11.2016).

19. Goldenberg I. It's Time to Stop Talking About Soft Power / I. Goldenberg // The American Prospect – 2008. – May 29. URL: http://www.washingtonmonthly.com/archives/individual/2009_01/016425.php (data obrashheniya: 10.11.2016).

20. Hertzberg, Hendrik (2009–01–26). «Smart Power». The New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2009/01/26/smart-power>.

21. Hall Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010, 208–211.

22. McClory, Jonathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010. Pp. 3–18. About us // Institute for government. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (data obrashheniya: 10.07.2016).

23. Nye Joseph S. Jr. Get Smart. Combining Hard and Soft Power. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1> (data obrashheniya: 10.11.2016).

UDC 141.411

SOFT POWER AS THE INSTRUMENT OF POLITICAL COMMUNICATIONS AND HUMANITARIAN DIPLOMACY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural State University of Economics,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The authors address the question of the need to consider soft power as an important tool of political communications and humanitarian diplomacy. The concept of Soft/Smart Power is born in response to the need for significant diversification of the means of implementation of its domination by Western countries and especially the United States. In the development of the concept and persistent introduction in international political communication visible commitment to the implementation of certain interests, increase of influence. A very important question – in whose interests is this effect. Theoretical development and practical application of the concept of soft/smart power shows that it was and remains a tool of political struggle. Based on the index of soft power line up the ratings of the countries of the world, is assessing the achievements of culture, education, measured the effectiveness of diplomacy, in the end formed integral socio-cultural and political image of the country. It is necessary to consider international experience of formation of a positive image of the country, the neglect of which was inflicting severe losses.

Key concepts:

political communication, soft power, smart power, the index of soft power, humanitarian diplomacy, the Russian strategy of soft power.

УДК 327

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Новоселов Сергей Вениаминович,

Астраханский государственный университет,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и международных отношений,
Астрахань, Россия,
E-mail: seveno@rambler.ru

Аннотация

Сегодня Россия превратилась в объект политического, экономического и информационного давления, постоянного вмешательства в ее внутренние дела извне, против страны развязана «необъявленная» гибридная информационная война. На Западе сделана ставка на последовательный раскол нашего общества, экономическое и политическое ослабление, подрыв суверенитета, на развязывание новой «холодной войны» и полную изоляцию России в мире. В этих условиях назрела необходимость формирования национальной системы «мягкой силы».

Ключевые понятия:

Россия, давление, вмешательство, информационная война, «мягкая сила».

В эпоху глобальных вызовов и угроз Россия оказалась в эпицентре мировых противоречий, превратилась в объект политического, экономического и информационного давления, постоянного вмешательства в ее внутренние дела извне, против страны развязана «необъявленная» гибридная информационная война. Это вызвано тем, что существование сильной и суверенной России не вписывается в проект построения планетарного миропорядка, который продолжают продвигать западные страны во главе с США, которые рассматривает Россию в качестве одного из главных вызовов своему глобальному доминированию.

В целях демонизировать Россию и запугать своих граждан мифической российской угрозой рядом западных стран нагнетается антироссийская истерия, вводятся санкции, принимаются декларации и резолюции, дискредитирующие российскую дипломатию, создаются различные международные трибуналы, со всех сторон сыплются безосновательные и бездоказательные обвинения России во вмешательстве в дела других государств. Для этого организуются

информационные атаки, осуществляется финансирование антигосударственных политических сил, используются темы защиты прав человека во внутриполитической борьбе, осуществляется провоцирование религиозных, межнациональных и социальных конфликтов, разжигаются протестные настроения. Русофобский курс Запада в настоящий момент фактически институционализирован, а его проводники занимают ведущие посты в органах государственной власти, в международных, неправительственных организациях и СМИ.

Анализируя недружественные шаги зарубежных оппонентов России, можно сделать вывод о том, что на Западе сделана ставка на последовательный раскол нашего общества, экономическое и политическое ослабление, подрыв суверенитета, на развязывание новой «холодной войны» и полную изоляцию России в мире. Усилия Запада направлены, в числе прочего, на подрыв интеграционных процессов с участием Российской Федерации, на девальвацию идеи Русского мира в целом, что угрожает безопасности не только России, но и целого ряда других государств.

В современных условиях вероятность силовой акции против России невелика, прежде всего, из-за ее ядерного потенциала; нет и реальной социальной базы для раскачивания ситуации внутри России, поэтому наши недоброжелатели вынуждены усиливать внешнее давление на Россию, сделав основной акцент на применении стратегий непрямых действий и «мягкой силы».

Стратегии непрямых действий и «мягкой силы» – это особые технологии осуществления геополитической борьбы, ориентированные на завоевание господства над «вражеским» государством на основе установления полного и при этом скрытого контроля над механизмом формирования и практической реализации внутренней и внешней политики страны, ее политико-управленческой, социально-экономической, оборонной, культурно-идеологической и другими ключевыми сферами, а также самими процессами ее дальнейшего развития путем использования для решения такого рода задач специально разработанных «непрямых» организационных воздействий и мероприятий, «манипулирующего» и «подрывного» характера [7, с. 78].

Теоретические разработки и практика применения стратегий непрямых действий и «мягкой силы» имеют давнюю историю, от «достижении победы над противником, не сражаясь с ним», китайского полководца и военного теоретика Сунь-цзы; теории «центров тяжести», созданной немецким военным теоретиком и историком Клаузевицем; концепции «стратегии непрямых действий» английского военного теоретика и военного историка Б. Лиддел Гарта [1, с. 476]; до концепции боевых действий «враг как система» полковника ВВС США Дж. Уордена, ну и конечно же, родственной по целям, стратегии «мягкой силы» (soft power) американского политолога Дж. Ная, который расширил сферу действия стратегии непрямых действий, за счет привлечения арсенала политических, дипломатических, экономических, социальных, психологических (когнитивных) и информационных методов в целях подрыва основ государственного строя страны, подлежащей политической трансформации [2, с. 34].

При этом полагается, что модель современного государства-нации представляет собой системную структуру, состоящую из пяти взаимосвязанных концентрических колец.

Центральное кольцо – представляет национальных лидеров (элиту) и является наиболее важным элементом структуры. Оно окружено и защищено четырьмя остальными. Вторым кольцом является производство (заводы, фабрики, электростанции, нефтезаводы и т. д.), которое является жизненно важными для национальной мощи государства. Критическая государственная инфраструктура (автомобильные шоссе, железные дороги, энергетические линии и т. д.) – составляет третье кольцо. Четвертым кольцом является народонаселение. А последним, пятым, внешним кольцом являлись вооруженные силы.

В данной системе, состоящей из разнообразного количества взаимосвязанных объектов, объединенных сетью, как правило, имеется несколько ключевых, воздействие на которые может привести к «стратегическому параличу» всей государственной системы. Для этого нужно всего лишь просчитать «центры тяжести» в системе «государства-жертвы» и нанести по ним точечные удары, так как каждое государство имеет свои уникальные уязвимые места [6].

Не является исключением в этом отношении и Россия, против которой сегодня применяются современные технологии «мягкой силы» в рамках комплекса гибридных акций, скоординированно по месту и времени, целям и задачам, формам и методам, содержанию, объектам и каналам воздействия. Целенаправленное влияние оказывается сразу на все основные механизмы и институты управления обществом, призванные обеспечивать суверенитет, территориальную целостность, национальную безопасность страны. Данные действия ведутся с использованием определенного инструментария воздействия во всех основных сферах жизнедеятельности российского государства и общества – организационно-концептуальной, финансово-экономической, политико-правовой, социокультурной, внешнеполитической, обороны и безопасности. Сегодня, например, в России стержнем антироссийской пропаганды выступают оголтелая русофобия, тотальная война против основ российской государственности и общества, демонизация российского президента и дискредитация его сторонников, провоцирование кризисов и конфликтов, поощрение антиправительственных выступлений.

Между тем, в современной России отсутствует эффективная государственная политика противодействия западным стратегиям не прямых действий и «мягкой силы», не определена концепция видения и применения на практике собственной «мягкой силы».

Даже рассматривая положения «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4] правомерно отметить, что механизм реагирования на целенаправленные враждебные разрушительные воздействия против нашей страны носит пассивный характер и сформирован с учетом практически только парирования наносимых ударов, а также предполагает, в основном, внутриполитические меры по консолидации нации. Кроме того, и в новой Доктрине информационной безопасности РФ не ведется речи об актуальности, характере и содержании координационной работы в этом направлении.

В этом же ключе можно рассматривать прошедшие 7 июня 2017 г. парламентские слушания в Совете Федерации РФ на тему «Предотвращение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика», по итогам которых было принято решение о создании в Совете Федерации комиссии по защите государственного суверени-

тета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России. Основными задачами комиссии назвали сбор, анализ и обобщение информации о состоянии законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в сфере защиты государственного суверенитета и предотвращения вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. Члены Комиссии будут также заниматься выработкой предложений по совершенствованию национального законодательства в этой области.

В этих условия крайне сложно правильно выстроить эффективную систему обеспечения национальной безопасности, реализации внутри- и внешнеполитического курса страны, создать эффективные механизмы противодействия и нейтрализации угроз, оперативного реагирования на угрожаемые вызовы и нападки извне.

По нашему мнению, в настоящее время речь должна идти не о сопротивлении внешнему давлению (Россия постоянно находится под таким давлением), а о переходе к стратегическому планированию и политическим наступательным действиям по всем фронтам, о предложении и даже навязыванию оппонентам и партнерам своего видения мироустройства. Здесь уместно процитировать нашего соотечественника Александра Свечина: «Доктрина должна быть хищной и суровой, безжалостной к поражению и побежденным. ...Доктрина задается не только тем, чтобы всякая мысль была точно изложена, передана, понята и послушно исполнена – чтобы люди говорили на едином общем языке; доктрина задается большими претензиями» [5, с. 226].

Такой подход позволит перехватить стратегическую инициативу в глобальном противоборстве, выйти из состояния, когда приходится постоянно оправдываться в глазах международной общественности, навязывать свою информационную повестку геополитическим оппонентам и конкурентам.

Для этого необходимо создание национального института «мягкой силы», в том числе инструментария гибридного продвижения и отстаивания национальных интересов России на международной арене, предполагающего консолидацию и развитие комплекса сил и средств политического, дипломатического, финансово-экономического, информационно-культурного, силового и другого характера [3].

Строительство такого рода национальной системы «мягкой силы» должно осуществляться единым координационным центром, в тесном взаимодействии государственных ведомств и общественных институтов, силовых структур, МИД, отдельных неправительственных организаций, ведущих СМИ и интернет-ресурсов прогосударственной ориентации, которые участвуют в гибридных акциях комплексного применения «мягкой силы» в конкретных сферах геополитического противоборства с враждебными силами. Одновременно важно постоянно и целенаправленно вести информационную разведку, распознавать и вскрывать враждебные информационные цели и смыслы, которые навязываются государству и обществу.

Для успешной деятельности в этой сфере крайне важно, чтобы страна располагала целостной идеологией, системой идеалов и ценностей, соответствующих национальным интересам, опираться на богатое отечественное мировоззренческое наследие. Одновременно необходимо всесторонне учитывать характер и содержания современного информационного противоборства,

информационно-коммуникативные реалии, использовать исторический опыт ведения работы по разложению войск и населения противника в боевых и особых условиях. При этом контентное целеполагание предопределяет весь спектр содержательных параметров применения «мягкой силы».

С учетом того, что в настоящее время информационная сфера жизнедеятельности государств и общества во многом находится под жестким внешним влиянием, создание альтернативной информационной системы на базе силовых и других смежных правительственных структур может сыграть ключевую роль в информационном противоборстве вокруг России и, в целом, в мире. Кроме того, решение этой актуальной задачи поможет выстроить эффективную вертикаль управления государством и обществом, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности России в эпоху глобальных вызовов и угроз.

Проведение мероприятий «мягкой силы», в том числе контрпропагандистских и наступательных информационных операций (компаний) и отдельных акций, должно осуществляться по единому замыслу в рамках общего плана операции и в тесном взаимодействии с заинтересованными государственными и общественными институтами власти в сочетании с другими формами и методами так называемой гибридной войны. Взаимодействие и координация усилий должны осуществляется по следующим основным направлениям: мониторинг информационного пространства и обмен информацией; информационно-коммуникативная и информационно-разведывательная практика; аналитическая работа; медиапланирование; развитие связей с общественностью и СМИ; действия в сфере PR и рекламы; продвижение информации в сети интернет; инициирование социологических исследований, издательская деятельность, распространение слуховых вирусов и др. В медиапланировании особую важность приобретает координация информационных операций и компаний по месту и времени, целям и задачам, формам и методам, объектам и каналам воздействия.

Одновременно необходимо существенно повысить требования к отбору и подготовке национальных профессиональных кадров «мягкой силы», вооруженных целостным мировоззрением, способных профессионально, решительно и последовательно действовать на стороне национальных интересов своего народа и государства. Подготовка специалистов должна осуществляться в области сетевой безопасности и защиты информации и стратегических коммуникаций, а также аналитики, журналистики, зарубежного регионоведения, зарубежных коммуникаций, связей с общественностью и СМИ, PR и рекламы, кибертехнологий, социологии, политических технологий, консалтинга, психологии, музыкальной индоктринации, контрпропаганды, спецпропаганды и более специальных областей вплоть до психолингвистики и семантики. Эти специалисты должны готовиться в интересах предприятий оборонно-промышленного и энергетического комплекса, а также для потребностей неправительственных международных организаций российского влияния за рубежом. Поэтому нужен целевой поиск и отбор кандидатов на обучение, обладающих техническими, менеджерскими и творческими способностями. Такие кадры будут призваны обеспечить эффективное взаимодействие специалистов разных профилей. Решение этой задачи потребует существенных изменений в подготовке новых кадров.

При этом крайне важно, чтобы подготовка кадров в рамках вузов базировалась на мощной аналитической основе, опирающейся не только на анализ

событий, явлений и процессов, но и на синтез разносторонней информации, имеющей отношение к различным сферам знаний и отраслям деятельности.

Таким образом, в условиях формирования нового мирового порядка, когда центр тяжести борьбы на международной арене переносится в информационно-коммуникационное пространство, назрела необходимость формирования единой национальной системы «мягкой силы» России и кардинально пересмотреть вопрос об ее эффективном использовании.

Для достижения этой цели потребуется привлечь все государственные структуры и негосударственные образования, основную часть ресурсов общества и все возможные его средства, так как отсутствие национальной системы «мягкой силы» и разработанных концепций ее реализации, адекватных реалиям геополитического противоборства, обрекает страну на утрату своего суверенитета и ее разрушение как самостоятельного государственного образования.

Задача создания и реализации подобного проекта является исключительной по своей сложности. Вместе с тем никакие препятствия не могут служить оправданием отсутствию стратегии и отказу от ее создания. К тому же у России есть то, что дано немногим народам: в нашем массовом сознании на генетическом уровне сформировался менталитет победителей, наша идентичность основана на способности одерживать победы.

1. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий / Б. Гарт Лиддел // Пер. с англ. – М.: Астрель; Владимир: VKT, 2010. – С. 476.

2. Най, С. Джозеф (младший). Современный мировой беспорядок / С. Джозеф Най, младший // США: экономика, политика, идеология. – М., 1993. – № 2. – С. 34.

3. Небренчин С.М. Информационный характер современной «мягкой силы»: российская национальная информационная система. [Электронный ресурс] / Электронное издание «Центр стратегических оценок и прогнозов» от 16 марта 2017. – Режим доступа: <http://csef.ru/ru/articles/print/7511>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

5. Постигание военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина (сост. А.Е. Савинкин, А.Г. Кавтарадзе, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин). 1999. М.: Российский военный сборник / Русский путь. – 696 с.

6. Рогозин Д. Войны будущего или настоящего? [Электронный ресурс] / Электронное издание «Коммерсант» от 2 сентября 2014. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2094075>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

7. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского союза и социалистического лагеря. / П. Швейцер. – Мн., 1995. – С. 78.

References

1. Liddel Gart B. Strategiya nepryamyx dejstvij / B. Gart Liddel // Per. s angl. – М.: Astrel'; Vladimir: VKT, 2010. – S. 476.

2. Naj, S. Dzhozef (mladshij). Sovremennyj mirovoj besporyadok / S. Dzhozef Naj, mladshij // SShA: e'konomika, politika, ideologiya. – M., 1993. – № 2. – S. 34.
 3. Nebrenchin S.M. Informacionnyj xarakter sovremennoj «myagkoj sily»: rossijskaya nacional'naya informacionnaya sistema. [E'lektronnyj resurs] / E'lektronnoe izdanie «Centr strategicheskix ocenok i prognozov» ot 16 marta 2017. – Rezhim dostupa: <http://csef.ru/ru/articles/print/7511>, svobodnyj. – Zaglavie s e'krana. – Yaz. rus.
 4. O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 1 (Ch. II). St. 212.
 5. Postizhenie voennogo iskusstva. Idejnoe nasledie A. Svechina (sost. A. E. Savinkin, A. G. Kavtaradze, Yu. T. Belov, I. V. Domnin). 1999. M.: Rossijskij voennyj sbornik / Russkij put'. – 696 s.
 6. Rogozin D. Vojny budushhego ili nastoyashhego? [E'lektronnyj resurs] / E'lektronnoe izdanie «Kommersant» ot 2 sentyabrya 2014. – Rezhim dostupa: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2094075>, svobodnyj. – Zaglavie s e'krana. – Yaz. rus.
 7. Shvejcer P. Pobeda. Rol' tajnoj strategii SShA v raspade Sovetskogo soyuza i socialisticheskogo lagerya. / P. Shvejcer. – Mn., 1995. – S. 78.
-

UDC 327

MAIN PRIORITIES OF NATIONAL SYSTEM OF “SOFT POWER”

Novoselov Sergey Veniaminovich,

Astrakhan State University,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Political Science and International Relations,
Astrakhan, Russia,
E-mail: seveno@rambler.ru

Annotation

Today Russia has turned into an object of political, economic and information pressure, constant intervention in her internal affairs from the outside, against the country “undeclared” hybrid information war is launched. In the West it is relied on consecutive split of our society, economic and political easing, undermining sovereignty, on unleashing of new “Cold War” and full isolation of Russia in the world. In these conditions need of formation of national system of “soft power” has ripened.

Key concepts:

Russia, pressure, intervention, information war, “soft power”.

УДК 81'26

«УМНАЯ НАСТРОЙКА» КАК ДИСКУРСИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Якоба Ирина Александровна,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Факультет Прикладной лингвистики,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры английского языка,
доцент кафедры иностранного языка
для технических специальностей №1,
Иркутск, Россия,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Аннотация

Постановка вопроса о технологизации дискурса входит в актуальную проблематику борьбы за власть и управление коммуникацией для цели социального контроля. В данной работе дискурс исследуется с позиции технологичности взаимодействия адресанта и адресата, его параметризации дискурсивными силами, определяющими акциональную качественность дискурса. Технология «Умная настройка» дискурса выявляет потенциал умной силы, используемой для успешной коммуникации в технологичном дискурсе.

Ключевые понятия:

умная сила, умная настройка дискурса, дискурсивная технология.

Интересу к интенсификации эффективности дискурса способствует изучение *власти / силы* дискурса посредством создания, моделирования дискурсивных технологий, установления дискурсообразующих параметров и их взаимодействия. Согласимся, что в современном обществе «технологичный дискурс становится экономическим механизмом, поскольку он превращается в средство, позволяющее получать экономическую выгоду от одного только дискурса, без дополнительных капиталовложений, и побеждать конкурентов, не использующих такой дискурс» [3, с. 6–39]. В качестве актуального аспекта в разработке проблемы эффективности дискурса, его *власти и силы* предполагается установление *сил*, которые задействованы в достижении целей технологично сконструированного дискурса.

Полагаем, что потенциал эффективности взаимодействия адресанта и адресата в когнитивно-коммуникативном пространстве может быть раскрыт посредством выявления взаимодействия *умной, мягкой, жесткой сил* в динамике реализации дискурса. В связи с этим, целью работы ставится концептуализация технологии «Умная настройка» дискурса (далее ТУН) посредством взаимодействия дискурсивных сил в когнитивно-коммуникативном пространстве на основе динамического подхода к моделированию дискурса. Гипотеза исследования состоит в том, что эффективный медийный дискурс, будучи технологически конструированным, управляется дискурсивными силами, базовой из которых является *умная сила*, которая градуированно взаимодействует с другими типами *сил*, управляет взаимодействием в когнитивно-коммуникативном пространстве, создавая необходимую аттрактивность.

Предполагаем, что дискурсивные силы в их *умном* технологическом сочетании могут эффективно управлять дискурсом, обладают достаточно высокой степенью аттрактивности и технологичности. Придание особой значимости *умной силе* позволяет смоделировать, настроить дискурс с заданными параметрами. Исходя из данного подхода, сущность ТУН состоит в реализации эффективного дискурса посредством доминирования *умной силы* как ведущего лингвокогнитивного параметра в технологизации эффективной коммуникации и, как следствие, в управлении дискурсом.

Определение *умный* по отношению к настройке дискурса понимается как феномен: 1) относящийся к разуму, воздействующий на интеллект, аттрактивный для него, т. е. привлекающий внимание и интерес как «ответ» в ситуации когнитивного выбора коммуниканта по проблемно переживаемой ситуации; 2) учитывающий потребности, ценностные и целевые ориентиры адресанта и адресата; 3) стимулирующий к осмыслению, анализу и выводу; 4) стимулирующий к реагированию и приятию заданного смысла сообщения; 5) корректирующий действия коммуникантов посредством обратной связи; 6) конструирующий заданный сценарий развития событий; 7) имеющий привлекательную речевую «упаковку», форму и формулу выражения в дискурсе.

Следует отметить, что определение «умный» в данной работе является производным от термина «умная сила» (далее УС). УС как термин первоначально использовался в сфере политики и международных отношений, преимущественно в США. При переносе в лингвистику его значение было переосмыслено и уточнено. Термин УС является аттрактивным концептом, который в настоящее время используется преимущественно властью США при разговорах о формировании внешнеполитической стратегии и международных отношений. Как продукт американской политической мысли и стратегия, УС была разработана Центром стратегических и международных исследований (Centre for Strategic and International Studies, CSIS) эксклюзивно для практики США в качестве рамок для инвестирования в глобальное развитие, общественную дипломатию и экономическую интеграцию [1]. Считается, что термин УС ввел американский политолог и стратег внешней политики Джозеф С. Най. Най предлагает понимать УС не как третий вариант силы, а как метод, подход к использованию силы, который дает лидерам шанс выбрать наилучший способ для решения конкретного вопроса [9, р. 17]. В статье «Будущее американской власти» он пишет: «Термин *умная сила*

в XXI веке не подразумевает максимизацию власти или сохранение гегемонии. Речь идет о поиске путей для сочетания ресурсов в успешных стратегиях, а особое значение придается альянсам и сетям, чутко реагирующим на новый контекст глобальной информационной эпохи. <...> ...В век информации может победить тот, кто способен представить себя в лучшем свете» [2, с. 3].

В настоящее время концепт *умной силы* приобретает фундаментальное значение в отражении трансформации властных отношений в современной мировой политике не только американских политиков и исследователей, но и аналитиков стран Европы и Азии [4, с. 88–89], в котором растет значимость ее (умной силы) интеллектуальной составляющей [5, с. 110], скорости обработки информации, коммуникативной мобильности и креативного потенциала [4, с. 90].

Существуют другие понимания классификатора «умный»; так, например, в настоящее время с развитием технического прогресса определение «умный» можно встретить повсеместно в сочетаниях с существительными по отношению к техническим автоматизированным системам, подстраивающимся под нужды пользователя: «умный дом», «умный транспорт», «умные часы», «умные автомобили», «смартфон» и т. п. Таким образом, «ум» технического устройства ассоциируется, в основном, с возможностью программирования и выполнения различных функций автономно по принципу обратной связи, в результате обработки данных датчиков, облегчая деятельность пользователя.

В нашей концепции когнитивно-коммуникативной технологизации медийного дискурса, определение «умный» в сочетании с существительным «настройка» подразумевает доминирование УС в технологизации эффективной коммуникации, которая, соединяя мягкую и жесткую силы, управляет дискурсом. *Умная сила* понимается как когнитивно-дискурсивная структура, формулирующаяся символически (знаками), которая не идет по пути лобового столкновения в пространстве взаимодействия с существующими или ожидаемыми концептуальными матрицами в коллективном сознании (в том числе стереотипами). Она «проделывает» за адресата интеллектуальный аргументативный путь концептуализации и оценивания, но поворачивает его в нужном направлении, управляет траекторией движения дискурса. Адресат считает, что добровольно производит итоговые ментальные операции и действия. Готовое решение не навязывается, но опосредованно, «между строк», в форме явных импликатур и имеющихся пресуппозиций, предлагается как логически обоснованный результат деятельности коллективного большинства. УС вуалирует свои собственные идеалы и стремления, выдавая их за мнение и решение большинства. Применяется посредством инференции импликатур, введения пресуппозиции, риторических вопросов в инициальной позиции, наряду с репрезентацией готовых ответов, которые не навязываются, а произносятся от лица коллектива, но имплицитно накладываются на процесс конструирования выводного смысла – интерпретанты.

УС проявляется посредством логической рациональной аргументации, пропаганды, PR-деятельности, риторических приемов убеждения, речевой манипуляции, НЛП-технологий, аргументов *ad hominem*, брендинга, использования идеологом, квазидипломатических высказываний, суггестии посредством нематериальных ресурсов, с опорой на культурное пространство (образование, кино, шоу-бизнес, СМИ, в первую очередь телевидения и интернета), мнения экспертов, продвижение «правильных» научных идей, подкрепленных науч-

ными или псевдонаучными исследованиями, ссылки на научные труды (статьи, монографии и пр.).

В дискурсе УС актуализируется посредством многообразного инструментария, например, лингвокогнитивных механизмов имажинеринга, инспирации, позиционирования: единения, вовлечения в общение, спин-докторинга, фреймирования ситуации, фокусирования, псевдодискуссий, дискурсивных стратегий личной заинтересованности, создания круга «своих», ссылки на авторитетность, техник конверсивизации, «красивых слов», амальгамирования, выученной беспомощности, социального доказательства, фортификации, моделирования альтернативного будущего, дрейфования понятий, фасцинации, приемов ассерции и т. п. (см. подробнее [6, с. 232]).

Таким образом, адресату кажется, что он сам приходит к выводам, сам принимает решения, по своей воле выполняет то, что на самом деле предусматривает дискурсивный технолог. Настройка эффективного дискурса становится умной, потому что она мягко, ненавязчиво, естественным образом оказывает воздействие, воспринимаемое как взаимодействие, на эмоциональное состояние, часто не логически. Такая настройка дискурса не вызывает отторжения, потому что адресат верит, что он сам принимает решения, без давления со стороны адресанта. На самом деле адресант плавно, опосредованно и завуалировано направляет траекторию движения мысли адресата, стимулируя его поверить в свои силы и свою волю в принятии решения.

Итак, результатом исследования становится положение, что *сила* дискурса способна проявлять свою двусторонность и зависит от центров власти и контроля, от воздействующей силы в социальной интеракции. Сила понимается как власть, мощь, степень воздействия на объект особого типа – когнитивную систему, когнитивное пространство человека-адресата. Дискурс может достичь цели, если его «завершение» будет успешным, если его смыслы станут не просто «интерпретантой», интериоризируемой адресатом с разной степенью глубины (Л.С. Выготский), но освоенным и присвоенным смыслом, с которым адресат будет самоидентифицироваться. Это становится возможным при умной, точной настройке дискурса, что находит отражение в концептуализации и моделировании технологии «Умная настройка». Примерами «Умной настройки» дискурса могут служить как политический и рекламный дискурс в целом, так и выступления известных ораторов, в частности, что подробнее было изложено в других публикациях автора (см. напр. [7; 8]).

1. Гаспарян П. Теоретические основы понятия «умная сила» [Электронный ресурс]. URL: <http://lawinrussia.ru/content/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-umnaya-sila> (дата обращения: 29.10.2016).

2. Най Дж. Будущее американской власти // Россия в глобальной политике. 2010. № 6. // Россия в глобальной политике. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Budushee-amerikanskoi-vlasti-15053> (дата обращения: 25.03.2017).

3. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи [Текст] / С.Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С.Н. Плотниковой. – Иркутск: Иркутский государственный

лингвистический университет, 2011. С. 6–39.

4. Русакова О. Ф. «Умная сила» («smartpower») как государственная стратегия // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2013. № 1. С. 87–98.

5. Суркова Е. А. Инструментальный потенциал «умной силы»: современные практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Выпуск 1. с. 107–110.

6. Якоба И. А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 242 с.

7. Якоба И. А., Томских О. Деконструкция дискурса М. Цукерберга, посвященного взаимосвязанности // Социальная компетентность. 2017, № 1. с. 40–45.

8. Якоба И. А. Деконструкция выступления Стива Джобса «Оставайтесь голодными, оставайтесь безрассудными» // Социальная компетентность. 2017, № 2. с. 29–32.

9. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 'CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America', co-chairs, Richard L. Armitage and Joseph S. Nye, Jr., 2007. p. 7–17.

References

1. Gasparyan P. Teoreticheskie osnovy ponyatiya «umnaya sila» [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://lawinrussia.ru/content/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-umnaya-sila> (data obrashheniya: 29.10.2016).

2. Naj Dzh. Budushhee amerikanskoj vlasti // Rossiya v global'noj politike. 2010. № 6. // Rossiya v global'noj politike. 2010. № 6. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Budushee-amerikanskoi-vlasti-15053> (data obrashheniya: 25.03.2017).

3. Plotnikova S. N. Diskursivnye texnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoj informacionnoj e'poxi [Tekst] / S. N. Plotnikova // Texnologizaciya diskursa v sovremennom obshhestve: kollektivnaya monografiya / pod red. S. N. Plotnikovoj. – Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2011. S. 6–39.

4. Rusakova O. F. «Umnaya sila» («smartpower») kak gosudarstvennaya strategiya // Politicheskij vektor-PRO. Kompleksnye problemy sovremennoj politiki. 2013. № 1. S. 87–98.

5. Surkova E. A. Instrumental'nyj potencial «umnoj sily»: sovremennye praktiki // Kontury global'nyx transformacij: politika, e'konomika, pravo. 2015. Vypusk 1. s. 107–110.

6. Yakoba I. A. Vlast' diskursa: modelirovanie diskursivnogo vzaimodejstviya. Monografiya. – Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2016. – 242 s.

7. Yakoba I. A., Tomskix O. Dekonstruksiya diskursa M. Cukerberga, posvyashhennogo vzaimosvyazannosti // Social'naya kompetentnost'. 2017, № 1. s. 40–45.

8. Yakoba I. A. Dekonstruksiya vystupleniya Stiva Dzhobsa «Ostavajtes' golodnymi, ostavajtes' bezrassudnymi» // Social'naya kompetentnost'. 2017, № 2. s. 29–32.

9. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 'CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America', co-chairs, Richard L. Armitage and Joseph S. Nye, Jr., 2007. p. 7–17.

UDC 81'26

“SMART TUNING” AS A DISCOURSE TECHNOLOGY OF EFFECTIVE COMMUNICATION

Yakoba Irina Alexandrovna,

Irkutsk National Research Technical University,
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of Foreign languages department №1
for technical specialties,
Faculty of applied linguistics,
Irkutsk, Russia,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Annotation

Statement a problem of discourse technologization is one of relevant topics of a race for power and communication management for social control. This paper researches the discourse from position of technological effectiveness of addresser and addressee interaction, discourse power parameterization that defines discourse action quality. “Smart tuning” technology reveals smart power potential that is used for effective communication in a technological discourse.

Key concepts:

smart power, discourse smart tuning, discourse technology.

УДК 327

ПОЛИТИКА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Михайленко Александр Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доктор политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: anmikh@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы понятия «мягкой силы», вместо него предлагается использовать понятие «политика привлекательности». Изучается соотношение официальной и общественной дипломатии в политике привлекательности. Делается различие привлекательности внешней политики по ее форме и по содержанию. На примерах отечественного и зарубежного опыта исследуются возможности повышения эффективности российской политики привлекательности.

Ключевые понятия:

мягкая сила, жесткая сила, политика привлекательности, политика принуждения, официальная дипломатия, общественная дипломатия.

О понятии мягкой силы

По вопросу о понятии мягкой силы имеется богатая литература. Известно, что это понятие противоречиво, вызывает споры. На мой взгляд, нам необходимо говорить на русском языке, поэтому использовать понятие «softpower» следовало бы только в привязке к разработке Дж. Ная и его англоязычных последователей. Использование англоязычных терминов ведет к переходу на зарубежный образ мышления, в чём у нас в России нет особой необходимости – отечественный интеллектуальный потенциал и русский язык необычайно богаты. Изучать зарубежный опыт, взгляды ученых из других стран нужно обязательно. И вместе с тем, необходимо вырабатывать политологические понятия на русском языке.

В этом плане, «softpower» могла бы на русском языке звучать как политика привлекательности или в каком-либо другом варианте.

Как известно, «softpower» включает в себя мягкость и силу, это своего рода оксюморон. Такое включение почти полярных свойств в одно понятие делает его аморфным, нечетким. Противоречивость этого термина приводит к тому, что одна из тем пленарных докладов нынешней конференции «Манипулятивные технологии в арсенале soft power» звучит вполне приемлемо. С точки же зрения привлекательности манипулирование общественным сознанием в большей степени относится к противоположной политике, а именно к политике принуждения. Поэтому следует продолжить научный поиск в определении этого понятия в современных условиях. На данном этапе целесообразно для его уточнения использовать, среди прочих средств и методов, метафоры и символы. Они менее точны, но более креативны, создают больше условий для научного поиска. Мы могли бы, например, подумать о символике политики привлекательности. В качестве возможного символа мог бы выступить магнит с глобусом внутри него, притягивающий улыбки, или глобус на ладони (предложение одного из моих магистрантов).

Очевидно, что во внешней политике страны не может присутствовать только политика привлекательности. Это особенно важно в современных условиях неопределенности в мировых процессах. Формирующийся ныне полицентричный мир, очевидно, будет еще более неопределенным, конфликтным и турбулентным, о чем мы уже писали ранее [4]. Согласно политической теории, в таких условиях целесообразно иметь максимально разнообразные средства и методы внешнеполитической деятельности. Например, американские ученые для повышения эффективности внешней политики в новых условиях предлагают использовать такие инструменты, как сбалансированные международные альянсы, ответственное содействие международному развитию, экономические санкции, если они оправданы, агрессивные тайные операции, двусторонние торговые соглашения, зрелые разведывательные возможности, хитрую (canny) дипломатию, военные рычаги и возросшие военные расходы [7]. Как видим, этот подход состоит в том, чтобы собрать во внешнеполитическом колчане разные, едва ли не противоположные, методы.

Для определения места политики привлекательности во внешнеполитическом спектре страны необходимо выявить понятие, оппозиционное ей. Если исходить из подхода Дж. Найа, то таким понятием является жесткая сила. Как известно, Най объединяет жесткую и мягкую силы в умную силу. Согласно нашему подходу, оппозицией привлекательной политике могла бы стать политика принуждения. Если продолжить наши символические изыскания, то подобная политика могла бы символически выглядеть как молоток, бьющий по печальному глобусу, или кулак, упирающийся в глобус. Заметим, что в трактовке Дж. Найа жесткая сила не несет в себе отрицательных коннотаций, она рассматривается как необходимый элемент внешней политики. Если мы посмотрим сегодня на трактовку российской внешнеполитической деятельности западными политиками, экспертами и СМИ, то окажется, что она преподносится, как правило, в черных тонах, как агрессивная и подобными терминами. Она якобы направлена исключительно на раскол среди западных стран, ослабление их объединений и союзов и пр. [6].

Привлекательная и принуждающая политики находятся на полюсах внешней политики. Между ними располагается весь спектр используемых во внешней политике средств и методов. В них в разной пропорции содержатся как элементы привлекательности, так и принуждения. Примером в этом смысле может служить выступление в апреле 2017 г. на заседании Совета Безопасности ООН заместителя постоянного представителя РФ при ООН В. Сафронкова, в котором он дал достаточно резкий, непривычный для дипломатического языка, отпор своему британскому коллеге. С точки зрения современной дипломатии оно оказалось весьма дискуссионным и, соответственно, получило различные оценки. В то время, как пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков дал этому выступлению положительную оценку [2], Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. Матвиенко раскритиковала его [3].

Как сделать нашу официальную дипломатию более привлекательной

Политика привлекательности должна занимать достойное место во внешнеполитической деятельности России. Привлекательность нашей внешней политики может достигаться за счет соответствующего содержания и формы. По содержанию политика будет привлекательной, если она соответствует национальным интересам России и, в то же время, не противоречит интересам главных игроков по рассматриваемому вопросу. Примером привлекательной политики России в этом аспекте может служить недопущение бомбардировок Сирии странами НАТО в 2013 г. Российская инициатива по сирийскому химическому оружию спасла мир от новой полномасштабной войны. Этот пример свидетельствует о том, что привлекательным может быть только обоснованное, глубоко продуманное предложение, соответствующее текущему раскладу политических сил на мировой арене.

Что касается привлекательной внешней политики по форме, то ярким примером в этом смысле может быть цифровая дипломатия Посольства России в Великобритании. Российские дипломаты активно работают в Твиттере, и благодаря использованию привлекательных форм (стихотворения, карикатуры и пр.) они очень популярны среди зарубежных участников социальных сетей. Более того, этот успех российской дипломатии немедленно стал предметом изучения британских ученых и политиков, которые пытаются затем использовать российские «ноу-хау» в этой сфере в своей собственной дипломатической деятельности. Данный отечественный опыт показывает, что привлекательной может быть только такая политика, которая проводится современными средствами и методами. Эти современные цифровые средства позволяют использовать для оценки их эффективности различные измерительные инструменты.

Еще один вопрос, связанный с официальной дипломатией привлекательности, состоит в том, что нацеленность на нее должна быть присуща не только главному министерству, координирующему нашу внешнюю политику, – МИДу. Стремление проводить внешнюю политику привлекательности должно присутствовать во всех официальных органах, участвующих во внешнеполитической деятельности: Совете Безопасности, Федеральном Собрании, министерствах, субъектах Федерации и других. Эту систему можно представить в форме пирамиды, в основании которой находятся общественная дипломатия (а в более

широком плане – все российское общество), российские транснациональные компании, парламентская дипломатия, а в ее вершине – Президент России. Согласно Конституции РФ, именно он определяет основные направления внешней политики государства и руководит ее осуществлением. Потому особое внимание следует обратить на привлекательность внешнеполитической деятельности высшего должностного лица государства.

Эта привлекательность также имеет форму и содержание. По форме желательно, чтобы руководитель страны имел подтянутый спортивный вид. Например, у жителей Алматы вызвал симпатию президент Финляндии С. Ниинистё, который 19 июня 2017 г. в ходе визита в Казахстан ознакомился с достопримечательностями города, катаясь по его улицам на роликах. Это свидетельствовало о его хорошей спортивной форме и близости к простым людям. В зарубежной науке изучаются и другие показатели привлекательности государственного деятеля, авторы которых пытаются их квантифицировать. Например, в журнале *Social Science Quarterly* приводятся результаты исследования, согласно которому для политических лидеров имеет значение рост [8]. Изучается также влияние тембра голоса лидера на избирателей и граждан. По совокупности этих и других параметров Президент России В.В. Путин, владеющий черным поясом по карате и неплохо играющий в хоккей, котируется очень высоко.

Для политического лидера, кроме отличной формы, нужно и привлекательное содержание. В этом плане обратим внимание на японский опыт привлекательной политики. Премьер С. Абэ пытается разрешить существующие территориальные проблемы своей страны за счет личных доверительных отношений с зарубежными партнерами. В японском обществе ставится вопрос, «удастся ли японскому лидеру вернуться в прежнее русло за счет доверительных отношений с главами государств – аспекта, который Абэ считает одной из своих сильных сторон... Дипломатия Абэ заключается в том, что он привязывает доверительные отношения с главами стран к государственным интересам. Также он считает, что доверительные отношения помогают ему менять ветер со встречного на попутный» [5].

В таком содержательном плане В.В. Путин также очень высоко оценивается в международных кругах. Можно вспомнить о том, что бывший Президент США Дж. Буш-младший однажды сказал о В.В. Путине: «Посмотрев ему в глаза, я увидел его душу». Более того, Дж. Буш написал портрет В.В. Путина. В качестве более свежего примера вспомним нестандартный ответ Москвы на выдворение в конце 2016 г. 35 российских дипломатов из США, в соответствии с которым детей из американского посольства вместо спешной высылки из России вместе с родителями пригласили на новогоднюю елку в Кремль. Предложение отечественного МИДа состояло в том, чтобы ответить «зуб за зуб». Однако Президент России решил по-другому. Д. Трамп назвал это решение «отличным ходом» и отметил при этом, что «всегда знал, что он (Путин) очень умен».

Общественная дипломатия в политике привлекательности

Таковы некоторые мысли о привлекательности нашей официальной дипломатии. В свою очередь, очень важную роль в формировании привле-

кательной внешней политики России должна играть наша общественная дипломатия. По моему мнению, следовало бы уточнить содержащуюся в Концепции внешней политики РФ позицию, согласно которой именно она, прежде всего, и должна играть «первую скрипку» в политике привлекательности. В Концепции говорится, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1]. Такая формулировка может предполагать, что эти традиционные дипломатические методы выносятся за скобки «мягкой силы». Как мы показали выше, использованные нетрадиционно, они вполне могут быть достаточно привлекательными.

У общественной дипломатии имеется существенный потенциал привлекательности. Примером в этом плане может служить миротворческая деятельность главы Международной федерации шахмат гражданина России К. Илюмжинова. По его инициативе весной 2017 г. был организован объединенный турнир между детскими командами шахматистов Молдавии и Приднестровья. В результате на открытый чемпионат России среди школьных команд «Белая ладья» приезжает объединенная молдавско-приднестровская сборная. К. Илюмжинов развивает этот успех, не останавливаясь на достигнутом. Он уже договорился о шахматных матчах детей Северной и Южной Кореи, а также Палестины и Израиля, которые могут пройти уже в 2017 г. Необходимо и в будущем раскрывать и использовать этот потенциал.

Чаще всего, начиная с Лисистраты из Древней Греции, об общественной дипломатии говорят в ситуациях обострения отношений между странами и необходимости миротворческих усилий. Однако было бы неверно думать, что общественная дипломатия активизируется только при разрыве официальных дипломатических контактов. Привлекательными для простых людей являются культурная, образовательная, спортивная, научная, общественная дипломатия. Широкие возможности для взаимодействия народов предоставляет церковная дипломатия. Спектр направлений общественной дипломатии, как видим, довольно широк, важно эффективно их использовать во благо народов мира.

* * *

Таким образом, российская внешняя политика довольно привлекательна для зарубежных граждан. Может быть поэтому государственный секретарь в прежней администрации США Дж. Керри, выступая в мае 2017 г. перед выпускниками Гарвардского университета, порекомендовал им изучать русский язык. Но не следует останавливаться на достигнутом, необходимо искать новые возможности укрепления позиций России на мировой арене за счет развития ее политики привлекательности.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) //

URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 23.05.2017).

2. Кремль прокомментировал выступление Сафронкова на заседании Совбеза ООН // URL: <https://ria.ru/world/20170413/1492156594.html> (дата обращения: 23.06.2017).

3. Матвиенко осудила резкое выступление Сафронкова в Совбезе ООН // URL: <https://ria.ru/world/20170420/1492677783.html> (дата обращения: 23.06.2017).

4. Михайленко А.Н. Полицентричный мир: каким ему быть? // Вопросы политологии. 2015. № 4 (20). С. 89–101.

5. Недеспособность ТТП и тучи над «северными территориями»: момент истины для дипломатии Абэ // «Нихон кэйдзай», Япония. 2016. 28 ноября. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161128/238297020.html> (дата обращения: 23.06.2017).

6. Фурукава Э. Агрессивная дипломатия Путина: внести раскол и ослабить союзников, воспользовавшись хаосом в США // Нихон кэйдзай. 2017. 19 июня. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170620/239626854.html> (дата обращения: 23.06.2017).

7. Dueck C. This Is the Key to a Successful Trump Foreign Policy // The National Interest, May 25, 2017.

8. How tall are our world leaders? // The Guardian, 19 Oct. 2011.

References

1. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyom 30 noyabrya 2016 g.) // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashheniya: 23.05.2017).

2. Krem' prokomentiroval vystuplenie Safronkova na zasedanii Sovbeza OON // URL: <https://ria.ru/world/20170413/1492156594.html> (data obrashheniya: 23.06.2017).

3. Matvienko osudila rezkoe vystuplenie Safronkova v Sovbeze OON // URL: <https://ria.ru/world/20170420/1492677783.html> (data obrashheniya: 23.06.2017).

4. Mixajlenko A.N. Policentrichnyj mir: kakim emu byt'? // Voprosy politologii. 2015. № 4 (20). S. 89–101.

5. Nedeesposobnost' TTP i tuchi nad «severnymi territoriyami»: moment istiny dlya diplomatii Abe' // «Nixon ke'jdzej», Yaponiya. 2016. 28 noyabrya. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161128/238297020.html> (data obrashheniya: 23.06.2017).

6. Furukava E'. Agressivnaya diplomatiya Putina: vnesti raskol i oslabit' soyuznikov, vospol'zovavshis' kaosom v SShA // Nixon ke'jdzej. 2017. 19 iyunya. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170620/239626854.html> (data obrashheniya: 23.06.2017).

7. Dueck C. This Is the Key to a Successful Trump Foreign Policy // The National Interest, May 25, 2017.

8. How tall are our world leaders? // The Guardian, 19 Oct. 2011.

UDC 327

THE ATTRACTIVENESS POLICY IN THE STRUCTURE OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY ACTIVITIES

Alexander Nikolaevich Mikhaylenko,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: anmikh@mail.ru

Annotation

Debatable issues of the «soft power» concept are discussed, instead of it the notion of «attractiveness policy» is proposed. Correlation between official and public diplomacy in attractiveness policy is studied. A distinction is made between the attractiveness of foreign policy in its form and substance. Possibilities to increase the effectiveness of Russian attractiveness policy are explored on the basis of domestic and foreign experience.

Key concepts:

soft power, hard power, attractiveness policy, coercion policy, official diplomacy, public diplomacy.

УДК 327.5

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Молодов Олег Борисович,

Вологодский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
кандидат исторических наук,
Вологда, Россия,
E-mail: o_young8172@mail.ru

Аннотация

В статье характеризуются возможности использования русского языка как фактора «мягкой силы» в странах Центральной Азии. Несмотря на изменение этнического состава населения стран Центральной Азии, у русского языка сохраняются высокие потенциальные возможности расширения внешнеполитического влияния России в регионе. Статья подготовлена на основе статистической информации и ранее проведённых исследований по данной проблеме.

Ключевые понятия:

внешняя политика, «мягкая сила», русский язык, Россия, Центральная Азия.

В современной внешней политике, наряду с традиционными механизмами влияния на другие страны, широко используется концепция «мягкой силы» (англ. – «softpower»), введенная в оборот политической теории и практики Джозефом Наем в конце XX столетия.

Россия, обладающая масштабным культурным наследием, также использует этот потенциал в интересах укрепления собственных позиций в мире и на постсоветском пространстве. Понятие «мягкой силы» было включено в Концепцию внешней политики РФ 2013 г. и в последующие стратегические документы [4, с. 214]. Однако ещё до введения в оборот понятия «softpower» большой опыт использования привлекательности своих ценностей, образа жизни и достижений культуры накопился в СССР, где возможности «мягкой силы»

имели под собой широкую экономическую и военную поддержку братских стран, политических партий и национально-освободительных движений [11, с. 148–149].

Одним из условий укрепления авторитета современной России является обеспечение российского культурного наследия за рубежом, сохранение и укрепление русскоязычного пространства вдоль своих границ [12, с. 70]. Действительно, важнейшим фактором «мягкой силы» является русский язык как средство межнационального общения на обширной территории бывшего Советского Союза и стран социалистического лагеря. К исходу XX столетия (на 1990 г., предшествующий году распада СССР) число владевших русским языком в мире составляло 312 млн. человек, что стало его высшим показателем [2, с. 115]. Однако за 25 лет, прошедших с момента распада СССР и образования новых суверенных государств на постсоветском пространстве, число владеющих русским языком значительно сократилось.

Одним из регионов, где сохраняется потенциал для использования русского языка как средства усиления влияния России, является Центральная Азия, включающая территории пяти бывших республик Средней Азии: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении.

Центральная Азия в настоящее время также является зоной интересов США, Китая, Турции, Ирана, европейских и арабских стран. При этом государства этого региона проводят многовекторную политику: избегая ориентации на один из центров силы, ищут баланс между крупными мировыми державами. В центральноазиатском регионе Россия имеет безусловные преимущества перед другими странами, поскольку бывшие республики Средней Азии, особенно Казахстан и Кыргызстан, в значительной степени включены в интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Кроме того, её влияние обеспечивается распространением там русского языка и сохранением с советских времён родственных, дружеских и профессиональных связей [3, с. 49].

Вместе с тем, активизация интеграционных процессов сдерживается негативным восприятием советского прошлого и колониальной политики Российской империи в отношении населения Центральной Азии. В последние годы всё чаще проводятся культурные и научные мероприятия, посвящённые «тёмным страницам» общей истории: голодомору в Казахстане 1932–1933 гг. («Великий Джугт») и Среднеазиатскому восстанию 1916 г., повлёкшему массовую гибель людей и исход десятков тысяч казахов и киргизов в Китай («Чон Уркун»). Это способствует росту националистических настроений и сокращению влияния русского языка в регионе. Как отмечает политолог В. А. Никонов, за последнее десятилетие численность русскоязычного населения сократилась как из-за естественной убыли, так и по политическим причинам, в силу своеобразного «политического наказания» языка за исторические обиды [5, с. 99].

Русскоязычное пространство в странах СНГ сокращается как по причине «естественной» миграционной убыли русскоязычного населения, так и целенаправленной политики по вытеснению русского языка и замене его языком титульной нации. Произошла массовая «национализация» топонимики: замена названий населённых пунктов и улиц, учебных заведений и учреждений культу-

ры [7; 8]. Отмечается закономерность: чем дальше республика от России и чем ниже интенсивность миграционных потоков, тем меньше доля владеющих русским языком.

Существует прямая связь статуса русского языка в стране и степени её интеграции с Россией в рамках ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и Таможенного союза. Наиболее вовлечёнными в интеграционные процессы являются Казахстан и Кыргызстан, где русский язык является вторым государственным языком. Напротив, на сегодняшний день в Туркменистане русскоязычное образование фактически ликвидировано, а в Таджикистане и Узбекистане сократилось до минимального уровня [6].

Интересной тенденцией является сокращение восприятия русского языка как родного даже среди русских по национальности жителей Казахстана. При этом его указывают в качестве родного представители национальных меньшинств, реже титульной нации, в других странах региона. Владение русским языком не всегда предполагает его активное использование в повседневной жизни, особенно в Узбекистане и Таджикистане (Таблица 1).

Таблица 1 – Показатели владения русским языком населения стран Центральной Азии (2009–2012 гг.) (в млн. чел.) [2, с. 121].

Страна	Всё население	Русские по национальности	Русский язык как родной	Всего владеют / из них активно
Казахстан	16	3,79	2,5	13,5 / 11,5
Кыргызстан	5,55	0,38	0,4	2,7 / 2
Узбекистан	28,6	0,7	0,9	11,8 / 4
Таджикистан	7,57	0,04	0,05	2,5 / 0,9
Туркменистан	5,11	0,14	0,15	0,9 / 0,6

Существенные потенциальные возможности для усиления роли русского языка в Центральной Азии предоставляет обучение иностранных студентов в российских вузах. В 2013/2014 учебном году в РФ обучалось 80910 студентов из стран СНГ, в том числе из Казахстана – 27524, Кыргызстана – 3591, Таджикистана – 6561, Туркменистана – 12114, Узбекистана – 6288 [10, с. 20]. По данным статистики, на выходцев из стран бывшего СССР приходится 79,2% иностранных студентов, в том числе из Казахстана – 36%, Узбекистана – 11%, Туркменистана – 9% [1, с. 3–4].

Главной опорой русскоязычного обучения в странах Центральной Азии остаются столичные «славянские» университеты, где проходит обучение по российским образовательным программам на русском языке. В 2014/2015 академическом году в Киргизско-Российском (Славянском) университете – 11303 студента, Российско-Таджикском (Славянском) университете – 5087 студентов, Киргизско-Российской академии образования – 1230 студентов [13, с. 390]. Данные вузы стали престижными, поскольку их окончание открывает дорогу для карьеры в бизнесе и на государственной службе. При этом появляются

конкурентоспособные учебные заведения, созданные совместно с партнёрами из США и Турции (Казахско-Американский университет, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави, Международный университет Агатюрк-Алатоо в Бишкеке, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» и др.).

За последние 10 лет в большинстве стран Центральной Азии произошло сокращение количества иностранных граждан, обучавшихся по российским образовательным программам и с участием российских преподавателей, на русском языке в филиалах и других подразделениях российских вузов. Исключение составляет Кыргызстан, где заметен существенный рост их численности (Таблица 2).

Таблица 2 – Динамика численности иностранных граждан, обучавшихся по российским образовательным программам и с участием российских преподавателей, на русском языке в филиалах и других подразделениях российских вузов в странах Центральной Азии (чел.) [2, с. 274].

Страна	2005/2006 академический год	2015/2016 академический год	Изменение
Казахстан	25 801	7 710	– 18 091
Кыргызстан	11 991	14 667	+ 2 676
Таджикистан	8 024	8 085	– 61
Узбекистан	3 100	1 043	– 2 057

Общей тенденцией является снижение числа общеобразовательных школ с обучением на русском языке. За 25 лет суверенитета число таких школ в Казахстане уменьшилось почти в три раза (с 5 861 до 1 909), в Узбекистане – на 1 177 школ, а количество обучающихся сократилось, соответственно, на 1,4 млн. и 436 тыс. учащихся. При этом в Кыргызстане число «русских школ» увеличилось на 24 учебных заведения, а обучающихся – на 31,1 тыс. учеников [2, с. 128]. Благодаря более высокому качеству обучения, сохранившемуся с советских времён, в данных школах сложилась парадоксальная ситуация, когда от половины до 4/5 контингента учащихся являются представителями коренных национальностей [2, с. 129].

Лидером по русскоязычному обучению среди стран Центральной Азии и в целом по СНГ остаётся Казахстан, где в 2014/2015 учебном году получали образование на русском языке 805 тыс. человек, а число педагогов-русистов составляет 18 990 чел. (в том числе в школах – 15 тыс. чел.) [2, с. 129, 184].

Возрастает интерес к изучению русского языка как специальности в российских вузах, где лидерами по численности своих очно обучающихся граждан были в 2015/2016 учебном году: Таджикистан – 199, Узбекистан – 153, Казахстан – 144, Туркменистан – 140, Кыргызстан – 130 [2, с. 233]. Как мы видим, количество выпускаемых высококвалифицированных специалистов-русистов невелико. Кроме того, существует вероятность их трудоустройства

на территории РФ, а не на родине, что снижает перспективы количественного и качественного роста русскоязычного образования в указанных странах.

Национальные ассоциации русистов в последние годы отмечают следующие негативные тенденции в сфере русскоязычного обучения: падение престижа специальности русиста (Казахстан), отсутствие квалифицированных кадров среди молодёжи (Кыргызстан), низкое качество подготовки педагогов и, соответственно, выпускников школ (Таджикистан), переход на латиницу и неблагоприятную языковую политику (Узбекистан) [2, с. 199–200].

Опрос молодёжи из 19 стран мира, проведённый в 2014 г., показал, что большинство опрошенных считают, что знание русского языка не даёт видимых или больших преимуществ в дальнейшем продвижении. В настоящее время он проигрывает в конкуренции с английским языком [9, с. 113–114]. Ситуация усугубляется тем, что постепенный переход на латиницу осуществляется в Узбекистане и планируется в Казахстане. Латиница оказывается более привлекательной, поскольку ею пользуются влиятельные геополитические конкуренты России в Центральной Азии – США, страны Европы, Турция и Китай (алфавит «пиньинь»). В частности, в Казахстане принята «Дорожная карта развития трёхязычного образования на 2015–2020 гг.», предусматривающая использование казахского, русского и английского языков. Происходит усиление позиций китайского языка в связи со сменой поколений и уходом из активной политики людей, воспитанных на советской культурной традиции.

Значительную роль в распространении влияния русского языка и культуры призвано сыграть Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, созданное в сентябре 2008 года (Россотрудничество). Данным государственным органом осуществляется комплекс мероприятий, включающий обучение русскому языку на базе своих представительств и их обеспечение учебной литературой. На курсах русского языка в трёх представительствах Россотрудничества в странах Центральной Азии обучалось в 2013–2015 гг. более тысячи человек ежегодно, в основном в Узбекистане и Таджикистане, где русский язык не имеет официального статуса (Таблица 3).

Таблица 3 – Численность иностранных граждан, обучавшихся на курсах русского языка при Российских центрах науки и культуры в представительствах Россотрудничества в 2013–2015 гг. (чел.) [13, с. 393].

Страна (город)	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Кыргызстан (г. Бишкек)	19	23	21
Таджикистан (г. Душанбе)	195	163	364
Узбекистан (г. Ташкент)	861	809	695

В то же время, объёмы поставки Россотрудничеством учебников и литературы по русскому языку, литературе и культуре России в страны Центральной Азии представляются весьма незначительными и не соответствующими реаль-

ной потребности. В 2016 г. было получено: Кыргызстаном – 3598, Казахстаном – 1795, Таджикистаном – 1496, Узбекистаном – 456, Туркменистаном – 340 экземпляров литературы [2, с. 246].

Таким образом, в странах Центральной Азии сохраняются возможности для использования Россией лингвистического фактора «мягкой силы», однако их влияние имеет свои пределы. Как представляется, российской политике в данной сфере не хватает системности и чёткого осознания первоочередных целей и задач. Недостаточно используется потенциал вузов и сузов, по существу, «кузницы» пророссийски настроенных кадров для будущей местной элиты.

Во внешней политике РФ в данном регионе превалирует ориентация на «быстрые результаты», а не на долгосрочные перспективы, в связи с чем приоритет остаётся за СМИ, а не за русскоязычным высшим образованием [3, с. 51].

Для усиления привлекательности и влияния России в странах Центральной Азии использование и распространение русского языка необходимо сочетать с мероприятиями по формированию общественного мнения, с укреплением взаимоотношений с властью и бизнесом, религиозными и общественными организациями.

Фактором укрепления позиций русского языка остаётся Интернет как эффективный инструмент коммуникации для бывших соотечественников. Попытки всячески ограничить общение в киберпространстве, на наш взгляд, приведут к сужению использования русского языка как универсального средства взаимоотношений на территории бывшего СССР, а также с русскоязычными диаспорами в других странах мира. Хотя именно диаспоры являются опорой для использования русского языка в качестве «мягкой силы».

1. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. Вып. 7 (июль 2016 г.). – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 13 с.

2. Арефьев А.Л. Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире. Научное издание / Под ред. академика Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 2017. – 320 с.

3. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47–55.

4. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.

5. Медведева Т.А. Значение языкового фактора в современном мире // Латинская Америка. 2014. № 8. С. 97–107.

6. Молодов О.Б. Интеграция России и государств Центральной Азии: лингвистический аспект // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 139–143.

7. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102.

8. Молодов О.Б. Трансформация этноконфессионального портрета Республики Казахстан // Үлкен Алтай элемі – Мир Большого Алтая. 2015. Т. 1. № 4. С. 356–364.

9. Носова Т.Н. Softpower России в зеркале социологического опроса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (11). С. 113–116.

10. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях РФ: статистический сборник. Вып. 12 / Министерство образования и науки РФ. – М.: Центр социологических исследований, 2015. – 196 с.

11. Русакова О.Ф., Носова Т.Н. Российская стратегическая модель Softpower // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (12). С. 148–152.

12. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82.

13. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Вып. 6 / Министерство образования и науки РФ. – М.: Социоцентр, 2016. – 408 с.

References

1. Akademicheskaya mobil'nost' inostrannyx studentov v Rossii // Fakty obrazovaniya. Vyp. 7 (iyul' 2016 g.). – М.: NIU VShE', 2016. – 13 s.

2. Arefev A.L. Sovremennoe sostoyanie i tendencii rasprostraneniya russkogo yazyka v mire. Nauchnoe izdanie / Pod red. akademika G.V. Osipova. – М.: ISPI RAN, 2017. – 320 s.

3. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ix dejstviya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 47–55.

4. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podxody // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. № 3 (54). S. 212–223.

5. Medvedeva T.A. Znachenie yazykovogo faktora v sovremennom mire // Latinskaya Amerika. 2014. № 8. S. 97–107.

6. Molodov O.B. Integraciya Rossii i gosudarstv Central'noj Azii: lingvisticheskij aspekt // Dnevnik AShPI. 2015. № 31. S. 139–143.

7. Molodov O.B. Problemy identifikacii naseleniya Kazaxstana i Kyrgyzstana // Socium i vlast'. 2014. № 6 (50). S. 95–102.

8. Molodov O.B. Transformaciya e'tnokonfessional'nogo portreta Respubliki Kazaxstan // Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaya. 2015. T. 1. № 4. S. 356–364.

9. Nosova T.N. Softpower Rossii v zerkale sociologicheskogo oprosa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (11). S. 113–116.

10. Obuchenie inostrannyx grazhdan v vysshix uchebnyx zavedeniyax RF: statisticheskij sbornik. Vyp. 12 / Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF. – М.: Centr sociologicheskix issledovanij, 2015. – 196 s.

11. Rusakova O.F., Nosova T.N. Rossijskaya strategicheskaya model' Softpower // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (12). S. 148–152.

12. Filimonov G. Yu. Aktual'nye voprosy formirovaniya rossijskogo potenciala «myagkoj sily» // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2012. № 1. S. 67–82.

13. E'ksport rossijskix obrazovatel'nyx uslug: statisticheskij sbornik. Vyp. 6 / Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF. – М.: Sociocentr, 2016. – 408 s.

UDC 327.5

RUSSIAN LANGUAGE AS THE INSTRUMENT OF "SOFT POWER" IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Molodov Oleg Borisovich,

Vologda branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Candidate of Historical Sciences,
Vologda, Russia,
E-mail: o_young8172@mail.ru

Annotation

The article discusses the possibility of using the Russian language as the factor of "soft power" in Central Asia. Despite the change in the ethnic composition of the population of Central Asia, the Russian language has retained a high potential of expanding the political influence of Russia in the region. This article was prepared on the basis of statistical information and previously conducted studies on this issue.

Key concepts:

foreign policy, "soft power", Russian language, Russia, Central Asia.

УДК 327

РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСТАНА

Жакьянова Айгерим Мухамедрахимовна,

Казахский Университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана,
докторант по специальности «Международные отношения»,
Алматы, Казахстан,
E-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Аннотация

В данной статье автор выделяет основные ресурсы «мягкой силы» Казахстана, которая является важным политическим инструментом в современной мировой политике. Анализ и оценка преимуществ и недостатков проводимой Казахстаном политики «мягкой силы», а также корректировка на ее основе своих внешнеполитических ориентиров и приоритетов есть требование времени. Это особенно важно для Казахстана, который, является ведущей страной в Центрально-азиатском регионе.

Ключевые понятия:

мягкая сила, ресурс, Казахстан, Восток и Запад, внешняя политика.

Современный мир необычайно сложен и противоречив. Сложен в том плане, что он чуть ли не ежедневно претерпевает множество изменений и трансформаций, которые нередко приводят этот мир к незапланированным последствиям и непредсказуемым результатам. Особенно эти трансформации коснулись системы международных отношений. Здесь нами имеется в виду то, что сегодня уже на мировой арене действуют новые акторы, новые игроки, типа глобальных ТНК, мегаполисов, общественных и культурных движений (всевозможных форм, оттенков и направлений), неправительственных организаций, религиозно-фундаменталистских течений, международных криминальных сетей, экстремистских подпольных организаций и структур, которые, как показывает реальность, действуют на ином поле мировых отношений, чем в поле государственных (национальных) интересов и обяза-

тельств, гражданского согласия и выстроенных в определенной логике межгосударственных отношений. Сегодня общепризнанно, что эти новые игроки оказывают серьезное влияние на изменение событий мирового масштаба, хотя некоторые из них, как показывает реальность, действуют не в рамках международных норм и правил. Также очевидным фактом является то, что в современной мировой политике в результате этих процессов меняются инструменты и источники власти, смещаются приоритеты влияния с традиционных моделей на новые. Так, если под традиционными инструментами влияния и воздействия в мировой политике понимались военная мощь, сила, ядерное оружие, экономическое давление, которые в современных международных отношениях обозначаются как жесткая сила, то сегодня все больше и больше используется экономический успех, идеологическая пропаганда и культурная привлекательность государства, которые являются инструментами «мягкой силы» – нового тренда в системе международных отношений. Автором данной концепции является гарвардский ученый Джозеф Най. Этот ученый, проработав в правительстве США значительное время, был свидетелем многих сложных процессов и изменений во внешнеполитических отношениях между государствами на рубеже XX–XXI вв. Эти материалы дали ученому возможность и основу для нового видения и объяснения сдвигам в мировой политике, суть которого можно свести к тому, что в мировой политике сегодня «мягкая сила» стала выступать объективным и легитимным инструментом, который содействует в реализации общей внешней политики государства.

Отметим, что на современном этапе многие государства признают необходимость обновления внешнеполитического инструментария. Политики и политологи на самом высоком политическом уровне ведут работу по концептуализации модели «мягкой силы» своей страны, реализация которой выражается в практических шагах. О. Леонова отражает данную мысль в следующей формуле: «любая страна обладает «мягкой силой», которая является суммой двух понятий: ОБРАЗ (имидж) плюс ДЕЙСТВИЯ (использование инструментов «мягкой силы»)» [5, с. 18]. В этом плане ярким примером использования этой политики может служить Китай, как одна из успешно развивающихся стран восточноазиатского региона. Уже в 2007 году Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК было заявлено, что партия должна «повысить культуру как часть «мягкой силы» Китая с целью сохранения основной культуры китайского народа, его прав и интересов» [14]. Тем самым Китай поставил целью развивать свою культуру и язык, который отличается самобытностью и неповторимостью, чтобы удерживать лидирующие позиции в современном мире. Для реализации данной цели начали открывать Институты Конфуция во многих государствах мира. В настоящее время в ряде стран китайский изучают почти наравне с английским. Одна из основных причин успешного продвижения Института Конфуция состояла в том, что интерес к Китаю, его истории, культуре и языку значительно возрос во всем мире. Это обусловлено тем, что Китай в результате своей мудрой политики за последние несколько десятилетий достиг внушительных, в первую очередь экономических, успехов, что выдвинуло эту страну в число наиболее развитых, влиятельных и судьбоносных государств мира. Помимо этого, исследователями Китая

выделяются и другие ключевые направления деятельности китайского правительства в области наращивания «мягкой силы» – организация и широкое участие в крупных международных мероприятиях, осуществление системного взаимодействия с учеными и прессой, культурные обмены, инновационные и другие [15, р. 27].

Так, Б. Брук, эксперт ИСР, определяя важное место в применении мягкой силы государствами, отмечает, что «в авангарде оказываются государства, имеющие более привлекательные для окружающего мира внешнюю политику, модели социально-экономического развития, культуру, политическую систему и ценностные ориентиры» [2]. Автор делает акцент на позитивную и созидательную деятельность, выходящую за пределы одного государства и содействующую в разрешении конфликтов.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в современных условиях «управлять» имиджем государства, пытаться сделать его более привлекательным в глазах окружающего мира, становится достаточно проблематичным. Это бывает связано с тем, что часто предлагаемый образ государства, выставляющийся на всеобщее обозрение, по некоторым параметрам противоречит реальности или не соответствует общему контексту.

В этом плане Казахстан, как динамично развивающееся государство центрально-азиатского региона, также развивает свою активную внешнеполитическую деятельность.

Формирование позитивного имиджа Казахстана в условиях международной трансформации глобального миропорядка – одна из базовых задач внешней политики РК. В нашей стране за 25 лет независимости накоплен большой уникальный опыт и выработаны механизмы, которые требуют глубокого осмысления и построения дальнейшей успешной работы в целях упрочения места на мировой арене. Президент РК Н. Назарбаев на встрече с представителями дипмиссии в Акорде отметил, что Центральная Азия переживает новый этап своего развития. Отсюда, согласно Президенту, чрезвычайно важным является постоянное укрепление и развитие многостороннего и взаимовыгодного мирного сотрудничества, а также налаживание сотрудничества со странами и организациями, работа с которыми характеризуется Н. А. Назарбаевым как слабая на сегодняшний день. «Наша политика, как и прежде, направлена на равноправное партнерство, объединение усилий наших стран для повышения роли региона в международных делах и обеспечение процветания в странах пятерки... Мы продолжим сотрудничество с глобальными и региональными международными организациями, в которых Казахстан участвует» [6].

Какими же ресурсами обладает Казахстан для успешного позиционирования на мировой арене? Итак, мы в данной работе попытаемся выявить ресурсы и возможности «мягкой силы» Казахстана.

1. Основополагающим ресурсом «мягкой силы» Казахстана является его культурно-историческое наследие. Уникальный сплав культур, традиций и обычаев степной цивилизации, искусство, наука, достижения и опыт в построении мирного межконфессионального диалога, огромные просторы земли, богатые полезными ископаемыми, само местоположение, являющееся связующим мостом между двумя великими культурами – Востоком

и Западом, – все это отличает Казахстан. По мнению ученых, история Казахстана напрямую связана с великой тюркской историей. К примеру, профессор С.Б. Булекбаев отмечает, что «казахи, как народ, исторически проживающий в Великой Степи, в центре Евразии, где в основном начинались и вершились важнейшие исторические события, часто менявшие ход мировой истории, являются одним из основных субъектов великой тюркской истории». Отсюда история казахов неотделима от тюркской истории.

В ходе своего исследования автор приходит к 2-м выводам: первый, говорит о том, что тюркская цивилизация – это великая, вполне самобытная и самодостаточная цивилизация, которая недооценивалась в силу ряда идеологических причин, а второй – это то, что большинство исторических материалов по тюркской истории, культуре и цивилизации до сих пор не изучено в полной мере [3].

Особенность тюркской культуры, к которой относится и казахская, состоит в том, что мировоззрение тюрков было ориентировано на то, чтобы вбирать в себя все лучшее, что имелось у других народов. На основании такого подхода, точнее своей толерантности, тюрки сумели вобрать для себя много полезного из других культур и цивилизаций, и в тоже время создать свою, обладающую признаками уникальности, самобытности и самодостаточности. Это, на наш взгляд, является одним из главных принципов концепции «Мягкой силы».

2. Следующий ресурс – это географическое местоположение Казахстана. «Мягкая сила» Казахстана заключена в его трансконтинентальном положении. Казахстан – это место, где сошлись Восток и Запад, где расположена большая часть Великого Шелкового пути, который является своеобразным символом соединения этих великих культур. В этом плане проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) является одним из величайших проектов XXI века. По своей масштабной значимости для человечества он не имеет равных себе по целому ряду причин: связывает транспортными и другими связями 42 государства мира; трансформирует в определенной мере архитектуру мировой экономики и мировой политики; меняет мировоззрение и философию международных отношений (переход своего рода от концепции «Большой игры» к философии «Большой выгоды»); открывает новые возможности и перспективы развития экономики и других сфер общества для многих стран мира, расположенных на Великом Шелковом Пути. Мы обозначили основные перспективы и ожидания, которые начали реализовывать и вне всякого сомнения изменят многие представления мировой экономики и политики, наполняя их новым содержанием.

Помимо этого природа Казахстана богата уникальными местами для привлечения как туристов, так и исследователей. Не случайно, что такое популярное американское издание, как The Huffington Post рекомендует путешественникам посетить Казахстан. Данный рейтинг включал 17 мест для «эпичного» путешествия в 2017 году, где Казахстан занимает третью позицию, а также советует не быть просто туристом, а быть исследователем [13].

3. Достижения социально-экономического развития Республики Казахстан за годы независимости получили широкое признание как уникальная модель ускоренного становления самостоятельного государства. Эти

достижения напрямую связаны с личностью Президента РК – Нурсултаном Назарбаевым. Феномен Н. А. Назарбаева также является ресурсом «мягкой силы» Казахстана, что связано с его заслугами в осуществлении коренных реформ, особенностями политической ситуации в республике, ментальными и психологическими особенностями населения и продвижении национального бренда «Казахстан» [1].

«В Казахстане сложилась уникальная ситуация: жесткая вертикаль власти, но при этом страна открыта и сумела привлечь инвестиции из самых разных мест – из России, из Европы и США, из Китая. В остальных странах Средней Азии положение хуже...», – приводит издание мнение эксперта в материале «Кому без СССР жить хорошо: итоги развития бывших союзных республик за 25 лет» [11]. Республика Казахстан, пережив глубокий кризис в период обретения независимости, начиная с 2000 года, смогла улучшить рост экономики и благосостояние граждан. Если в 1998 году Фонд «Наследие» (The Heritage Foundation) поставил Казахстан на 136-ое место в мире по экономической свободе, то в настоящий момент наша страна занимает 68-ое место, обогнав такие западные страны, как Франция и Италия. Зарубежные эксперты называют экономический рост «чудом»; ОЭСР охарактеризовала это как «впечатляющий успех» и это не предел, к которому ведет Казахстан Н. Назарбаев. Им была поставлена стратегическая цель – войти в 30-ку наиболее развитых стран мира до 2050 года [12].

В этих сложнейших условиях все бремя ответственности за международную политику независимого Казахстана взял на себя первый президент молодой республики Нурсултан Назарбаев. По признанию многих зарубежных и отечественных экспертов, именно это обстоятельство позволило избежать многих издержек в процессе утверждения Казахстана в мировом политическом пространстве. Личные контакты, установленные главой государства на самом высоком уровне, помогли решить важнейшие задачи становления казахстанской внешней политики.

В своей работе «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» еще в 1992 году Назарбаев Н. пишет следующее: «Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узко региональных проблемах. Это было бы непонятно не только нашему многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана – и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана».

Н. Онжанов, помощник Президента, и Е. Карин, председатель Казахстанского Совета по международным отношениям, отмечают, что за 25 лет руководства Казахстаном достигнуто немало побед: председательство в ОБСЕ, СВМДА, ОИС, добровольный отказ от ядерного оружия, закрытие ядерного полигона, активное участие в поиске механизмов урегулирования украинского кризиса, участие в «минском» переговорах процессе и последние достижения – избрание Казахстана на пост непостоянного члена Совета Безопасности ООН, организация и проведение «Астанинского процесса», проведение имиджевых мероприятий Универсиады-2017, а также выставки «ЭКСПО-2017» [4, с. 3].

4. Многонациональность и религиозная политика – следующие стратегические ресурсы и преимущества Казахстана. Если привести цифры, озвученные на Республиканском форуме Ассамблеи Народов Казахстана (АНК), то они говорят о многом, а именно – в Казахстане созданы комфортные условия для жизни представителей более чем 100 этносов и 17 конфессий, в стране действуют 962 этнокультурных объединения, газеты и журналы издаются на 15 языках, а театральные постановки можно увидеть на 7 языках. В каждой области Казахстана работают малые Ассамблеи. АНК является уникальным институтом, деятельность которого направлена на обеспечение толерантности, межконфессионального и межкультурного согласия. За годы независимости идея о создании этого института и последующее развитие страны опровергли постулат о том, что многонациональность является слабым звеном в строительстве государства. За эти годы казахстанская модель полиэтнического, многонационального государства под руководством Нурсултана Назарбаева превращена в преимущество нашей страны.

Здесь также необходимо отметить и политику репатриации казахов, которая объявлена как одна из приоритетных задач миграционной политики РК. С момента обретения независимости создаются специальные программы, квоты и условия по изучению казахского языка, быта и традиций. Все это, безусловно, есть влиятельные факторы международных процессов. При этом важно создавать информационно-коммуникативное пространство для беспрепятственного взаимодействия и продвижения казахской культуры и языка.

Выше были обозначены сильные стороны «Мягкой силы» Казахстана. Конечно, здесь необходимо остановиться и на анализе проблем в реализации данного вида внешней политики. В первую очередь для казахстанской науки характерно лишь точечное исследование концепции «мягкой силы», т. е. пока нет комплексных исследований и, соответственно, нет комплексной стратегии по наращиванию «мягкой силы» как на региональном уровне, так и на мировом. И, как следствие, можно сделать вывод об отсутствии институтов и элементов «мягкой силы», которые бы усиливали привлекательность Казахстана в мире. Информационно-коммуникативная составляющая или новая публичная дипломатия (публичная дипломатия Web 2.0) во внешней политике не развита на должном уровне, чтобы регулярно поддерживать связь с целевой зарубежной аудиторией в сети на их родном языке на известных он-лайн площадках; финансовые расходы на продвижение национального бренда «Казахстан» превышают прибыль.

Однако, несмотря на все эти проблемы, можно сказать, что лед тронулся, и интересы Казахстана на сегодняшний день сфокусированы на решении поставленной стратегической задачи – вывести Казахстан в 30-ку развитых стран. Тем более, что вложения в «мягкую силу» приносят не сиюминутный результат, а имеют эффект с отсрочкой. В контексте этой новой реальности, которая складывается в ходе реализации концепции «мягкой силы», вполне закономерно возникает огромное количество теоретических и практических вопросов, которые необходимо решать в первую очередь. Основным приоритетом и механизмом здесь, по нашему мнению, является программа модернизации Казахстана, которая была провозглашена в этом году в Послании Президента [8].

Сегодня концепция «Мягкой силы» и весь спектр ее возможностей имеет важное значение в решении сложных проблем в урегулировании конфликтов. Казахстан, находясь в Центре Евразии, взял на себя роль уникальной диалоговой площадки. Ярким и показательным примером являются события, связанные с Сирией, где наглядно был продемонстрирован временный успех «жесткой силы». Более того, лишний раз это дало понять мировому сообществу, что это порождает еще большее применение военной силы. Здесь важно правильно реагировать и применять инструменты «умной силы», комбинации «мягкой» и «жесткой» силы. Таковым инструментом можно считать Астанинский процесс и роль Президента Казахстана Н. А. Назарбаева в урегулировании Сирийской проблемы, которая носит общемировой характер. «Астанинский процесс» окончательно закрепил за Астаной роль «Евразийской Женевы», так охарактеризовывает данное явление известный политолог Е. Карин. Этот процесс, по мнению ученых, если даже и не решит данную проблему полностью, то все же задаст новый тон и способствует выработке мирных новых путей для решения конфликта. Это наглядный эффект «умной силы», который предлагал Ю. Хабермас, – коммуникативное действие властных ресурсов, следующую трактовку которого предлагает О.Ф. Русакова: «Коммуникативное же действие предполагает такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий в целях достижения согласия и признания значимости позиций обеих сторон» [9, с. 178]. Адекватно следовать мировым тенденциям мировой политики – это конечно же залог устойчивого и эффективного развития.

Казахстан как современное государство движется в общем русле развития мировых тенденций в области международных отношений, тем самым необходимо вынужден развивать и усовершенствовать накопленный опыт, который признается мировым сообществом как уникальный. За все годы государственной независимости Казахстан заявил о себе как полноценное государство. Для дальнейшего полноценного развития государственно-национального суверенитета необходимо знать общие закономерности этого процесса, быть на уровне последних достижений социологической и политической наук и, прежде всего, знать современные теории и практику международных отношений. В анализе и презентации этих проблем, на наш взгляд, состоит первостепенная задача казахстанских ученых, занимающихся интердисциплинарными исследованиями в этой области.

И в заключении хотелось бы передать идею казахстанского философа Б. Нуржанова о том, что еще в 30-х годах XX в. начался процесс эстетизации политики, и современная политика перестала базироваться на Рацио или разуме. На вопрос, почему так происходит, он отвечает просто «эстетика, миф – это сфера чувственности и это ближе человеку, чем сухие факты» [7]. Он говорит об эстетике, но если обобщить и назвать это культурой, это не будет грубой ошибкой. И теперь культура или эстетика решает политические проблемы и выстраивает политические стратегии [10]. Что наглядно демонстрирует концепция «мягкой силы», предложенная Дж. Наем в ответ на современные вызовы и угрозы в мировой политике.

1. Аскеева Г.Б., Бекеева Л.К. Нурсултан Назарбаев – прагматичный ли-

- дер XXI века. 11 Января 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1316> (дата обращения: 05.07.2017).
2. Брук Б. Привлекай и властвуй? Уроки «мягкой силы» от стран БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://cpanel.imrussia.org/ru/politics/439>.
 3. Булекбаев С.Б. Тюркский вклад в мировую культуру и цивилизацию. – Алматы, 2016. – 318 с.
 4. Карин Е. Доктрина мира Нурсултана Назарбаева // Казахстанская правда от 4 июля 2017 года.
 5. Леонова О. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. 2014. № 3 (301). С. 18–28.
 6. Назарбаев Н. Сегодня Центральная Азия переживает новый этап своего развития. Казахстан, Политика. 3 июля 2017 г., 13:56. [Электронный ресурс]. URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/segodnya_tsentralnaya_aziya_perezhivaet_novii_etap_svoego_razvitiya_nazarbaev (дата обращения: 05.07.2017).
 7. Нуржанов Бекет. Бекет Нуржанов в Интеллектуальном клубе Ауэзхана Кодара 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6J-geC9VqVw> (дата обращения: 21.04. 2017).
 8. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 31 января 2017 года «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvaryaya-2017-g.
 9. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.
 10. Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. – 2011. № 2. С. 141–156.
 11. Эксперт ИМЭМО РАН назвал уникальным развитие Казахстана за годы независимости [Электронный ресурс]. URL: http://lenta.inform.kz/ru/ekspert-imemo-ran-nazval-unikal-nym-razvitiie-kazahstana-za-gody-nezavisimosti_a2983118 (дата обращения: 08.07.2017).
 12. Coffey L. Trump’s Welcome Interest in Kazakhstan, and Why It Matters. [Электронный ресурс]. URL: <http://dailysignal.com/2016/12/12/trumps-welcome-interest-in-kazakhstan-and-why-it-matters/> (дата обращения: 15.05.2017).
 13. Full text of Hu Jintao’s report at 17th Party Congress // Xinhua. 24.10.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/90001/90776/90785/6290120.html> (дата обращения: 11.06.2017).
 14. The Huffington Post включило Казахстан в топ-17 мест для путешествий [Электронный ресурс]. URL: http://www.inform.kz/ru/the-huffington-post-vklyuchilo-kazahstan-v-top-17-mest-dlya-puteshestviy_a3006663 (дата обращения: 07.07.2017).
 15. Zaharna R.S., Hubbert J., Hartig F. Confucius Institutes and The Globalization of China’s Soft Power // September 2014. Figueroa Press Los Angeles. p. 27.

References

1. Askeeva G.B., Bekeeva L.K. Nursultan Nazarbaev – pragmaticznyj lider XXI veka. 11 Yanvarya 2017 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1316> (data obrashheniya: 05.07.2017).
2. Bruk B. Privlekaj i vlastvuj? Uroki «myagkoj sily» ot stran BRIKS [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://cpanel.imrussia.org/ru/politics/439>.
3. Bulekbaev S.B. Tyurkskij vklad v mirovuyu kul'turu i civilizaciju. – Almaty, 2016. – 318 s.
4. Karin E. Doktrina mira Nursultana Nazarbaeva // Kazaxstanskaya pravda ot 4 iyulya 2017 goda.
5. Leonova O. «Myagkaya sila»: instrumenty i koefficienty vliyaniya // Obozrevatel' – Observer. 2014. № 3 (301). S. 18–28.
6. Nazarbaev N. Segodnya Central'naya Aziya perezhivaet novyj e'tap svoego razvitiya. Kazaxstan, Politika. 3 iyulya 2017 g., 13:56. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/segodnya_tsentralnaya_aziya_perezhivaet_novii_etap_svoego_razvitiya_nazarbaev (data obrashheniya: 05.07.2017).
7. Nurzhanov Beket. Beket Nurzhanov v Intel'ktual'nom klube Aue'zxana Kodara 3 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6J-geC9BqVw> (data obrashheniya: 21.04. 2017).
8. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazaxstan N. Nazarbaeva narodu Kazaxstana ot 31 yanvarya 2017 goda «Tret'ya modernizaciya Kazaxstana: global'naya konkur entosposobnost'» [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g.
9. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173–192.
10. Sledzevskij I.V. Dialog civilizacij kak smyslovoe pole mirovoj politiki // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2011. № 2. C. 141–156.
11. E'kspert IME'MO RAN nazval unikal'nym razvitie Kazaxstana za gody nezavisimosti [E'lektronnyj resurs]. URL: http://lenta.inform.kz/ru/ekspert-imemor-an-nazval-unikal-nym-razvitie-kazahstana-za-gody_nezavisimosti_a2983118 (data obrashheniya: 08.07.2017).
12. Coffey L. Trump's Welcome Interest in Kazakhstan, and Why It Matters. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://dailysignal.com/2016/12/12/trumps-welcome-interest-in-kazakhstan-and-why-it-matters/> (data obrashheniya: 15.05.2017).
13. Full text of Hu Jintao's report at 17th Party Congress // Xinhua. 24.10.2007 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://en.people.cn/90001/90776/90785/6290120.html> (data obrashheniya: 11.06.2017).
14. The Huffington Post vključilo Kazaxstan v top-17 mest dlya puteshestvij [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.inform.kz/ru/the-huffington-post-vključilo-kazahstan-v-top-17-mest-dlya-puteshestvij_a3006663 (data obrashheniya: 07.07.2017).
15. Zaharna R. S., Hubbert J., Hartig F. Confucius Institutes and The Globalization of China's Soft Power // September 2014. Figueroa Press Los Angeles. p. 27.

UDC 327

RESOURCES OF SOFT POWER IN THE FOREIGN POLICY OF KAZAKHSTAN

Zhakyanova Aigerim Mukhamedrakhimovna,

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and Foreign Languages,
PhD student,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Annotation

The author singles out the main resources of the Soft Power of Kazakhstan in this article and point that is an important political tool in modern world politics. It is a time-consuming task to analyze and evaluate the advantages and disadvantages of the soft power policy pursued by Kazakhstan. This is especially important for Kazakhstan, which is the leading country in the Central Asian region.

Key concepts:

soft power, resource, Kazakhstan, East and West, foreign policy.

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МЯГКОЙ СИЛЫ

Батурин Владимир Степанович

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
профессор кафедры философии и теории культуры,
доктор философских наук, профессор
E-mail: baturin_vs@mail.ru

Аннотация

Сфера образования сегодня превратилась в своеобразный социальный полигон, где во всем многообразии проявляется столкновение различных векторов взаимовлияния мягкой силы. Как отмечается, результативность разнонаправленности ее проявления в отдельных случаях даже вообще может идти вразрез с общей тенденцией структурных и ценностных трансформаций, осуществляемых на постсоветском пространстве в сфере образования.

Ключевые понятия:

мягкая сила (soft power), ценности образования, вузовское образование, частный вуз, частное образование, «дипломоцентризм», «студентоцентризм», квазидиплом.

Сегодня перспектива развития молодых постсоветских государств во многом зависит от тех практических шагов, которые реально демонстрировали бы их переход на правила и нормы жизни, по которым существует весь современный цивилизованный мир. Но это сопряжено с необходимостью осуществления ими коренных качественных изменений практически во всех сферах их жизни. Раньше изменения подобного рода, даже на территории отдельно взятой страны, как правило, происходили под давлением жесткой силы (hard power). И они являлись следствием разгула насилия, массовых народных волнений, кровопролития, развязыванием войн или осуществления революций. Сегодня же им на смену приходят совсем иные технологии социальной самоорганизации общества.

Наглядным подтверждением тому может служить как сам распад системы социализма, так и последовавшие за этим на его территории радикальные социальные преобразования. Замыслы против Советского Союза, с целью его уничтожения, что преследовались при развязывании второй мировой войны, стали осуществляться совсем по другим сценариям. В их основе доминирующим стало проявление влияния совсем иной – «мягкой силы» (soft power). Однако, это влияние и по своим масштабам, и по результативности в ряде случаев оказывается сродни проявлению жесткой силы. И это несмотря на то, что «термин soft power может быть расшифрован как сила (мощь, власть, энергия), обладающая свойствами, присущими некоей «мягкой» материи» [6, с. 174].

Своеобразие характеристик данной «мягкой» материи, тем не менее, вполне однозначно и довольно жестко предопределило собой четкие рамки и этапы дальнейшей структурной трансформации социальных процессов на территории всего постсоветского пространства.

Естественно, что на этом фоне вопросы актуальности и значимости трансформации непосредственно такой сферы, как образование были отодвинуты как бы на второй план. А если что-то и делалось в этом направлении, то оно осуществлялось зачастую вопреки как декларируемому, так и логике должного развития самой данной сферы.

Наглядным подтверждением тому может служить, к примеру, перепрофилирование постсоветского вузовского образования из системы «подготовки кадров» в сферу по оказанию образовательных услуг. Причиной тому, как известно, послужило Генеральное соглашение между странами-членами ВТО (Всемирной Торговой Организации) по торговле услугами – (ГАТС), согласно которому сфера образования предстала в нем в качестве одного из его секторов [3]. В этой связи, именно стремление постсоветских государств оказаться среди членов ВТО и предопределило собой весь тот калейдоскоп дальнейших структурных и ценностных изменений, который и стал осуществляться ими в данной сфере.

В литературе пока еще нет устоявшегося представления о сущности понятия «образовательная услуга». Как правило, оно включает в себя ее возможности в «удовлетворении разнообразных образовательных потребностей», возникающих в обществе в целях «повышения стоимости рабочей силы» в лице потребителя этих услуг, с целью улучшения «конкурентоспособности» последних на рынке труда и т. д. [5].

Сам факт превращения постсоветскими государствами своих систем образования в один из секторов сферы услуг явился своеобразной точкой бифуркации, предопределивший собой их переход в состояние постоянной «хронической» неустойчивости, неопределенности и нестабильности. Наглядным примером чего может служить судьба их вузовских систем, которые стали испытывать на себе всю мощь многовекторного и разнонаправленного «мягкого» влияния со стороны ряда вполне определенных факторов.

Здесь следует особо отметить, что приоритет в выборе ими вузовской системы для осуществления радикальных преобразований в данной сфере был отнюдь не случайным. Ведь именно она оказалась тем системообразующим звеном, качественная перестройка которого автоматически предопределила

собой все многообразие изменений, последовавших за этим как в до-, так и послевузовском образовании.

Прежде всего, ее изменения предопределили собой закат безраздельного господства государства в сфере образования. Вследствие чего именно в сфере высшего образования этих государств, «как грибы после дождя», стали появляться частные вузы. Процессуально это стало сродни открытию различного рода частных фирм, предприятий, ТОО и т. д. При этом открываемые вузы, как правило, претендовали на названия не ниже, чем университет или академия. И, что характерно, под «мягким» влиянием лицензионной формы открытия частных вузов данный же способ стал обязательным для получения разрешения на оказание образовательных услуги и для вузов государственных.

В итоге, это привело к тому, что, к примеру, на сегодня в Казахстане «Высшую школу представляют 125 вузов (2013–2014 учебный год – 132 единиц, 2014–2015 учебный год – 127 единиц), из них 9 национальных, 31 государственный, 13 негражданских, 1 автономная организация образования, 1 международный, 16 акционированных, 54 частных» [1].

Подобная же картина, в различных вариациях, наблюдается и в других постсоветских государствах. Так, «В 1980–90-х годах в России система высшего образования – это около 500 вузов. <...> По данным Минобрнауки к началу 2014 года в России насчитывалось 593 государственных и 486 негосударственных высших учебных заведений с 1376 и 682 филиалами, соответственно» [4].

В этом плане и в Киргизии за годы независимости количество высших учебных заведений заметно выросло – от 12 в 1991 году до 53 в 2014–15 году. В их число входят 34 государственных и 16 частных учреждений [8, с. 112].

Здесь следует отметить, что при переводе высшего образования в разряд сферы услуг практически на всем постсоветском пространстве неожиданно дал о себе знать мощнейший вектор «мягкого» влияния, который по достоинству так еще и не оценен.

Дело в том, что весь калейдоскоп структурных нововведений в высшей школе, привычно определяемый по указанию сверху, основной массой населения бывших союзных республик по-прежнему воспринимался с ориентацией на все те же ценности, которые были характерны для старой, советской вузовской системы. Ведь раньше диплом для его обладателя, как правило, являлся надежным гарантом дальнейших значительных позитивных изменений в его личной судьбе. А для некоторых он представлял собой едва ли не единственную возможность по-настоящему «выбиться в люди».

И молодые государства, похоже, оказались просто неготовыми к противостоянию, натиску и мощности влияния этих прежних представлений о подобной значимости вузовского диплома. Что породило собой даже своеобразный бум в виде «дипломоцентризма». Причиной которому стала нацеленность основной массы выпускников средней школы на поступление только в вуз.

Признание, к примеру, в Казахстане результатов единого национального тестирования (аналога ЕГЭ в России, или общереспубликанского тестирования в Кыргызстане и т. п.) в качестве пропуска выпускников для дальнейшего обучения именно в вузе, автоматически перепрофилировало ценностные ориентиры

системы среднего образования на ярко выраженный «студентоцентризм». Погоня в процессе тестирования за количеством набранных баллов превратилась в своего рода самоцель, потеснив собой значимость подлинных знаний, получаемых в процессе обучения в средней школе.

Одновременно все это значительно подорвало престижность получения выпускниками средних учебных заведений специальностей и профессий, стоящих ниже вузовского статуса. Что уже привело к серьёзным негативным последствиям в сфере подготовки рабочих-профессионалов и специалистов со средним специальным образованием.

Кроме того, на картину столь разительных перемен в подобной структурной и ценностной трансформации вузовского образования на всем постсоветском пространстве оказал свое действенное «мягкое» влияние и вектор, обусловленный интересами к данной сфере со стороны самих этих государств.

Похоже, что желание все и вся держать под своим контролем, столь характерное для административной системы управления советского времени, все еще долго будет оставаться в цене. Примером тому может служить реальное положение дел с наличием в постсоветских государствах так называемого частного сектора в вузовском образовании. Несмотря на его наличие, при этом, как правило, для государственных и так называемых частных вузов одинаково обязательными являются единые классификаторы специальностей; единые государственные общеобязательные стандарты; правила и процедуры государственного контроля за качеством образования и т. д. В конечном итоге, выпускники всех частных вузов, наравне с выпускниками государственных вузов, получают дипломы единого государственного образца. Однако плата за обучение в государственных и частных вузах является далеко не одинаковой.

Игнорирование этого обстоятельства, само по себе, становится довольно-таки весомым основанием для снятия отдельными вузами с себя ответственности за должный качественный уровень предоставляемых образовательных услуг. Что, кстати, в целом создает весьма благоприятные условия для возникновения всевозможного рода «контор по продаже дипломов», демонстрирующих удивительную способность по изыскиванию вариантов получения всеми желающими заветного диплома с минимальными для этого затратами. И вектору данного «мягкого» влияния со стороны множющихся соблазнов, в определенной степени, уже удастся повлиять даже на изменение ценностных ориентиров самой системы образования.

Ставка на максимальное удовлетворение спроса, ориентированного на привлекательность перспективы получения диплома с минимальными издержками, способствует тому, что теперь уже предложение начинает оказывать свое упреждающее «мягкое» влияние на динамику спроса. Ведь в соответствии с канонами общества потребления, обвально множющиеся соблазнительные предложения ненавязчиво подталкивают желающих не останавливаться на количестве уже имеющихся у них дипломов. Тем самым обрекая каждый новый диплом на его неминуемое «устаревание». И подобного рода «коллекционирование дипломов», похоже, уже входит в моду не только среди «потребителей образовательных услуг». Под влияние данного веяния все больше попадают и сами работодатели,

в силу заманчивости предложения с минимальными издержками заполучить обладателей как можно большего числа дипломов.

Однако это неминуемо ведет к девальвации ценности дипломов как таковых, превращая их в квазидипломы, в одну из разновидностей обвально множасьихся сертификатов. И уже в постсоветских государствах на фоне заметного роста числа освоивших образовательные вузовские программы растет нехватка дипломированных специалистов действительно вузовского уровня. А для исправления подобного рода ситуации все настойчивее звучат предложения о необходимости подтверждения уже имеющегося диплома о высшем образовании еще одним аттестатом, который свидетельствовал бы о должном уровне квалификации его обладателя.

Все это, в конечном итоге, ведет к тому, что погоня за «коллекционированием» вузовских дипломов лишает образование самого главного – ориентацию вуза на универсальное оспособление своих выпускников к различным видам будущей деятельности, основанном, в первую очередь, на умении творчески, нестандартно и самостоятельно мыслить.

На практике же выходит, что сведение различия между государственным и негосударственным секторами образования, традиционно по «указке сверху», в большей мере только к источникам их финансирования, лишает их возможности быть подлинными конкурентами между собой. Что, само по себе, словосочетание и «частный вуз», и «частное образование» лишает их подлинного смысла, превращая их в своего рода квазипонятия, весьма далекие от того действительного смысла, которым им пытаются придать.

И даже стремление, к примеру, Казахстана с 2021 года полностью отказаться от выдачи дипломов о высшем образовании гособразца, существенно не изменяя при этом характер и содержание состояния дел в этой сфере, вряд ли поможет кардинально изменить данную ситуацию [7].

В то же время наличие в стране действительно негосударственной сферы образования, не только по названию, но и по своей сути, нисколько не противоречит ни «букве», ни «духу» Болонского процесса. Ведь последний, наоборот, ратует за проявление «принципа многообразия» в национальных образовательных системах различных государств.

Однако при всей привлекательности звучания данный принцип представляет собой весьма жёстко заданный вектор «мягкого» влияния. Могущество этого влияния состоит в том, что вовлечение без угроз и принуждений в процесс международного сотрудничества в сфере образования постсоветских государств, при достижении всех тех ценностных ориентиров, которые, к примеру, декларируются документами Болонского процесса, диктует им вектор осуществления необходимых преобразований.

Так, практически все эти государства приступили к реализации двухуровневой системы образования (бакалавриат-магистратура). При этом получение квалификации (степени) «бакалавр» предусматривает срок обучения не менее 4 лет. А получение квалификации (степени) «магистр» состоит из программы обучения бакалавра по соответствующему направлению подготовки не менее двухлетней специализированной подготовки.

Правда, при этом практически на всем постсоветском пространстве, за исключением, пожалуй, Казахстана, государства сохранили у себя подготовку кандидатов и докторов наук. И это несмотря на то, что, например, Россия присоединилась к Болонской конвенции еще в сентябре 2003 года. А Киргизия является членом ВТО с 1998 года.

В Казахстане же уже с 2011 года применяется только трехступенчатая модель подготовки специалистов: бакалавр–магистр–доктор PhD. При этом докторантура представляет собой «послевузовское образование, образовательные программы которого направлены на подготовку кадров для научной, педагогической и (или) профессиональной деятельности, с присуждением степени доктора философии (PhD), доктора по профилю» [2, глава 1, статья 1, 18–4].

Здесь следует отметить, что радикальная смена своих структурных и ценностных ориентиров в образовании на постсоветском пространстве, проводимая по традиции сверху, производится без должной рефлексии как чужого опыта, так и критического переосмысления своего собственного опыта, уже накопленного за годы их суверенного существования.

Свидетельством тому может служить ситуация на всем постсоветском пространстве, связанная с доминированием сегодня в сфере образования повальной тестомании, возведённой в ранг даже особо значимой государственной политики. Призванная по чиновничьей воле охватить в образовательном процессе всех и вся, она представляет собой не что иное, как прямое натаскивание обучаемых на заранее заготовленные кем-то тесты и ответы на них. Но ведь жизнь меньше всего подвластна воле чиновника и ориентирована на кем-то заранее запланированные варианты вопросов и ответов. Что, в конечном итоге, вряд ли способствует развитию у человека и мыслительных способностей, и творческой инициативы, и должной самостоятельности. А ведь именно эти качества в первую очередь должны быть присущи членам общества, которое не только на словах, но и на деле стремится создать правовое государство с рыночно ориентированной экономикой.

Таким образом, сфера образования сегодня превратилась в своего рода социальный полигон, где во всем многообразии проявляется столкновение различных векторов взаимовлияния «мягкой» силы. И от того, насколько этот фактор будет учтен, а его ресурсы будут задействованы в практике осуществления современных структурных и ценностных трансформаций, и не только в сфере образования, во многом зависят возможности общества наиболее адекватно реагировать на все те вызовы, на которые так богата современная жизнь.

1. Государственная Программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2016–2019 годы. Астана, 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://iqaa.kz/images/Laws/госпрограмма_2016.pdf.

2. Закон Республики Казахстан «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747.

3. Классификатор услуг ГАТС («Классификационный перечень секторов услуг») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospravo.ru/files/sites/40>

82eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf.

4. Количество вузов в России [Электронный ресурс]. URL: <http://info-magazin.ru/catalog/122/18933/>.

5. Образовательная услуга: понятие, особенности, классификация [Электронный ресурс]. URL: <https://psyera.ru/4118/obrazovatel'naya-usluga-ponyatie-osobennosti-klassifikaciya>.

6. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.

7. С 2021 года МОН РК планирует полностью отказаться от выдачи дипломов о высшем образовании государственного образца [Электронный ресурс]. URL: http://testent.ru/news/s_2021_goda_mon_rk_planiruet_polnostju_otkazatsja_ot_vydachi_diplomov_o_vysshem_gosudarstvennogo_obrazca/2016-07-01-1305.

8. Статистический ежегодник Кыргызской Республики – Архив публикаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

References

1. Gosudarstvennaya Programma razvitiya obrazovaniya i nauki Respubliki Kazaxstan na 2016–2019 gody. Astana, 2016 god [E'lektronnyj resurs]. URL: http://iqaa.kz/images/Laws/gosprogramma_2016.pdf.

2. Zakon Respubliki Kazaxstan «Ob obrazovanii» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 11.07.2017 g.) [E'lektronnyj resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747.

3. Klassifikator uslug GATS («Klassifikacionnyj perechen' sektorov uslug») [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.rospravo.ru/files/sites/4082eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf>.

4. Kolichestvo vuzov v Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://info-magazin.ru/catalog/122/18933/>.

5. Obrazovatel'naya usluga: ponyatie, osobennosti, klassifikaciya [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psyera.ru/4118/obrazovatel'naya-usluga-ponyatie-osobennosti-klassifikaciya>.

6. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173–192.

7. S 2021 goda MONRK planiruet polnost'yu otkazat'sya ot vydachi diplomov o vysshem obrazovanii gosudarstvennogo obrazca [E'lektronnyj resurs]. URL: http://testent.ru/news/s_2021_goda_mon_rk_planiruet_polnostju_otkazatsja_ot_vydachi_diplomov_o_vysshem_gosudarstvennogo_obrazca/2016-07-01-1305.

8. Statisticheskij ezhegodnik Kyrgyzskoj Respubliki – Arxiv publikacij [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

UDC 378.1

SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF UNIVERSITY EDUCATION IN THE FORMER SOVIET UNION IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL AND VALUE TRANSFORMATIONS OF SOFT POWER

Baturin Vladimir Stepanovich

Karaganda State University named after E.A. Buketov,
Faculty of philosophy and psychology,
Professor of chair of philosophy and theory of culture,
Doctor of Philosophy, Professor,
E-mail: baturin_vs@mail.ru

Annotation

Nowadays, the sphere of education has become a peculiar kind of social firing ground, where in all its diversity the clash between different vectors of interference of soft power is manifested. As noted, the effectiveness of multi-orientation of its manifestations in some cases may even be contrary to the general trend of the overall structural and value transformations carried out in the former Soviet Union in the sphere of education.

Key concepts:

soft power, values of education, university education, private university, private education, “diploma-centrism”, “student-centrism”, quasi-diploma.

УДК 327.5

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ ВОКРУГ КОНФЛИКТА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2017 ГОДУ: ПРОГНОЗЫ РОССИЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Бояркина Анна Владимировна,

Дальневосточный федеральный университет
Восточный институт-Школа региональных
и международных исследований,
Академический департамент английского языка,
доцент, кандидат политических наук,
Владивосток, Россия,
E-mail: aboyarkina@gmail.com

Аннотация

Цель статьи – показать мнения российского экспертного сообщества о развитии ситуации вокруг конфликта на Корейском полуострове в 2017 году: каким конкретно может быть военный ответ Северной Кореи, способны ли США нанести удар первыми, и может ли развитие этого конфликта привести к серьезной войне в 2017 г. Автор выделил две группы востоковедов-специалистов по взгляду на развитие событий на Корейском полуострове: первая группа убеждена, что конфликт будет неядерный, и стороны прибегнут к политико-дипломатическим решениям. Вторая группа настаивает на том, что США, несмотря на негативную реакцию Пекина, способны нанести превентивный удар и начать военную операцию по смене режима в КНДР. Ни у одной из сторон, вовлеченных в кризис на Корейском полуострове, пока нет четкого представления о программе действий, но КНДР в ближайшее время не откажется от ядерной программы.

Ключевые понятия:

Северная Корея, Россия, эксперты, конфликт на Корейском полуострове, ядерные испытания.

Весной 2017 г. после ряда испытаний ядерного оружия и запуска баллистических ракет в Северной Корее российские политологи и военные специалисты проявляют большой интерес к развитию ситуации на Корейском полуострове и предлагают сценарии развития дальнейших событий. Северокорейское руководство настаивает на своем праве обладать ядерным

оружием и выражает готовность противостоять своему главному сопернику – США, которые посягают на новый статус КНДР как ядерной державы. В то же время президент США Д. Трамп намерен продлить санкции в отношении КНДР в связи с тем, что эта страна продолжает вооружаться и испытывать баллистические ракеты [21].

Сегодня тема отказа КНДР от ядерного оружия нереалистична, а северо-корейские дипломаты отмечают, что испытания и сама ядерная программа направлены на укрепление мира на Корейском полуострове [13, с. 19–20; 14].

В этой связи необходимо уточнить официальную позицию Российской Федерации в отношении разрешения конфликта. Ракетные испытания КНДР вызывают глубокую озабоченность у представителей Министерства иностранных дел Российской Федерации. Продолжая предпринимать подобные шаги, напряжённость в регионе будет возрастать [3].

Ведущие научные сотрудники Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН Е. Ким и Института мировой экономики и международных отношений РАН Г. Кунадзэ полагают, что США не станут атаковать КНДР из-за опасных последствий для Южной Кореи, в которой проживает более 50 млн. человек, и пострадает все население Сеула. Пхеньян, в первую очередь, нанесет артиллерийский удар по столице Южной Кореи, в которой располагается американская военная база, а также штаб восьмой армии США [10, с. 21]. В начале 1990-х гг. в США было проведено изучение различных вариантов решения проблемы, которое признали экономически и политически неприемлемым в связи с тем, что жертвами окажется все население Корейского полуострова [10].

Руководитель Школы востоковедения Высшей школы экономики А. А. Маслов связывает обстановку на Корейском полуострове с политическим курсом КНР и ее способностью оказать необходимое давление на Пхеньян. В нынешний период Китай оказался в достаточно сложной ситуации, так как правительство страны было уверено в том, что может влиять на руководство КНДР, а северокорейская ядерная программа в целом находится под контролем. По мнению А. А. Маслова, риторика северокорейского руководства реалистична и агрессивна, и позитивного развития ситуации не существует, так что КНДР может нанести превентивный удар в сторону США. В то же время и отказаться от развития ядерного потенциала КНДР не сможет, иначе существует вероятность потерять лицо перед своим населением и во внешнем мире [22, с. 15]. В первую очередь, КНДР атакует ракетами средней дальности союзников США – Японию и Южную Корею, в зону конфликта соответственно будут включены соседние страны. Д. Трампу нужно продемонстрировать военно-политическую силу для внутривосточных действий, и в его риторике присутствует готовность нанести удар по КНДР [15].

Кроме того, российское научное сообщество обеспокоено тем, насколько устойчив северокорейский правящий режим. Не совсем понятно, как Ким Чен Ын и его руководство осуществляют контроль над вооруженными силами и насколько разумны принимаемые ими политические решения. Правительство КНДР добивается от мирового сообщества, прежде всего от США, признать ее ядерный статус. Правительство КНДР показывает миру, что оно готово сотрудничать с США, КНР, Россией, так как именно эти державы, по мнению

северокорейских руководителей, представляют собой серьезную и влиятельную силу на мировой арене [Там же].

Политолог И. Ланцова предлагает дипломатический сценарий, согласно которому сторонам конфликта необходимо терпеливо и последовательно договариваться. На праздновании 105-й годовщины со дня рождения Ким Ир Сена прошли военные учения, на которых молодой вождь КНДР показал себя как серьезного, осторожного и аккуратного лидера. Ланцова оценивает ситуацию на Корейском полуострове как постепенно приходящую в нормальное состояние. Давление со стороны США и их союзников убедит северокорейское руководство в целесообразности развития ядерной программы в дальнейшем. Эксперт рекомендует в таких условиях вернуться к шестисторонним переговорам, которые были платформой для переговоров с руководством Северной Кореи, но фактически механизм переговоров не действует [19].

Иной точки зрения придерживаются А.А. Маслов и К.В. Асмолов, полагая, что потенциал формата шестисторонних переговоров исчерпан, обсуждать денуклеаризацию уже поздно [6; 15].

Эксперты Маслов и Мирзаян солидарны во мнении, что в ситуации, если президент Трамп не предпримет атаку, то он потеряет лицо. Если Ким Чен Ын не ответит на удар, то потеряет лицо он, и собственная власть может ослабнуть [17].

Г. Мирзаян и П. Подлесного интересует, как отреагирует КНДР на нанесение упреждающего удара. Сегодня Соединенные Штаты Америки оказывают давление на Китай с целью, чтобы он подвиг Северную Корею отказаться проводить наземные ядерные испытания. С Китаем ведется игра, в которой Пекин может, с одной стороны, поддаться Трампу и вынудить КНДР не проводить ядерные испытания, в противном случае США будут готовиться к войне. Китай не заинтересован в болезненной трансформации КНДР, что неизбежно приведет к экономической и гуманитарной нестабильности на его границах [2; 17]. Кроме того, в случае начала боевых действий могут обостриться российско-американские отношения, Соединенные Штаты перестанут учитывать интересы Китая [2].

Политолог Г. Мирзаян считает, что США не нанесут удар по Северной Корее, несмотря на то, что Корейский полуостров является одной из самых милитаризованных точек Земли, но развертывание там полномасштабной войны маловероятно. Г. Мирзаян предлагает два вероятных сценария развития событий на полуострове. Согласно первому, США нанесут удар первыми, в связи с тем, что любая война, которая начнется на Корейском полуострове, закончится разрушением и капитуляцией столицы Северной Кореи. Второй сценарий – начало силовой операции по смене режима – позволяет Северной Корее нанести удар первой по США и Южной Корее. Северная Корея нанесет критический ущерб Южной Корее и, возможно, Японии, так как обладает комплексом «осажденной крепости», а ее лидер является образцом «сильного вождя». Эксперт прогнозирует ядерное заражение, резкую дестабилизацию ситуации на полуострове, террористическую угрозу, а также перемещение беженцев в Южную Корею или в Китай [17].

С. Марков, Г. Мирзаян и А. Домрин, оценивая исторические события на Корейском полуострове, предполагают, что нынешний кризис может закон-

читься холодным перемирием, так как президент Трамп формирует собственный внешнеполитический курс и ведет себя непоследовательно. Демократы и республиканцы стараются ограничить действия Д. Трампа на международной арене, и президент не понимает, что конкретно ему необходимо предпринять в ближайшее время в отношении Северной Кореи [17; 18; 22]. Президент Д. Трамп прежде всего стремится повысить свою популярность среди населения и заручиться поддержкой большего числа конгрессменов путем активных действий на международной арене [22].

По данным российских военных специалистов численность Вооруженных сил КНДР превышает 1 млн. человек, также Северная Корея обладает внушительным военным потенциалом и готова защитить себя, но ядерный потенциал пока незначителен. Последние годы северокорейские специалисты наращивают количественное превосходство в военной технике, ракетная отрасль демонстрирует успехи, в частности, были проведены знаковые испытания ракеты средней дальности и испытания ракет на твердом топливе для подводных лодок, которые ранее не стояли на вооружении у КНДР. По мнению специалистов, для создания межконтинентальных баллистических ракет (МБР) Пхеньяну потребуется не менее пяти-шести лет [24]. Ведутся работы над созданием собственных подводных атомных лодок. Северокорейские подводные лодки насчитывают 70 единиц, но отстают по своим характеристикам от иностранных образцов [1].

В. Мураховский напомнил, что сегодня Северная Корея располагает ракетами дальностью действия 2,5 тысячи километров, а также проводит испытания ракеты с дальностью действия до 4,5 тысячи километров [24]. В то же время северокорейская система ПВО не способна перехватывать американские крылатые ракеты, также неразвита авиация [12].

Тем не менее, Ким Чен Ын опровергает предположения военного эксперта. 4 июля 2017 г. Пхеньян объявил об успешном запуске МБР «Хвасон-14» и отметил, что этот запуск не представлял угрозы для окружающих стран [20].

По сообщению китайских экспертов, в настоящее время на вооружении у КНДР состоит серьезная военная техника, которая не может не вызвать опасений: 4 100 единиц боевых машин пехоты, 2 250 единиц самоходной артиллерии, 4 300 буксируемых гаубиц, 2 400 единиц реактивной системы залпового огня [27]. Российские военные специалисты приводят идентичные данные об артиллерии и системам залпового огня, отмечая, что Пхеньян преуспел в создании ракетных комплексов малой и средней дальности, освоил технологию миниатюризации ядерных боеголовок, которые теперь устанавливаются на баллистические ракеты. Северная Корея особенно успешно разрабатывает ракетное оружие морского базирования. Хроленко также считает, что Китай выступает категорически против силового решения северокорейской проблемы и усиления военного присутствия США в Восточной Азии, однако Вашингтон может «разобраться с Пхеньяном» без участия и согласия Пекина.

Военный обозреватель М. Ходаренок полагает, что Пентагон разработал концепцию быстрого глобального удара, которая подразумевает нанесение массированного разоружающего удара в течение одного часа обычным вооружением по любой стране мира. Эксперт считает, что в потенциальной войне против Северной Кореи американцы рассматривают такие действия, как один из способов уничтожения ядерных арсеналов своих вероятных противников,

и подобный удар может быть осуществлен силами передового базирования, экспедиционных воздушных сил и авианосных ударных групп [9]. Профессор Асмолов согласен с экспертом в оценке ядерного потенциала КНДР как оборонительного, не наступательного.

Военно-морские силы США могут состоять из 4–6 ударных авианосцев типа «Нимиц», 10–12 крейсеров типа «Тикондерога», 15–20 эсминцев типа «Арли Берк», оснащенных 120 ракетами «Томагавк» каждый, 15–20 подводных лодок типа «Вирджиния» и «Лос-Анджелес», кораблей управления и судов обеспечения [9].

Генерал-полковник В. Есин предполагает, какое вооружение будет применяться северокорейским руководством в случае нападения и дает осторожный прогноз развития событий на Корейском полуострове. Согласно его сценарию американцы нанесут удары по военным и административным объектам в Северной Корее крылатыми ракетами «Томагавк» с авианосцев, крейсеров и эсминцев. Такие действия уже были произведены в Сирии.

Возможный удар по северокорейским ядерным объектам грозит России и Китаю гуманитарной катастрофой и ядерным заражением, при господствующей в регионе розе ветров радиоактивное облако дойдет крайне быстро до Приморского края. Большинство российских специалистов уверено, что Россия и КНР будут возвращать беженцев обратно, согласно международно-правовым договорам о выдаче лиц, совершивших преступления. В действительности перейти границу крайне сложно и удастся это немногим [10; 25].

В конце июня 2017 г. в связи с чрезвычайной необходимостью Россия разработала «дорожную карту» по урегулированию северокорейской проблемы, включающую поэтапную схему продвижения враждующих сторон к диалогу без предварительных условий. Руководство нашей страны призывает к «проявлению взаимной сдержанности, непровоцированию друг друга, переговорам об общих принципах взаимоотношений, таких как ненападение, отказ от применения и угрозы силой». КНДР нуждается в гарантиях безопасности, и в случае, если Южная Корея и США прекратят военно-морские учения, руководство Северной Кореи сможет отказаться от ракетно-ядерной программы [11; 4]. Ряд экспертов положительно рассматривает данное решение российского правительства и находит это направление перспективным [11; 26].

Рекомендации. Для России объединение Северной и Южной Кореи явилось бы наиболее благоприятным действием с точки зрения национального примирения и экономического развития. В связи с тем, что исторических проблем с Кореей у России не существует, поэтому в наших интересах поддерживать дружеские отношения добрососедства. В распоряжении российского правительства находится инструмент влияния «дорожная карта», которым необходимо грамотно пользоваться. Для России, с учетом ее нынешних возможностей, актуальной задачей является предотвращение ситуации, а также сохранение у КНДР возможности защиты интересов и охраны собственных морских и сухопутных границ.

Выводы. Таким образом, автор пришел к выводу, что сформировались две группы российских специалистов по данной проблеме. Первая группа убеждена, что конфликт будет неядерный, и стороны прибегнут к политико-дипломатическим решениям. Вторая группа настаивает на том, что США, несмотря на негативную реакцию Пекина, способны нанести превентивный удар

и начать военную операцию по смене режима в КНДР с колоссальными потерями населения. Превентивный удар США по КНДР приведёт к масштабным боевым действиям, которые обернутся катастрофическими последствиями для всего региона. Автор также полагает, что ни Китай, ни США не смогли договориться о конкретных мерах в отношении ядерной программы КНДР. Ядерный потенциал КНДР, ее ядерная и ракетная программы не достигли высокого этапа развития, а удачных запусков немного. В целом специалисты надеются на урегулирование конфликта и нормализацию отношений между США, их союзниками и КНДР путем эффективной реализации «дорожной карты».

1. Алексеева Н. «Потери будут колоссальные»: велика ли вероятность войны на Корейском полуострове // Russian.rt. 15.04.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/378921-voina-kndr-ssha-veroyatnost> (дата обращения: 22.04.2017).

2. Апалин А. Павел Подлесный: «Новая корейская война вряд ли входит в планы Дональда Трампа» // Московский монитор. 14.04.2017. URL: http://mosmonitor.ru/articles/polytic/pavel_podlesnyi_novaya_koreyskaya_voyna_vryad_li_vhodit_v_plany_donalda_trampa (дата обращения: 20.04.2017).

3. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Владивосток, 8 июня 2017 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 08.06.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2778888 (дата обращения: 25.06.2017).

4. В МИД РФ рассказали о плане решения проблемы КНДР // Парламентская газета. 28.06.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-mid-rf-rasskazali-o-plane-resheniya-problemy-kndr.html> (дата обращения: 13.07.2017).

5. Война США и Северной Кореи: эксперт дал прогноз развития конфликта // Московский комсомолец. 2017, 14 апреля. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/04/14/voyna-ssha-i-severnoy-korei-ekspert-dal-prognoz-razvitiya-konflikta.html> (дата обращения: 25.05.2017).

6. «Дорожная карта» РФ перезапустит диалог на Корейском полуострове // Rucconomics.ru. 27.06.2017. URL: <https://rucconomics.ru/256893-dorozhnaya-karta-rf-perezapustit-dialog-na-koreiskom-poluostrove> (дата обращения: 13.07.2017).

7. Забродин А., Богданов Ю. Политологи оценили вероятность ядерной войны с КНДР // Известия. 19.04.2017. URL: <http://iz.ru/news/686930> (дата обращения: 24.04.2017).

8. Ильин А.В., Курныкин О.Ю. Северокорейский кризис через призму резолюций совета безопасности ООН // Comparative Politics. – 2014. – 1 (14). – С. 77–95.

9. Кима не спасет ядерное оружие // Газета.ru. 13.04.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/04/13/10625321.shtml>. (дата обращения: 28.04.2017).

10. КНДР: ракеты и теракты // Радио Свобода. 21.03.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28381963.html> (дата обращения: 20.04.2017).

11. Корейский вопрос: зачем Россия разработала для КНДР «дорожную карту» // Федеральное агентство новостей. 27.06.2017. URL: <https://riafan.ru/841458-koreiskii-vopros-zachem-rossiya-razrabotala-dlya-kndr-dorozhnyu-kartu> (дата обращения: 28.06.2017).

12. Корейский «пороховой погреб»: ядерный конфликт возможен 15 апреля // РИА Новости. 14.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170414/1492277857.html> (дата обращения: 20.05.2017).

13. Корейский полуостров: вызовы и возможности для России: Коллективный доклад экспертов для Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского Совета сотрудничества по безопасности (АТССБ). – М.: Издательство Московского университета, 2011. 80 с.

14. Мануков С. Корейский полуостров: проблема, ведущая в ад // EurAsia Daily, 17 апреля 2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/17/koreyskiy-poluostrov-problema-vedushchaya-v-ad> (дата обращения: 20.04.2017).

15. Маслов А.А. КНДР не оставила себе выхода // Вести ФМ. 25.04.2017. URL: <https://radiovesti.ru/brand/60933/episode/1494881/> (дата обращения: 26.04.2017).

16. Маслов А. А. Пхеньян ведет имиджевые войны // Вести ФМ. 17.03.2017. URL: <https://radiovesti.ru/brand/61177/episode/1477492/> (дата обращения: 19.03.2017).

17. Мирзаян Г. Войны не будет // Эксперт online. 09.06.2017. URL: <http://expert.ru/2017/04/14/korejskoj-vojni-ne-budet/> (дата обращения: 15.06.2017).

18. Новости Северной Кореи. Сегодня 3 мая. Северная Корея. Вероятная война Северной Кореи и США // Правда-TV. 3 мая 2017. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2017/05/03/298118/novosti-severnoj-korei-segodnya-3-maya-2017> (дата обращения: 15.06.2017).

19. Политолог: ситуация на Корейском полуострове «разрулилась» весьма изящно // РИА Новости. 25.04.2017. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170425/1493064104.html (дата обращения: 15.06.2017).

20. Пхеньян заявил об успешном запуске баллистической ракеты «Хвасон-14» // Российская газета. 4 июля, 2017.

21. США заявили о завершении «эры стратегического терпения» в отношении КНДР // Российская газета. 22 июня 2017 г.

22. США – КНДР: пока без войны // Парламентская газета. 25.04.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ssha-kndr-poka-bez-voyny.html> (дата обращения: 28.04.2017).

23. Федоровский А.Н. Обострение ситуации на Корейском полуострове // Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 17.04.2017. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3111 (дата обращения: 28.04.2017).

24. Эксперт: КНДР создаст МБР только через 5–6 лет // РИА Новости. 31.05.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170531/1495460301.html> (дата обращения: 15.06.2017).

25. Эксперт предположила, как может развиваться кризис на Корейском полуострове // Газета.ru. 31.05.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/05/30/n_10112561.shtmliya-konflikta.html (дата обращения: 15.06.2017).

26. Эксперт прокомментировал «дорожную карту» МИД России по решению северокорейской проблемы // Russian.rt.com 27.06.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/news/403620-ekspert-dorozhnaya-karta> (дата обращения: 28.06.2017).

27. 韩国现在是发达国家，是不是有统一朝鲜半岛的能力了？ // 网络原创。军车研究社。2017-07-15. (Южная Корея сейчас развитая страна, существует ли возможность объединения с Северной Кореей? // Киберсеть. Военное общество исследований. 15.07.2017.) URL: <http://www.feilongus.net/junshi/17/12730587.html> (дата обращения: 15.07.2017).

References

1. Alekseeva N. «Poteri budut kolossal'nye»: velika li veroyatnost' vojny na Korejskom poluostrove // Russian.rt. 15.04.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/378921-voina-kndr-ssha-veroyatnost> (data obrashheniya: 22.04.2017).
2. Apalin A. Pavel Podlesnyj: «Novaya korejskaya vojna vryad li vxodit v plany Donal'da Trampa» // Moskovskij monitor. 14.04.2017. URL: http://mosmonitor.ru/articles/polytic/pavel_podlesnyiy_novaya_koreyskaya_voyna_vryad_li_vhodit_v_planyi_donalda_trampa (data obrashheniya: 20.04.2017).
3. Brifing oficial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zaxarovoj, Vladivostok, 8 iyunya 2017 goda // Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyx del RF. 08.06.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2778888 (data obrashheniya: 25.06.2017).
4. V MID RF rasskazali o plane resheniya problemy KNDR // Parlamenskaya gazeta. 28.06.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-mid-rf-rasskazali-o-plane-resheniya-problemy-kndr.html> (data obrashheniya: 13.07.2017).
5. Vojna SShA i Severnoj Korei: e'kspert dal prognoz razvitiya konflikta // Moskovskij komsomolec. 2017, 14 aprelya. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/04/14/voyna-ssha-i-severnoy-korei-ekspert-dal-prognoz-razvitiya-konflikta.html> (data obrashheniya: 25.05.2017).
6. «Dorozhnaya karta» RF perezapustit dialog na Korejskom poluostrove // Rueconomics.ru. 27.06.2017. URL: <https://rueconomics.ru/256893-dorozhnaya-karta-rf-perezapustit-dialog-na-koreiskom-poluostrove> (data obrashheniya: 13.07.2017).
7. Zabrodin A., Bogdanov Yu. Politologi ocenili veroyatnost' yadernoj vojny s KNDR // Izvestiya. 19.04.2017. URL: <http://iz.ru/news/686930> (data obrashheniya: 24.04.2017).
8. Il'in A.V., Kurnykin O. Yu. Severokorejskij krizis cherez prizmu rezolyucij soveta bezopasnosti OON // Comparative Politics. – 2014. – 1 (14). – S. 77–95.
9. Kima ne spaset yadernoe oruzhie // Gazeta.ru. 13.04.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/04/13/10625321.shtml>. (data obrashheniya: 28.04.2017).
10. KNDR: rakety i terakty // Radio Svoboda. 21.03.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28381963.html> (data obrashheniya: 20.04.2017).
11. Korejskij vopros: zchem Rossiya razrabotala dlya KNDR «dorozhnyuyu kartu» // Federal'noe agentstvo novostej. 27.06.2017. URL: <https://riafan.ru/841458-koreiskii-vopros-zchem-rossiya-razrabotala-dlya-kndr-dorozhnyuyu-kartu> (data obrashheniya: 28.06.2017).
12. Korejskij «poroxovoj pogreb»: yadernyj konflikt vozmozen 15 aprelya // Ria Novosti. 14.04.2017. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/world/20170414/1492277857.html> (data obrashheniya: 20.05.2017).
13. Korejskij poluostrov: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: Kollektivnyj

doklade'kspertov dlya Rossijskogo nacional'nogo komiteta Aziatsko-Tixookeanskogo Soveta sotrudnichestva po bezopasnosti (ATSSB). – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 80 s.

14. Manukov S. Korejskij poluostrov: problema, vedushhaya v ad // EurAsia Daily, 17 aprelya 2017. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/04/17/koreyskiy-poluostrov-problema-vedushchaya-v-ad> (data obrashheniya: 20.04.2017).

15. Maslov A. A. KNDR ne ostavila sebe vyxoda // Vesti FM. 25.04.2017. URL: <https://radiovesti.ru/brand/60933/episode/1494881/> (data obrashheniya: 26.04.2017).

16. Maslov A. A. Pxen'yan vedet imidzhevye vojny // Vesti FM. 17.03.2017. URL: <https://radiovesti.ru/brand/61177/episode/1477492/> (data obrashheniya: 19.03.2017).

17. Mirzayan G. Vojny ne budet // E'kspert online. 09.06.2017. URL: <http://expert.ru/2017/04/14/korejskoj-vojni-ne-budet/> (data obrashheniya: 15.06.2017).

18. Novosti Severnoj Korei. Segodnya 3 maya. Severnaya Koreya. Veroyatnaya vojna Severnoj Korei i SShA // Pravda-TV. 3 maya 2017. URL: <http://www.ppravda-tv.ru/2017/05/03/298118/novosti-severnoj-korei-segodnya-3-maya-2017> (data obrashheniya: 15.06.2017).

19. Politolog: situaciya na Korejskom poluostrove «razrulilas» ves'ma izyashhno // Ria Novosti. 25.04.2017. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170425/1493064104.html (data obrashheniya: 15.06.2017).

20. Pxen'yan zayavil ob uspeshnom zapuske ballisticheskoy rakety «Xvason-14» // Rossijskaya gazeta. 4 iyulya, 2017.

21. SShA zayavili o zavershenii «e'ry strategicheskogo terpeniya» v otnoshenii KNDR // Rossijskaya gazeta. 22 iyunya 2017 g.

22. SShA – KNDR: poka bez vojny // Parlamentskaya gazeta. 25.04.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ssha-kndr-poka-bez-voyny.html> (data obrashheniya: 28.04.2017).

23. Fedorovskij A. N. Obostrenie situacii na Korejskom poluostrove // Nacional'nyj issledovatel'skij institut mirovoj e'konomiki i mezhdunarodnyx otnoshenij imeni E. M. Primakova RAN. 17.04.2017. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3111 (data obrashheniya: 28.04.2017).

24. E'kspert: KNDR sozdast MBR tol'ko cherez 5–6 let // Ria Novosti. 31.05.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170531/1495460301.html> (data obrashheniya: 15.06.2017).

25. E'kspert predpolozhila, kak mozhet razvivat'sya krizis na Korejskom poluostrove // Gazeta.ru. 31.05.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/05/30/n_10112561.shtmltiya-konflikta.html (data obrashheniya: 15.06.2017).

26. E'kspert prokomentiroval «dorozhnuyu kartu» MID Rossii po resheniyu severokorejskoj problemy // Russian.rt.com 27.06.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/news/403620-ekspert-dorozhnaya-karta> (data obrashheniya: 28.06.2017).

27. 韩国现在是发达国家，是不是有统一朝鲜半岛的能力了？ // 网络原创。军车研究社。2017-07-15. (Yuzhnaya Koreya sejchas razvitaya strana, sushhestvuet li vozmozhnost' ob"edineniya s Severnoj Koreej? // Kiberset'. Voennoe obshhestvo issledovaniy. 15.07.2017.) URL: <http://www.feilongus.net/junshi/17/12730587.html> (data obrashheniya: 15.07.2017).

UDC 327.5

DEVELOPMENT OF THE SITUATION AROUND THE CONFLICT ON THE KOREAN PENINSULA IN 2017: FORECASTS OF RUSSIAN EXPERTS

Boyarkina Anna Vladimirovna

Associate Professor, Candidate of Political Sciences,
Academic department of the English language,
Oriental Institute–School of regional and international studies,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
E-mail: aboyarkina@gmail.com

Annotation

The purpose of the article is to show the views of the Russian expert community on the situation around the conflict on the Korean peninsula in 2017: what can be the military response of the DPRK, and whether the United States is able to strike first, and whether the development of this conflict can lead to a serious war in 2017. The author defines two groups of oriental experts: the first group is convinced that there would be no nuclear war. The second group insists that the USA, despite a negative reaction of Beijing, is capable to strike preventive blow and to begin military operation on mode change in Democratic People's Republic of Korea. At one of the parties involved in crisis on the Korean peninsula while there is no accurate representation about programs of actions, but Democratic People's Republic of Korea will not refuse in the near future the nuclear program.

Key concepts:

North Korea, Russia, experts, conflict in the Korean Peninsula, nuclear tests.

УДК 321

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ОБЗОР ПОДХОДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Михалев Алексей Викторович,

Бурятский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления,
кандидат исторических наук, доцент,
Улан-Удэ, Россия,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация

В основу аналитической модели исследования легла концепция «мягкого влияния». Центральные вопросы, которыми задается автор этой статьи: «Каковы причины мягкого влияния?» и «Что является его основой?». Основной тезис этой статьи состоит в том, что использование мягкой силы – это игра с нулевой суммой.

Ключевые понятия:

мягкая сила, умная сила, влияние, идеология, образы.

Мягкая сила является продуктом довольно запутанной концепции. Дж. Най не дал ей простого определения¹. Вместо этого он дает множество дефиниций:

- 1) как способность формировать предпочтения других;
- 2) как способность привлекать, и эта привлекательность часто происходит с молчаливого согласия;
- 3) как способность заставить других хотеть того же результата, что хотите и вы из-за обращения в вашу культуру и идеологию;
- 4) как способность стран получать желаемые результаты в мировой политике, потому что другие страны наблюдают их достижения, подражают их примеру, стремятся к уровню процветания и открытости, желая достичь его;

¹ Концепция мягкой силы была задумана им как поправка к американской внешней политике, которая стала слишком заиклена на американском военном превосходстве в посткоммунистическом мире, где США являются единственной реальной сверхдержавой (в формате «жесткой силы»).

5) как ключевой элемент управления, как способность притягивать (заставить) других хотеть того, чего хотите вы, формировать запросы, устанавливающие повестку дня.

Хотя Дж. Най ввел термин в 1990 году, концепция мягкой силы берет свое начало в работах Х. Моргентхау, К. Кнорр и Р. Клайн. Например, Моргентхау выделяет девять элементов национальной мощи, среди которых национальный характер, национальное самосознание, качество дипломатии и качество правительства, тесно связанные с нематериальными источниками власти, то есть с мягкой силой. Аналогично Карр пишет, что власть над мнениями имеет не менее важное значение для политических целей, чем военная и экономическая мощь, хотя и коррелируется с ними. Согласно Равену и Френчу, существует пять основ власти: награды, принуждение, законы, референты и эксперты. Мягкая сила является своего рода референтом власти, которая основана на притягательности, и определяет влияние в отношении других держав. Доводы в подтверждение концепции мягкой силы можно проследить в философии на протяжении более чем двух тысяч лет. В древнем Китае мягкая сила воспринимается сильнее и мощнее, чем жесткая власть, особенно наглядно они представлены в книге Сунь Цзы. Так, например, Б. Маттерн считает, что вряд ли Най был первым, кто раскрыл сущность власти вне контекста угроз или обещаний. Такие мыслители, как Фуко, Бурдьё, Грамши и другие придавали схожие значение власти, однако так и не сформулировали понятие «мягкой силы» [6, с. 3]. Понимание этого феномена тесно связано с пониманием власти, предложенным перечисленными авторами, однако прямой корреляции между ними нет. Концепция Дж. Най является оригинальной теорией, вокруг которой ведутся дискуссии по сей день уже в силу того, что она раскрывает новые грани понимания власти, являющейся ключевой категорией в политической науке.

Мягкая сила – это инструмент, благодаря которому достигаются стратегические задачи Новой Большой игры. Она базируется на трех основных ресурсах: ее культуре, ее политических ценностях и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет). Как указывает Дж. Най в своей статье «Подумайте еще раз: мягкая сила», термин «растягивается» и становится все более «раскрученным». Популярное понимание этой концепции существует как в более узком смысле, так и в более широком смысле. В более узком смысле мягкая сила похожа на культурное влияние. Яркими сторонниками данной трактовки принято считать британского историка Найла Фергюсона и немецкого публициста Йозефа Йоффе². Большинство научных школ о мягкой силе в Китае разделяют понимание этого концепта в узком смысле. В более широком смысле мягкая сила является синонимом невоенной силы и включает в себя и культурную силу, и экономическую мощь. В то время как эти популярные понимания порождают недоразумения, возникает вопрос о том, почему они пользуются популярностью и столь устойчивы. Следует отметить, что концепция была неправильно понята не только широкой публикой, но и экспертами по исследованию международной политики. Сущность этого непонимания кроется в смешении категорий «мягкая сила» и «ресурсы для мягкой силы». Во многом эти проблемы связаны со слабой разработанностью аналитического инструментария данной концепции.

2 При этом оба являются критиками концепции мягкой силы.

Теория Дж. Ная имеет большое количество критиков. Так, например, Стивен Льюкс (автор работы «Власть: радикальный взгляд») называет подход Ная «агенто-центрированным стратегическим» взглядом на власть и критикует его как «тупой инструмент». Автор отмечает, что Наю не удалось сделать различия между различными способами, при которых мягкая сила может кооптировать, привлечь и побудить тех, кто подвергается ее воздействию, и между различными способами, в которых она может вызвать лишь их молчаливое согласие. Он не проводит различия между режимами убеждения и способами формирования предпочтений [6, с. 17]. Данная дискуссия свидетельствует о том, что две современные теории «власти-силы» соперничают за право быть эффективными инструментами политического анализа. Споры вокруг понятия мягкая сила и его неолиберального содержания занимают важное место в современной политической науке. Вопрос о том, возможна ли власть (сила), не опирающаяся на принуждение, насилие или манипуляцию, по сей день остается открытым.

На уровне теории мягкая сила рассматривается, в том числе, и как способность создавать искаженную картину мира, вынуждая актора, на которого оказывается данное воздействие, принимать политические решения, выгодные тому, кто применил в его отношении не мягкую силу. По мнению Дж. Галларотти подобное понимание мягкой силы близко к концепции А. Грамши о гегемонии и теории третьего лица власти С. Льюкса. Все это формирует еще одно, зачастую критикуемое, основание мягкой силы – ложное сознание. Использование данной категории предполагает, что ложное сознание неявно формируется одной господствующей нацией у другой подчиненной. В идеале либеральной теории предполагается, что мягкая сила дает выбор идеологий и образов тому, на кого она направлена. Последние должны лишь выбрать самого комплементарного союзника и самую приемлемую идеологию. Однако практика показывает, что это невозможно, поскольку принятие подобных решений бывает либо авторитарным, либо опирается на заблуждение. В итоге, мягкая сила перестает быть либеральным инструментом воздействия уже потому, что в ней изначально присутствует конфликт интересов и элемент манипуляции.

В данной ситуации также важно развести термины силы (власти) и доминирования. Первое предполагает собой некий консенсус и взаимную выгоду, пусть и основанную временами на неравноправном обмене. Доминирование же приходит через столкновение и конфликт интересов и предполагает подчинение одних другим. Так, Дж. Галларотти считает, что мягкая сила связана с теорией М. Фуко, в основе которой все тот же конфликт интересов. При этом, по мнению Галларотти, специфика мягкой силы зачастую заключается в умении доминантной нации выдавать свои интересы как интересы стран, на которые оказывается влияние [2, с. 62]. Наряду с этим, институты, реализующие данную политику, могут обладать определенной степенью автономии.

Данный автор считает: «Склонность великих или доминантных держав интенсивно вкладывать средства в создание режимов и международных организаций заставляет полагать, что такие рычаги влияния поистине важны для этих наций. То, что такие институты поддерживаются нациями, наделенными большей независимостью, побуждает считать, что они все еще служат ряду целей в интересах доминантных наций: обеспечение законности, защита репутации, ограждение от помех, с какими сопряжена односторонность, раз-

личные способы облегчения функционирования рынков. К тому же, поскольку эти институты устроены с размахом и поддерживаются могущественными нациями, они зачастую выполняют дополнительные функции в интересах самих наций. Но так как эти институты принимают более многостороннюю властную структуру (т. е. в эволюции управления действует демократический импульс), часто их функции могут отклоняться от интересов тех могущественных наций, которые их создали» [2].

Другой важной рефлексией по поводу мягкой силы является китайская школа изучения данного феномена. Начиная с 2003 года, руководство КНР в лице ЦК КПК занялось разработкой концепции, обосновывающей место Китая в современном мире. Согласно исследованию О. Борох и А. Ломанова, китайская идеология внешнего присутствия претерпела несколько трансформаций от модели «мирного возвышения» и «мирного развития» к концепции «гармоничного мира совместного процветания», предложенной лично Ху Цзиньтао [1]. Как пишет Юй Кэпин, выдвигая идею «гармоничного мира», китайское правительство исходило из того, что к такому ценностному идеалу стремится все человечество, а «мир и развитие, как две великие темы современности, являются важнейшим содержанием строительства гармоничного мира». При этом, по мере углубления экономической глобализации, интересы государств и народов будут становиться все более многоплановыми, политика – более многополярной, культура – более многообразной. Следовательно, подчеркивает китайский политолог, между странами и народами все более будут востребованы взаимная терпимость и уважение, мирное сосуществование, реализация древнекитайского идеала «единства без унификации» [1, с. 44].

Современные китайские теоретики большое внимание уделяют изучению феномена мягкой силы и его практическому применению. Сегодня можно уже говорить о том, что в мире сложилась китайская школа изучения данного феномена. Работая в крупнейших мировых центрах по изучению мировых политических процессов, китайские исследователи предлагают свои направления данного анализа, ориентированные на достаточно специфический материал Африки и Юго-Восточной Азии. Примерами тому могут быть исследования таких ученых, как Чанфенг Чен, Ёнжин Чжан, Ли Минжанг, Ю Хинтиан, Янджонг Хуан и других.

Критикуя западную теорию мягкой силы, профессор Ёнжин Чжан пишет: «Судя по стандартному рейтингу Ная, Китай вряд ли может претендовать на ресурсы мягкой силы. Нынешняя политическая система Китая отличается от Соединенных Штатов. Китай всегда имеет «ужасный рейтинг» в опросе Freedom House, даже среди наименее свободных стран в мире. Пекин открыто отвергает «западные» либерально-демократические ценности, и китайское государство часто рассматривается как лицо, нарушающее права человека в собственном доме. С трудом просматриваются политические ценности и идеологические убеждения Китая. Пекин либо проповедует, либо практикует универсальную привлекательность. В отличие от Европейского Союза, китайская политика и подходы к глобальным проблемам, начиная от изменения климата и охраны окружающей среды, заканчивая пандемией и инфекционными заболеваниями, страдают отсутствием морального авторитета» [7, с. 50].

Отмечая несправедливость данной точки зрения, китайский исследователь указывает на то, что обаяние Китая в Европе и в США в разное время колебалось

от нулевой отметки до массового увлечения китайской культурой. Он считает, что ключевым понятием мягкой силы должен стать концепт, характеризующий ее потенциал, опирающийся на историко-культурные традиции ведения дипломатии. Потенциал мягкой силы, согласно китайской академической традиции, – это некая исторически сформированная репутация страны, ориентирующая ее внешних партнеров на формирование двустороннего диалога в рамках сложившихся норм и традиций. Ёнгжина Чжана поддерживает и китайский исследователь Янг Фан: «Нельзя отрицать, что в то время как американцы наблюдают снижение своей мягкой силы, китайская мягкая сила в настоящее время на подъеме, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, а также в Африке и Латинской Америке. Образ китайской нации в развивающихся странах, особенно в Африке, гораздо более позитивен, чем на Западе. Примером тому – «Пекинский консенсус», термин, введенный Дж. Рамо, объясняющий популярность китайской модели экономического развития, которая по мнению большинства развивающихся стран является жизнеспособной альтернативой западной модели».

Помимо этого, существует еще и дилемма оценки эффективности мягкой силы. Так, А. Вьюинг считает: «Оценивая чью-либо силу, мы замеряем количество ресурсов, которыми этот кто-то располагает. Это делает мягкую силу более конкретной и измеряемой. Однако это не единственная важная причина, почему силу часто определяют в категориях ресурсов ее обладателя. Другим аспектом этой тенденции является тот факт, что никакая власть не может осуществляться без использования определенного количества ресурсов» [6, с. 11]. Анализируя указанную ситуацию, А. Вьюинг высказывает мнение о том, что теория мягкой силы требует более подробной доработки, особенно в сфере категориального аппарата. Согласно его мнению, это позволит избежать существующей путаницы, связанной с тем, что такое мягкая сила, что является ее ресурсом, а что ее институтом.

Мягкая сила – это способность достигать желаемых результатов за счет привлечения, а не принуждения, она стала важной частью научного мышления. Основным компонентом мягкой силы является притягательность, которой в значительной степени пренебрегали в научных исследованиях. Проводившиеся исследования предлагали варианты данной политики и этические выводы о мягкой силе, распространяемые на всех на основе неявных и часто неподтвержденных предположений о том, что такое привлекательность. Как утверждает Б. Маттерн: «Привлекательность в мировой политике достигается через нефизические, но все же принудительные формы власти, которые осуществляются посредством языка. Поэтому мягкая сила не должна пониматься через сопоставление с жесткой силой, а скорее как ее продолжение другими способами». Российский исследователь К.И. Косачев считает: «Мягкая сила» далеко не всегда связана с размерами, экономической или военной мощью, идеологией государства. Можно, например, быть лидером по средней продолжительности жизни своих граждан, по уровню заработной платы и пенсий, по рейтингам ведения бизнеса, по надежности национальной валюты, по экологическим стандартам, по уровню и доступности образования, по длительности существования государства без войн и катастроф и многим другим параметрам, которые составляют авторитет и репутацию страны в глазах других народов. И здесь малые очень часто выигрывают у больших по многим показателям» [3].

С данным мнением не согласен китайский политолог Ли Минджанг: «Однако логически непонятно, почему культура, идеология и ценности должны быть источниками мягкой силы. Такой вывод, очевидно, основан на предположении, что эти источники влияния по своей природе привлекательны, убедительны и естественно вызывают симпатии. Но на самом деле это не всегда может быть так. С одной стороны, эти источники мягкой силы не всегда способствуют привлекательности, убеждению, апелляции и подражанию. Культура, идеология, ценности и нормы также часто приводят к обидам, отторжению, враждебности и даже конфликтам. С другой стороны, жесткая сила не всегда используется для принуждения, угроз, и запугивания» [5, с. 3]. Данные рассуждения ставят в эпистемологический тупик динамично развивающуюся теорию Дж. Найа. Однако именно азиатские теоретики наиболее подробно разобрали ее недостатки и предложили собственные интерпретации.

Однако анализировать сам процесс мягкого влияния практически невозможно, в этом случае гораздо эффективнее институциональный анализ. Дело в том, что институты практически всегда на виду, все остальное находится в сфере сознания и в области мотивов и побудителей к действию отдельных индивидов или политической элиты в целом. В рамках данного исследования нами анализируется институциональная составляющая мягкой силы. Институты мягкой силы – это то, посредством чего она формируется, а также то, посредством чего можно оценить потенциал мягкой силы того или иного государства. Однако относить их к потенциалу было бы не правильно, т. к. потенциал мягкой силы – это определенная система презентаций, смыслов и историко-культурного наследия. Институты же служат инструментом для трансляции данных составляющих, формируя политику мягкого влияния как некий феномен. Институты во многом устанавливают нормы понимания задач, которые предполагается достичь посредством мягкой силы. Вопрос о том, насколько широкой или, напротив, узкоспециальной будет трактовка того или иного образа, культурного кода, идеологического концепта, определяется институтами *soft power*.

1. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // *Pro et Contra*. – 2007. – № 6 (39). – С. 41–60.

2. Галларотти Дж. Бремя могущества как парадокс мировой политики / Дж. Галларотти // *Полис*. 2011. № 3. С. 58–71.

3. Косачев К.И. «Мягкая сила» и европейское измерение российской внешней политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.

4. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж.С. Най. – М., Новосибирск: «Тренды», 2006. – 224 с.

5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // *Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics*. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.

6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // *American Political Science Association annual meeting*. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.

7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // *Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics*. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

References

1. Borox O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya / O. Borox, A. Lomanov // Pro et Contra. – 2007. – № 6 (39). – S. 41–60.
2. Gallarotti Dzh. Bremya mogushhestva kak paradoks mirovoj politiki / Dzh. Gallarotti // Polis. 2011. № 3. S. 58–71.
3. Kosachev K.I. «Myagkaya sila» i evropejskoe izmerenie rossijskoj vneshnej politiki [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.
4. Naj Dzh.S. Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike / Dzh. S. Naj. – M., Novosibirsk: «Trendy», 2006. – 224 s.
5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.
6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.
7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

UDC 321

THE CONCEPT OF “SOFT POWER”: A REVIEW OF APPROACHES IN FOREIGN SCIENCE

Mikhalev Alexey Viktorovich,

Buryat State University,
Candidate of Historical Sciences,
Ulan-Ude, Russia,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Annotation

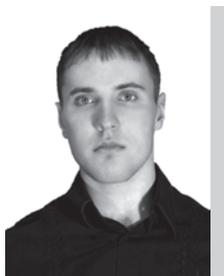
The model of the analysis is based on the concept “soft power”. The central questions that I will ask in this paper is, “What causes soft power?” and “How is soft power caused?” The main thesis of this article is the soft power using is the zero sum game.

Key concepts:

soft power, smart power, influence, ideology, images.

УДК 32.001

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ИЗРАИЛЯ

Арефкин Роман Владимирович,

Уральский государственный экономический университет,
факультет государственного и муниципального управления,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: fgevvara@yandex.ru

Аннотация

В настоящем докладе рассматриваются особенности современной концепции «мягкой силы» республики Израиль на примерах установления международных отношений Израиля с ведущими странами среднего и дальнего Востока.

Ключевые понятия:

концепция мягкой силы Израиля, суверенитет, внешнеполитический процесс, социально-экономическое развитие, информационный фон, актор.

Долгое время дискуссионным вопросом в теории международных отношений оставалось понятие «сила». Тем не менее, в большинстве работ, посвящённых различным политическим аспектам международных отношений, часто использовался термин «сила» при рассмотрении взаимодействий между различными субъектами международного процесса. Вместе с тем, на протяжении длительного времени именно «сила» выступала в роли наиболее распространённого и решающего средства внешнеполитического влияния в арсенале международных акторов [1, с. 20–31].

Так, выдающийся историк и теоретик международных отношений Г. Моргентгау неоднократно утверждал, что понятие «сила» представляет собой одну из наиболее сложных объёмных категорий в политической науке [3, с. 27].

Сторонники силовых методов урегулирования внешнеполитических вопросов традиционно рассматривали «силу» через призму военных ресурсов и определяли это понятие как обладание способностями, которые позволяют субъекту международных отношений выступать с реальными угрозами с целью достижения наиболее выгодных для себя политических позиций [6, с. 9].

Наиболее полной и всеобъемлющей трактовкой понятия «сила» в контексте международных отношений на сегодняшний день видится определение, данное Робертом Далем, согласно которому «сила» – это способность одного субъекта международных отношений заставить другого субъекта действовать так, как этот субъект не действовал бы в нормальных условиях [1].

Впоследствии, представители различных школ теории международных отношений и политологии видели реализацию концепции «силы», включая «мягкую», в самых различных аспектах политических практик [2; 4; 7].

Государство Израиль, являясь формально одним из самых молодых современных государств, изначально находилось в весьма непростом геополитическом положении, будучи расположено в окружении территориально более крупных государств со сложившейся инфраструктурой, с собственными военно-техническими комплексами, и, что представляется наиболее важным, – с противопоставленной Израилю государственно-образующей идеологией, во многом опирающейся на религиозный контекст.

С момента признания независимости Израиля в 1948 году, учитывая его геополитическое положение, трудно было предположить, что государство сможет не просто выжить и сформировать прочный фундамент своей государственности, но и выйти в мировые лидеры в сфере научно-технических достижений, здравоохранения и в области отдельных направлений развития военно-технического комплекса. Впоследствии, именно эти достижения Израиля стали обуславливать эффективность реализации этим государством своей концепции «мягкой силы» [3].

В силу своего особого исторического и политического пути развития внешняя политика Израиля очень длительное время реализовывалась в весьма ограниченном контексте. Доминирующей составляющей внешнеполитического курса Израиля были военные операции, направленные на расширение собственных границ и освоение ограниченного жизненного пространства.

Существенные сдвиги во внешнеполитическом процессе Израиля стали возможными благодаря качественно новому подходу к выстраиванию собственной внешнеполитической стратегии на основе концепции «мягкой силы». В частности, эффективным методом данной концепции стало использование собственных технологических достижений в качестве основного инструмента дипломатического аргументирования своих позиций. Авигдор Либерман, министр иностранных дел Израиля, лаконично сформулировал принцип данной концепции следующим образом: страны, в дипломатической поддержке которых заинтересован Израиль, получают доступ к израильским достижениям научно-технического комплекса на «специальных» условиях и преференциях.

Пожалуй, самым ярким достижением Израиля в сфере развития «мягкой силы» являются его научно-технические успехи, которые страна стремится экспортировать по всему миру и завоевывать международную признательность.

Известный специалист в области инновационной политики Израиля академик Олег Львович Фиговский отмечает: «...Встает вопрос, как небольшая страна с населением, ненамного превышающим 8 млн. человек, с территорией около 1% от площади России, находится в числе самых динамично развивающихся стран мира и при этом вносит огромный вклад в мировую

фундаментальную и прикладную науку. Без преувеличения можно сказать, что Израиль стал инновационной супердержавой, которая создаёт новейшие технологии и способствует экономическому процветанию в мире» [5].

В 2013 г. был опубликован весьма важный комплексный «Глобальный инновационный индекс-2013», ежегодно разрабатываемый Всемирной организацией интеллектуальной собственности совместно с Корнельским университетом и школой бизнеса INSEAD. В Индексе-2013 оценено 142 страны мира. В отношении внедрения и распространения инноваций Россия заняла 62-е место, Индия – 66-е, Иран – 113-е, Венесуэла – 114-е, а вот Израиль оказался на 14-ом месте.

Самый важный вывод из опыта Израиля, согласно Фиговскому, состоит в том, что государство должно поддерживать новые разработки, не связывать руки исследователям. 60 лет тому назад Израиль экспортировал в основном цитрусы, а в настоящее время 11% ВВП Израиля – продукция хай-тек, а из \$70 млрд. экспорта больше половины приходится на высокотехнологические товары. В стране работает более 4-х тысяч стартап-компаний – примерно как в США. Это получило название «израильское чудо». В 2010–2011 годах Всемирный экономический форум присудил Израилю первое место в мире по качеству исследовательских учреждений. Кроме того, по оценке экспертов Форума, страна занимает седьмое место в мире по темпам инноваций [5].

Важная особенность израильской индустрии высоких технологий и инноваций – открытость всему миру, изначальная направленность на завоевание именно мирового рынка. «В результате израильские «умные головы» порождают революционную коммуникационную программу ICQ, создают мини-носители компьютерной информации «disk-on-key» и т. д. – чему способствуют высокие вложения в науку». 75% продукции, которая производится на заводах Intel в Израиле, экспортируется в США и страны Европы (USB-flash, IP-телефония и ICQ разработаны в Израиле) [5].

Одним из наиболее наглядных примеров реализации Израилем собственной концепции «мягкой силы» является процесс выстраивания дипломатических отношений Израиля с Индией. Приблизительно с середины двухтысячных Индия обнаруживает интерес на внутреннем рынке в продуктах израильского научно-технического комплекса, главным образом по линиям здравоохранения, фармацевтики, военно-технических решений. Именно с этого периода наблюдается возрастание интереса Индии в отношении формирования устойчивых дипломатических связей с Тель-Авивом, что осуществляется на фоне экспорта Израилем своих технологий в Индию в рамках сразу нескольких правительственных программ.

Интересы Израиля в данном русле прослеживаются весьма очевидно, поскольку наступательная политика в отношении Палестины требует от Израиля постоянной уверенности в определённой легитимации предпринимаемых мер. Таким образом, для Израиля существенным является политическая поддержка любого легитимного государства, которое способно принять линию политических интересов Израиля касательно политики на Ближнем Востоке. Однако в силу явно выраженной агрессивности проводимой Тель-Авивом политики в отношении Палестины, для Израиля не менее существенным видится обретение уверенности, что как можно большее число независимых государств

воздержится от, например, голосования за международные запретительные резолюции. Во многом это может обеспечить внешнеполитическую индугенцию Израилю и устранить так называемые «дипломатические барьеры».

Впоследствии, ряд либеральных СМИ Индии неоднократно сообщали о растущих настроениях в рядах политических элит Индии о том, чтобы воздерживаться от любых международных акций так или иначе касающихся вопросов Израильско-Палестинских отношений. При этом на протяжении достаточно длительного периода времени Индия являлась одним из тех государств, которые занимали «про-палестинскую» позицию по данному спектру вопросов. Данный феномен, выразившийся в столь резком смещении вектора внешнеполитических приоритетов в Индии, получил неофициальное название «Индийский сдвиг».

«Индийский сдвиг», являясь по сути крупным внешнеполитическим достижением Израиля, стал возможным благодаря реализации Израилем тонкой интеллектуальной стратегии инвестирования собственных научно-технических ресурсов во внешнеполитические перспективы.

Раскрыв для себя перспективы использования продуктов израильского научно-технического комплекса, Индия главным образом была заинтересована в развитии как своей военной инфраструктуры, так и в перспективах развития важнейших направлений «мирных технологий». Особенно актуальной данная заинтересованность стала после того, как правительство Индии прекратило импортировать вооружение из США.

Даже приход к власти в Индии крайне-правой партии Бхаратия Джаната (Индийская народная партия) во главе с Нарендра Модии, правительство только упрочило свои политические связи с Израилем в силу постоянно нарастающей потребности в израильских технологиях.

Аналогичная концепция использования научно-технического комплекса и национальных технологий Израилем в качестве инструмента установления политического контакта нашла своё применение при налаживании дипломатических связей Израиля с Китаем. Несмотря на выраженный акцент, который Пекин делает на развитии собственных технологий, сегодня Китай проявляет интерес к установлению прочных связей с Израилем.

Министр иностранных дел КНР Ван И неоднократно давал понять, что в будущем следует ожидать существенного сближения КНР и Израиля, по крайней мере по линии научно-технологического сотрудничества, в котором Китай выступает в роли потребителя израильских технологий.

Китай, главным образом, проявляет интерес к тем израильским технологиям, которые по мнению экспертов КНР могут поспособствовать развитию китайской экономики в целом, но особенно в вопросах тяжёлой промышленности и сельскохозяйственного комплекса. Министр экономики Израиля, Нафтали Беннет, в рамках своей социально-экономической просветительской деятельности, осуществляет мощную информационную кампанию в социальных сетях по распространению контента, спекулирующего на перспективных выгодах Китая от имплементации израильских технологий.

Таким образом, уже на примере Индии и Китая, независимых государств, имеющих существенный вес на внешнеполитической арене, можно видеть, как успешно реализуется Израилем концепция «мягкой силы» за счёт экспорта

технологий и продуктов научной деятельности с целью укрепления Израилем своих внешнеполитических позиций. Данная стратегия в современных исследованиях «мягкой силы» государств получила название «цифровая мягкая сила» (digital soft power), а инструмент ее реализации определяется понятием «цифровая дипломатия» (digital diplomacy) [6]. Вполне очевидно, что успех Индии и намечающийся успех в Китае обосновал эффективность концепции «мягкой силы» Израиля и, соответственно, можно ожидать дальнейшего расширения израильского информационного, научного и технологического присутствия в рядах других влиятельных государств.

Таким образом, постепенно, Израиль получает возможность осуществлять свою внешнюю политику без необходимости идти на компромиссы по «палестинскому вопросу». Достижения Израиля в области digital soft power во многом стали гарантом построения прочных международных отношений с иностранными государствами и, соответственно, – эффективным инструментом мягкого влияния на международные процессы сегодняшнего Израиля. Успехи страны в сфере развития цифровой дипломатии получили отражение в аналитическом докладе «Global Ranking of Soft Power», представленном британским рейтинговым агентством Портленд (Portland) в 2015 г. В отличие от других рейтингов его составители впервые использовали методологию, включающую данные о влиянии правительств на Интернет и показатели уровня развития и внешнего влияния информационно-коммуникативных систем [2]. В представленном рейтинге Израиль занял 4-е место (после США, Великобритании и Франции) в сфере эффективного применения цифровых технологий и развития Интернет-дипломатии. В интегральном рейтинге soft power Израиль оказался на 26-м месте [6].

В Израиле на государственном уровне разрабатываются проекты применения «мягкой силы» в таких областях как распространение и популяризация национальной кухни (cuisine), развитие туристической индустрии и сетей гостеприимства, установление безвизового режима со многими странами мира, повышение уровня международной деловой активности. Недавно длинный список проектов с применением «мягкой силы» пополнился ещё одним. Его автор – министр по делам транспорта и разведки Израэль Кац – предложил соединить Израиль, Палестинскую автономию, Иорданию и Саудовскую Аравию общей сетью железных дорог [8]. Кроме того, мощным ресурсом «мягкой силы» Израиля считается деятельность еврейских диаспор за рубежом.

Вместе с тем, Израиль способен умело сочетать инструменты soft power и hard power, то есть применять «умную силу» (smart power). Известно, что Израиль обладает мощными военно-стратегическими ресурсами, развитой экономикой, значительным инструментарием внешнеполитического влияния. Недавно Сайт U.S. News & World Report (Новости мира и США) поставил Израиль на 8-е место из 60 лучших стран мира по таким параметрам как сильная армия, прочные международные союзы, экономическое и политическое влияние [9].

В последнее время интенсивно укрепляются связи Израиля с Китаем в области военного сотрудничества, разведывательной деятельности, кибербезопасности, о чем свидетельствуют участвовавшие визиты в КНР Иоси Коена,

главы внешней разведки Израиля, и советника по вопросам национальной безопасности, премьер-министра Израиля Натаниеля Нетаньяху.

Подводя некий итог сказанному, отметим, что в израильской концепции «мягкой силы» примечательным является то, что дальнейшее наращивание внешнеполитического влияния Израиля оказывается в существенной степени зависимым от развития технологического комплекса страны. Это, в свою очередь, обуславливает потребность в инвестировании в инновационное развитие ключевых научных отраслей. Таким образом, Израилю в рамках собственной концепции «мягкой силы» удалось создать систему, при которой инвестирование отвечает двойному целеполаганию: инвестируя в собственное социально-экономическое развитие, Израиль одновременно создаёт перспективы для дальнейшего расширения внешнеполитического влияния.

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.

2. Алексеева Т. А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 306 с. С. 5–20.

3. Моргентхау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189–201.

4. Песцов С. К., Бобыло А. М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. № 2 (34). С. 108–114.

5. Фиговский Олег. Причины научно-технических успехов Израиля [Электронный ресурс] // <http://www.rusnor.org/pubs/reviews/13790.htm>.

6. McClory J. The Soft Power 30 – A Global Ranking of Soft Power. Portland Communications (2015).

7. Knorr K. Power and Wealth: Political Economy of International Power. – NY: Basic Books, 1973. – 210 p.

8. <http://www.globaldashboard.org/2015/07/22/uksoftpower-2>.

9. <https://stmegi.com/posts/36771/soglasno-poslednemu-reytingu-izrail-odna-iz-samykh-silnykh-stran-mira>.

References

1. Ageeva V. D. Rol' instrumentov «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii v kontekste globalizacii: dissertaciya ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.04 / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2016.

2. Alekseeva T. A. «Myagkaya sila» v teorii i praktike mezhdunarodnyx

otnoshenij // Rol' tehnologij «myagkoj sily» v informacionnom, cennostno-mirovozzrencheskom i civilizacionnom protivoborstve / Akademiya voennyx nauk, Nauchno-issledovatel'skij centr problem nacional'noj bezopasnosti, kafedra informacionnoj analitiki i politicheskix tehnologij MGTU imeni N.E'. Bauman / Pod obshh. red. I. V. Bocharnikova. – M.: Izd-vo «E'kon-Inform», 2016. – 306 s. S. 5–20.

3. Morgentau G. Politicheskie otnosheniya mezhdru nacyami. Bor'ba za vlast' i mir // Social'no-politicheskij zhurnal. 1997. № 2. S. 189–201.

4. Pescov S.K., Bobylo A.M. «Myagkaya sila» v mirovoj politike: problema operacionalizacii teoreticheskogo koncepta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2015. № 2 (34). S. 108–114.

5. Figovskij Oleg. Prichiny nauchno-texnicheskix uspexov Izrailya [E'lektronnyj resurs] // <http://www.rusnor.org/pubs/reviews/13790.htm>.

6. McClory J. The Soft Power 30 – A Global Ranking of Soft Power. Portland Communications (2015).

7. Knorr K. Power and Wealth: Political Economy of International Power. – NY: Basic Books, 1973. – 210 p.

8. <http://www.globaldashboard.org/2015/07/22/uksoftpower-2>.

9. <https://stmegi.com/posts/36771/soglasno-poslednemu-reytingu-izrail-odna-iz-samykh-silnykh-stran-mira>.

UDC 32.001

MODERN «SOFT POWER» CONCEPTION OF ISRAEL

Arefkin Roman Vladimirovich,

Ural State University of Economic,
Faculty of governmental and municipal administration,
Student of master degree,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: fgevara@yandex.ru

Annotation

Modern principles of Israel's "soft power" conception are revealed in this article, including exemplifications of international relations arrangements between Israel and advanced states of middle and far East.

Key concepts:

soft power conception of Israel, sovereignty, international political process, social-economic development, informational field, actor.

УДК 327.8

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выделению подходов к исследованию «мягкой силы», распространенных в российской политической науке. Анализируются структурный, процессно-ориентированный, измерительно-инструментальный и технологический подходы. В рамках последнего подхода выделяются следующие направления: 1) понимание «мягкой силы» как пассивного притяжения; 2) гуманитарно-культурное; 3) психолого-идеологическое. Утверждается, что в отечественной науке распространено настороженное отношение к «мягким» технологиям.

Ключевые понятия:

«мягкая сила», политические технологии, культурное влияние, индексы «мягкой силы», структура «мягкой силы».

В настоящее время одним из важнейших факторов, необходимых для успешной геополитической конкуренции, консолидации общества, достижения поставленных целей на международной арене, признается необходимость наращивания так называемой «мягкой силы» страны. Политики ряда крупнейших государств мира включают «мягкие» ресурсы и инструменты в национальные стратегии развития.

Чем можно объяснить рост значимости данного вида силы? Профессор Уэслианского университета Дж. Галларотти пишет об изменениях глобальной системы, которые привели к возникновению «туманного пространства власти», потребовавшего поиска новых подходов для осуществления успешного влияния [8, с. 11]. Этим же он объясняет и возросший интерес к таким

парадигмам, как неолиберализм и конструктивизм, так как они отражают изменяющийся характер мировой политики. Целый ряд факторов привел к увеличению значения «мягкой силы»:

- 1) возросшие затраты на использование и угрозу применения силы среди ядерных держав;
- 2) демократизация (народ получает политическую власть над лицами, принимающими решения);
- 3) взаимозависимость международной среды, в которой угрозы наказания становятся равнозначны самонаказанию;
- 4) социальные и политические изменения, благодаря которым «военная этика» уступила место стремлению к экономическим благам;
- 5) возникновение сетевого общества (члены гражданского общества могут мгновенно получать и передавать информацию, быстро перемещаться между государствами) [8, с. 26].

Таким образом, сменился ракурс международной политики: от принуждения он перешел к задаче поиска эффективных скрытых, мягких, неявных стратегий влияния. Благодаря этому концепт «мягкой силы» получил сегодня широкую популярность в дискурсе различных областей отечественной науки (политологии, истории, философии, связях с общественностью и рекламе, филологии) и публицистике. Повсеместное использование концепта, имеющего такое метафорическое название, привело к размытости его содержания и необходимости систематизировать основные подходы к его трактовке в трудах российских исследователей.

В рамках *структурного подхода* акцент делается на компоненты, из которых складывается «мягкая сила». Это могут быть акторы, ресурсы, институты и другие составляющие. Так, например, утверждается, что структура «мягкой силы» включает в себя три основных компонента: политическое, экономическое и культурное влияние. Политическое влияние характеризует специфику отношения с другими государствами, международный имидж, участие в международных организациях. Экономическое влияние образуют экономическая модель страны, программы помощи, инвестиционная деятельность. Культурное влияние основывается на привлекательности ценностей, культуры, образа жизни населения [1, с. 136]. Носителями «мягкой силы» признаются государства, НПО, отдельные личности и даже преступные группировки. Инструментами «мягкой силы» являются СМИ, социальные медиа, предоставление услуг высшего образования, развитие науки и другие [4]. Структурный подход предполагает также выделение подвидов силы. О. Ф. Русакова пишет, что такими разновидностями могут быть гуманитарная, экономическая, политическая, культурная и дипломатическая «мягкие силы» [5, с. 34]. В целом, структурный подход к изучаемому предмету является одним из наиболее распространенных в отечественной науке.

Гораздо менее популярным является *процесс-ориентированный подход*. Его представители, А. М. Бобыло и С. К. Песцов, в цепочку «мягкой силы» включают ресурсы, механизм конвертации, активы, инструменты, промежуточные эффекты, механизм селекции и конечный результат [3, с. 111].

Конвертация «мягкой силы» осуществляется благодаря технологиям (совокупность действий и операций для решения определенной проблемы) и техническим средствам (хорошей инфраструктуре, достаточной финансовой составляющей, отработанным каналам коммуникации). Итогом этой цепочки является необходимое государству-субъекту поведение реципиента.

В рамках *измерительно-инструментального подхода* параметры, выделенные в результате анализа структуры «мягкой силы», приобретают количественные оценки. В книгах и статьях создателя термина «мягкая сила» Дж. Най отсутствуют какие-либо методологические измерения – автор лишь выделяет отдельные признаки, по которым можно судить о наличии у страны «мягкого» потенциала. Такими признаками могут быть высокий уровень жизни, забота о защите окружающей среды, большая продолжительность жизни, оказание гуманитарной помощи нуждающимся и другие. Дж. Най полагает, что размер «мягкой силы» нужно оценивать по результату: сложился ли притягательный образ страны в глазах международной общественности, является ли политика легитимной, разделяются ли ценности жителями других государств [9]. Тем не менее, примерно с 2008 года по настоящее время было создано достаточно много рейтингов «мягкой силы» государств, включающих оценку как количественных, так и качественных показателей. В таких исследованиях нередко статистические данные подкрепляются оценками экспертных комиссий. Создание подобных рейтингов – процесс трудоемкий, поэтому обычно их разрабатывают не отдельные исследователи, а консалтинговые агентства и «фабрики мысли» (think tanks).

Среди отечественных организаций такую попытку предпринял Институт исследования быстроразвивающихся рынков «Сколково» в партнерстве с компанией «Эрнст энд Янг» [10]. Для удобства исследования переменные, определяющие «мягкую силу», были разделены на три категории:

- 1) глобальный имидж (мерило глобальной популярности страны);
- 2) глобальная честность (измеряет, насколько страна придерживается этического и морального кодексов);
- 3) глобальная интеграция (взаимосвязи государства и остального мира).

Каждая из трех категорий включает в себя ряд субкатегорий. Например, переменные, составляющие глобальный имидж, – это экспорт медиа-товаров, популярность языка, количество олимпийских медалей, число влиятельных граждан и компаний, заслуживших всеобщее восхищение [10, с. 7].

Одним из самых распространенных подходов российских исследователей к «мягкой силе» является *технологический*. В результате анализа работ мы выделили три направления в рамках данного подхода:

- 1) понимание «мягкой силы» как пассивного притяжения;
- 2) гуманитарно-культурный акцент;
- 3) психолого-идеологический акцент.

Понимание «мягкой силы» как пассивной силы подразумевает создание условий, разработку плана мероприятий, необходимых для повышения привлекательности. Такие меры могут быть как долгосрочными, так и краткосрочными. По сути, в данном случае процесс увеличения «мягкой силы»

идентичен с процессом создания бренда государства. Причем речь идет не только о формировании «красивой обертки»: если страна не привлекательна, значит, имеются серьезные проблемы в экономической, политической, социальной сферах.

Представители второго подхода утверждают, что гуманистический потенциал, заложенный в «мягкой силе», помогает справиться с современными вызовами, угрожающими государству, региону или миру в целом. Исследуемый концепт трактуется как «умение достигать желаемых результатов, ставя на первое место духовное совершенствование человека, а не насилие, основанное на постоянной рефлексии, применении высоких гуманитарных технологий и повышении образования и культуры...» [6, с. 17].

Пожалуй, наиболее распространенным течением в рамках технологического подхода к «мягкой силе» в отечественной политической науке является психолого-идеологическое направление. Анализ выступлений должностных лиц России, нормативно-правовых документов и исследований ведущих ученых позволяет сделать вывод о том, что превалирует настороженно-негативное отношение к технологии «мягкой силы», приравнивание ее к методам цветных революций, информационно-психологическим войнам, манипуляциям и пропаганде. Методы не обязательно могут быть грубыми: Е. П. Панова пишет о способности «мягкой власти» изменять «матрицу убеждений», систему социокультурных фильтров. С течением времени социокультурная матрица изменяется, и объект не чувствует себя в ловушке, созданной «репрезентативной силой» [2, с. 92]. Г. Ю. Филимонов, исследуя «мягкую силу» Соединенных Штатов, утверждает, что «мягкая сила», по сути своей, является троянским конем, разрушающим классическое национальное государство, его культуру, духовные основы. Взамен эта технология предлагает транснациональную культуру удовольствий и потребления, стандартизируя страны по подобию США [7, с. 27].

Мы полагаем, что технология «мягкой силы» в зависимости от целей и особенностей применения может иметь как позитивные, так и негативные эффекты. С одной стороны, она может выступать средством консолидации социума, служить целям построения привлекательного образа, способствовать росту взаимопонимания и взаимообогащения разных народов, а с другой, – выступать фактором дестабилизации общества, инструментом манипуляции общественным мнением, а также – способом разрушения ценностно-культурного ядра нации.

1. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. – 2012. – № 3. – С. 135–137.

2. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО университета. – 2010. – № 4. – С. 91–97.

3. Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского

- государственного университета. История. – 2015. – № 2. – С. 108–114.
4. Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. – 2013. – № 6. – С. 18–26.
 5. Русакова О. Ф. Мягкая сила стран Азии // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2013. – № 11–12. – С. 31–37.
 6. Староверова Е. В. Современные технологии власти: автореф. дис. ... канд. философских наук: 24.00.01 / Е. В. Староверова. – Казань, 2012. – 24 с.
 7. Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации национального интереса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 21–30.
 8. Gallarotti G. M., Chatin M. The BRICS and Soft Power-An Introduction // Journal of Political Power. – 2016. – Iss. 3. – P. 1–35.
 9. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.
 10. Rapid-growth markets soft power index // Moscow School of Management Skolkovo. 2012. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2017).

References

1. Zvyagina D. A. «Myagkaya sila»: strukturnyj analiz // Inicijativy XXI veka. – 2012. – № 3. – S. 135–137.
2. Panova E. P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoj vlasti» v mirovoj politike // Vestnik MGIMO universiteta. – 2010. – № 4. – S. 91–97.
3. Pescov S. K., Bobylo A. M. «Myagkaya sila» v mirovoj politike: problema operacionalizacii teoreticheskogo koncepta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2015. – № 2. – S. 108–114.
4. Ponomareva E. G. Zheleznaya xvatka «myagkoj sily» // Odnako. – 2013. – № 6. – S. 18–26.
5. Rusakova O. F. Myagkaya sila stran Azii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». – 2013. – № 11–12. – S. 31–37.
6. Staroverova E. V. Sovremennye texnologii vlasti: avtoref. dis. ... kand. filosofskix nauk: 24.00.01 / E. V. Staroverova. – Kazan', 2012. – 24 s.
7. Filimonov G. Yu., Caturyan S. A. «Myagkaya sila» kak forma nepryamoj aplikacii nacional'nogo interesa // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – № 2. – S. 21–30.
8. Gallarotti G. M., Chatin M. The BRICS and Soft Power-An Introduction // Journal of Political Power. – 2016. – Iss. 3. – P. 1–35.
9. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Rapid-growth markets soft power index // Moscow School of Management Skolkovo. 2012. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2017).

UDC 327.8

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF SOFT POWER IN THE DOMESTIC POLITICAL SCIENCE

Kovba Daria Mikhailovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the identification of main approaches to soft power in Russian political science. The author analyzes the structural, process-oriented, measuring-instrumental and technological approaches. Within the framework of the latter approach, the following areas are distinguished: 1) the understanding of soft power as a passive attraction; 2) humanitarian and cultural; 3) psychological and ideological. It is asserted that a cautious attitude to soft technologies is widespread in the domestic science.

Key concepts:

soft power, political technologies, cultural influence, soft power index, the structure of soft power.

Ялтинский дискурсологический кружок – 2016**ХРОНИКА****Синельникова Лара Николаевна,**

Гуманитарно-педагогическая академия – филиал Крымского федерального университета в г. Ялта, доктор филологических наук, профессор, Ялта, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

В 2016 г. в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» (Республика Крым, Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия – филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, 28–29 сентября 2016 г.) состоялось заседание Ялтинского дискурсологического кружка (ЯДК), Манифест которого, состав участников и учредителей были утверждены на IV Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра», состоявшейся на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова 28–30 апреля 2016 г.

Манифест ЯДК опубликован в нескольких изданиях: Ялтинский дискурсологический кружок как осознанная необходимость // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции: факультет журналистики МГУ. – М., 2016. С. 221–223; Ялтинский дискурсологический кружок // Мир лингвистики и коммуникации. Электронный научный журнал. 2016. № 1; IV Международная конференция «Стилистика сегодня и завтра» и создание Ялтинского дискурсологического кружка // Дискурс-Пи. Научный журнал. – Екатеринбург, 2016. № 1 (22). С. 144–147.

Состав учредителей ЯДК: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялта, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (кафедра стилистики русского языка факультета журналистики), Отдел философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург), Российский государственный социальный университет (кафедра русского языка и литературы, Москва), Белгородский национальный исследовательский университет (кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью), Орловский государственный университет искусств и культуры (кафедра иностранных языков), Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко (кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий).

Ялтинский дискурсологический кружок – гуманитарный проект, объединивший исследователей, ориентированных на продуктивный междисциплинар-

ный диалог, который может способствовать формированию дискурсологии как целостного гуманитарного знания.

Очерчен круг проблем, которые нуждаются в коллегиальном рассмотрении: проблема дефиниций стиля, текста, дискурса (в условиях особых парадигмальных отношений, в которых сошлись диахрония и синхрония, традиционное и новое, дисциплинарный и междисциплинарный подходы); концепция дискурса в лингвистике, политологии, социологии, литературоведении; динамика жанровых образований, её отражение в композиционно-стилистическом устройстве текстов; когнитивно-языковой параметр описания и сопоставления дискурсов и дискурсивных практик и др.

Концепция Ялтинского дискурсологического кружка определила содержание и проблемный характер конференции, проведённой 28–29 сентября 2016 года. Очное и заочное участие в конференции приняли дискурсологи, стилисты, текстологи из Москвы, Барнаула, Белгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Луганска, Краснодар, Майкопа, Новосибирска, Симферополя, Ярославля.

Первый день конференции начался с воспоминания о Г. Я. Солганике, заведующем кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, выдающемся учёном, основателе одной из значимых стилистических школ, который ушёл из жизни 5 августа 2016 года. Организаторы конференции подготовили видеоматериал «Признание в любви», содержание которого стало своеобразным камертоном научного общения.

Дискурс научной конференции – это вид интерактивной речевой деятельности, ориентированный на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний её участников. Эти признаки были в полной мере реализованы на ялтинской конференции. Дискурсология – активно развивающаяся наука, и в решении многих проблем есть существенные разногласия. Обсуждение спорных вопросов дискурсологии развернулось до начала конференции в социальной сети, где была зарегистрирована закрытая группа «Ялтинский дискурсологический кружок», участники которой определяли вектор дискуссии по мере размещения заявленных докладов. Дискуссионность была заложена и в программу конференции, в названия пленарных и секционных заседаний: «Лингвофилософия дискурса», «Междисциплинарный регистр дискурсивных исследований» – пленарные заседания; «Дискурсивные практики vs. институциональные дискурсы», «Стиль, текст, дискурс: диалектика и динамика отношений», «Дискурс-анализ: приобретённый опыт и планируемые перспективы» – секционные заседания.

Назовём пленарные доклады. В докладе профессора **Е. Г. Борисовой** (Московский государственный лингвистический университет) «Стилистика и прагматический подход к эмпатии в рекламе и СМИ» было обращено внимание на необходимость формирования нового прикладного направления языкознания – маркетинговой лингвистики, в рамках которого могут быть системно представлены технологии медийного и рекламного дискурса, основанные на соотношении теории и практики и на достигнутом междисциплинарном опыте. Профессор **В. Н. Степанов** (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль) в докладе «Концептосфера и дискурс силы в немецкой философской традиции» на основе обширного корпуса текстовых и лексикографических данных обозначил концептосферу дискурса силы в период зарож-

дения немецкой философской традиции и её закрепления и развития в более поздних философских, справочных и учебных трудах, а также в наивной картине мира, отраженной в немецком и русском языках того периода. В докладе доцента **Н.Н. Васильковой** (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) «Особенности эристического дискурса в современных политических ток-шоу» были представлены стратегии и тактики эристического состязания оппонентов на общественно-политических ток-шоу. В докладе доцента **А.В. Николаевой** (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) «Интернет-дискурс: речевые стратегии и тактики» на большом фактическом материале были продемонстрированы языковые и стилистические свойства интернет-текстов, проявляющих «открытое авторское «я» в виде совмещения признаков монолога и диалога, использования разного рода экспресsem, карнавално-игрового стиля изложения и др. В докладе профессора **Л.Н. Синельниковой** (Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта) «Ризома дискурса интермедиальности» была показана возможность расширения рамок дискурс-анализа при условии ориентации исследователя на ризоматическое мышление, которое основывается на феномене ризомы. Структуры ризоматического мышления организуют интермедиальный дискурс, проявленный в поэтических, рекламных и политических текстах. Авторскую методику оценки эффективности рекламного текста предложила доктор филологических наук **Л.В. Ухова** (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) в докладе «Оценка эффективности рекламного текста: возможность алгоритмизации». В качестве стержня предлагаемой методики определены принципы перлокутивной лингвистики, которые ориентируют на учёт декодирования информации адресатом сообщения. В докладе профессора **Г.И. Лушниковой** (Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта) «Трансформация прецедентных текстов в современном художественном дискурсе» явление интертекстуальности было рассмотрено на материале «вторичных» текстов, являющихся трансформированным пересказом прототекста. Во вторичном тексте прототекст претерпевает разного рода трансформации – редукцию, распространение, перефразирование, субституцию. В докладе доцента **С.С. Дикаревой** (Крымский федеральный университет, Симферополь), «Текстовые (лингвистические) корпусы в славянском дискурсе» была представлена когнитивная модель текстовых электронных корпусов славянских языков, показана динамика развития относительно нового направления теоретического и прикладного языкознания – корпусной лингвистики, определена перспектива дискурсивного анализа на основе информационного статистического инструментария корпусных технологий.

В секционных докладах рассматривались институциональные дискурсы, представленные в разнообразии текстов и дискурсивных практик: «Оценка и её функции в креализованном тексте карикатур» (**Н.Н. Вольская**, Москва), «Функциональная значимость ключевых слов текстах произведений Ю. Полякова» (**Л.С. Захидова**, Новосибирск), «Тематическое расширение как внутренняя особенность дискурса интернета» (**Е.В. Горина**, Екатеринбург), «Когнитивные «столкновения» в современном медиадискурсе» (**И.А. Соболева**, Луганск), «О содержании понятия «региональный медийный дискурс»» (**Л.Г. Егорова**, Симферополь), «Лингвосомиотика иноязычного

лингводидактического дискурса» (**В. В. Копылова**, Москва), «Поликодовая манифестация концепта «медведь» в политических коммуникациях» (**Е. А. Унукович**, Луганск), «Системность дискурса неопределённости» (**И. Ю. Эсаулова**, Луганск).

Заочное участие в конференции приняла группа исследователей кафедры иностранных языков Волгоградского аграрного университета (научная школа профессора А. В. Олянич): Т. Н. Некрасова («Дискурсивные практики карнавальности в семиотике автомобильной коммуникации»), А. С. Захарова («Дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры: критерии типологического описания»), Е. А. Сухова («Дискурсивные практики агрикультуры: критерии типологического описания»), Т. Е. Иванова («Лингвосемиотика русскоязычных текстильных инскрипций в молодёжном презентационном дискурсе институциональной и аграрной сферы коммуникации»), О. В. Храмова («Семиотическое тело» агрикультурной символики в креализованных презентационных текстах англосаксонской и российской монархии»), Л. М. Рыльщикова («Типология лингвокреатива в научно-фантастическом дискурсе»), Е. Г. Шахнубарян («Этнокультурные различия англо- и русскоязычной гастрономии в дискурсивных практиках лингводидактики»), И. А. Левченко («Знаки среды обитания в дискурсе повседневности аристократии Великобритании и иноязычном лингводидактическом дискурсе»).

Ряд докладов был представлен принимающей стороной – преподавателями кафедры русской и украинской филологии Гуманитарно-педагогической академии, которые включились в исследовательское поле дискурсологии с такими темами: «Моделирование отношений между рекламой и действительностью в художественном дискурсе» (**А. В. Люликова**), «Прозвища в педагогическом дискурсе» (**С. А. Стряпчая**), «Риторические приёмы академического дискурса» (**Н. А. Лобачёва**), «Социокультурная характеристика языка и стиля современных журналов для детей» (**Ю. В. Козина**), «Концептуальные основы украинского сказочного дискурса» (**Т. П. Павлюк**), «Инновационная цель метода проектов в современном образовательном дискурсе» (**Э. К. Аметова**), «Историко-литературное наследие И. Франко «Святой Климент в Корсуне» как модель институционально-персонального дискурса» (**Д. С. Мокренцов**). Сообщения преподавателей кафедры подтвердили значимый для дискурсологии тезис: дискурс – это цепь событий, в которой проявляются дискурсивные маркеры: слова, фразы, звуки, передающие книжность или разговорность, контактность или дистанционность, моделирующие статус актуального или гипотетического собеседника. Наблюдения и находки докладчиков были признаны интересными, а темы – достойными продолжения. Дискуссия с начинающими дискурсологами сопровождалась советами и пожеланиями на перспективу.

Внимание участников конференции привлекли стендовые доклады, материал которых был включён в дискуссионный формат конференции: «Давление интернет-дискурса на динамику норм современного русского языка» (**Н. И. Клушина**, Москва), «Парадокс целостности PR-дискурса» (**Л. В. Селезнёва**, Москва), «Роль и место этнолингвосемиотики в дискурсообразовании / дискурсоразвёртывании» (**А. В. Олянич**, Волгоград), «Типологические аспекты описания научно-популярного дискурса» (**Т. В. Чернышова**, **Т. А. Полтавец**, Барнаул), «Брак» или «развод»: какие взаимосвязи обнаруживают дискурсивная и корпусная лингвистика» (**А. Г. Пастухов**, Орёл), «От теории публицистики – к теории

дискурса. И обратно?» (Е. Н. Басовская, Москва), «Дискурсные практики цифровой коммуникации: проблема типологизации» (Е. А. Кожемякин, Белгород), «Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе» (О. Е. Павловская, Д. Г. Куренова, Краснодар), «Ассоциативный эксперимент как приём интерпретации дискурса» (Г. Ю. Богданович, Симферополь), «Исследование дискурса элиты в синергетической парадигме» (Т. А. Островская, Майкоп). «Когнитивный аспект эпистолярного дискурса А. Чехова» (И. А. Герасименко, Ялта).

В докладах участников конференции были представлены новые фактические данные, дополняющие представление о газетно-публицистическом дискурсе, интернет-дискурсе, рекламном дискурсе, сказочном дискурсе, интермедиальном дискурсе. Подтверждён факт схождения в институциональном дискурсе социальных и лингвистических показателей. Важно внимание большинства докладчиков к риторическим стратегиям и тактикам в определённых видах институциональных дискурсов.

Обсуждался важный для современной филологии вопрос: в каком отношении находятся институциональные дискурсы и функциональные стили; возможна ли непротиворечивая таксономия дискурсов, и совпадает ли она с таксономией стилей. Был одобрен тезис: дефиниция текста опирается на системно-структурные показатели, которые могут оцениваться в коммуникативном аспекте; дефиниция дискурса – только на коммуникативные, функциональные и прагматические характеристики.

Совместными усилиями участников конференции было определено содержание дискурсивной компетентности как зонтичной в современном образовательном процессе (дискурсивная компетенция – знание различных типов дискурсов, правил их построения, а также умение создавать и понимать тексты, манифестирующие тот или иной тип дискурса).

Участники конференции выразили благодарность ответственному редактору научного журнала «Дискурс-Пи» О. Ф. Русаковой, одному из вдохновителей и организаторов Ялтинского дискурсологического кружка, за возможность публикации ряда докладов.

Положительные отзывы о конференции не могли не порадовать её организаторов, настроенных на продолжение встреч в формате Ялтинского дискурсологического кружка, очередное заседание которого состоится 28–30 сентября 2017 года.

THE CHRONICLE

Sinelnikova Lara Nikolaevna,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Humanities and Education Science Academy,
Doctor of Philology, Professor,
Yalta, Russia,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Статьи

УДК 321

КОНЦЕПТ ГРАЖДАНИНА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Фан Ирина Борисовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных значений и признаков западноевропейского концепта гражданина – исторических, философских, политических, идеологических. Представлены теоретические модели исторических типов гражданина – античного, средневекового, современного, раскрыты их основные характеристики.

Ключевые понятия:

концепт гражданина, теоретическая модель гражданина, субъект политических и гражданских прав, гражданское общество, национальное государство, политическая культура, этос гражданина, исторические типы гражданина.

Любой концепт – многоуровневое и многозначное образование, заключающее в себе смысл слова и служащее посредником между культурой и ментальностью индивида. В концепте «гражданин» можно вычленить структуру, то есть говорить о строении понятия, об этимологии слова, о возникновении концепта как коллективного бессознательного, об истории понятия, сжато-

го до его основных признаков. В соответствии с теоретическим подходом Ю.С. Степанова, в любом концепте существует три слоя признаков: 1. основной, актуальный, передающий чувственный и рациональный смысл понятия; 2. исторический, пассивный, составляющий бессознательную основу концепта; 3. этимологический признак или внутренняя форма [1, с. 48]. Наибольшее развитие данный концепт получил в западноевропейской политической истории и культуре. Современное его состояние – результат процесса концептуализации, включающего античный, средневековый и нововременной (модерный) этапы. Российский концепт «гражданин» обладает некоторыми чертами сходства с соответствующим концептом в европейских и американском языках и культурах, однако, имеет и ярко выраженную специфику. Автором разработана теоретическая модель феномена гражданина [2; 3] и исследованы различные аспекты и измерения концепта «гражданин» [4].

Смысловое ядро западноевропейского концепта «гражданин» (*polites* – греч., *civis* – лат., *citizen* – англ., *burger* – нем., *citoyen* – франц.) образует его генетическую связь с концептами «город», «городская община», «государство», «цивилизированность» и «право», эволюционировавших от недифференцированного состояния к их обособлению в качестве особых явлений и понятий эпохи Модерна. Основные значения и смысл концепта гражданина заключаются в следующем. Актуальное его значение связано с тем, что гражданин является одним из необходимых структурных элементов политической системы государств либеральной демократии, выполняющих функцию образования гражданского общества и гражданской нации как источника государственного суверенитета, и, соответственно, функцию легитимации государственной власти. Данная функция формировалась и реализовывалась в специфической форме в разные периоды социальной и политической истории. Помимо значений «член гражданского общества», «член гражданской нации», «член национального государства», относящихся к месту и принадлежности индивида той или иной социальной общности, концепт «гражданин» имеет значение, относящееся к индивиду. Данное значение связано с наделением индивида политической автономией, его публичными политическими правами, свободами и ответственностью, с вовлечением массового индивида в политический процесс, превращением его в социального и исторического субъекта и, прежде всего, в политического актора, участвующего в принятии политических решений и их исполнении.

Историческое значение феномена гражданина заключается в том, что это один из наиболее устойчивых, циклически повторяющихся, динамичных и эффективных политических способов адаптации социальных общностей к внешним и внутренним обстоятельствам изменяющейся среды. Его функциональным назначением является организация политической системы, ее культуры и институтов на основе деятельной самоорганизации индивидов, побуждаемой их стремлением к более высокому социальному статусу, экономической и политической власти и свободе, а также к объединению в политическую общность в целях достижения внутреннего политического и правового порядка и доминирующего положения данной общности среди

других политических образований за счет высокой социально-экономической и политической эффективности. Общий смысл разных форм гражданина в западноевропейской истории состоит в укреплении жизнеспособности данной социально-политической общности людей путем использования личностной формы социальности. Логика и этапы процесса становления феномена гражданина в западноевропейской истории определяются его взаимосвязью с развитием личности. Появление философской концепции естественного права привело к наделению человека высшим онтологическим статусом по отношению к государству и другим социальным и политическим образованиям, к утверждению индивида в качестве источника и носителя неотъемлемых прав и свобод, к возникновению феномена гражданина как меры осуществления прав и свобод человека в данных условиях. Внешние условия определяются институциональным дизайном конкретной страны, внутренние – уровнем развития духовной культуры и личности.

По отношению к индивиду феномен гражданина – социокультурная роль правоспособной личности, члена гражданской общины (гражданского общества) и государства (полиса, средневекового города, нации-государства) и субъекта политических и гражданских прав, к которой индивид стремится и которая предписывается ему культурой и политической системой данного государства в целях поддержания его жизнеспособности. Общая роль гражданина включает набор специфических ролей (функций), обусловленный необходимостью участия личности в воспроизводстве и изменении этой общности. Такое участие связано с развитием определенных внешних и внутренних качеств личности, в том числе со способностью быть носителем политических и гражданских прав. Роль гражданина включает такие ценностные установки индивида как этно- (нации-) центризм, патриотизм, лояльность к государственной власти, обусловленная его публичным участием в управлении государством и неприкосновенностью частной жизни, политико-правовой эгалитаризм внутри общности граждан, активная легитимная защита собственных гражданских и политических прав посредством индивидуальных и коллективных солидарных действий, участие в местном самоуправлении. Гражданин – конкретно-исторический социокультурный феномен, сочетающий устойчивые и изменчивые, структурные и содержательные, универсальные и локальные черты. Процесс обретения гражданской идентичности как результат интернализации и экстернализации, субъективации и объективации ценностно-нормативного содержания, заложенного в социальной роли гражданина, зависит от субъективной способности индивида играть роль гражданина и режима функционирования социальных и политических институтов как особых коммуникативных практик и сетей, в которые он включен.

Анализ политической мысли и социокультурного контекста каждой эпохи позволяет сконструировать и представить теоретические модели исторических типов гражданина: античного, средневекового, эпохи Модерна. Модель гражданина античного полиса воспроизводит способ самоорганизации индивидов, обладающих привилегированным статусом гражданина (*polites*), обязанностями и правами участия в осуществлении прямого демократического правления

посредством такой организации институтов и культуры полиса, которая обеспечивает соучастие народа-гражданина (своих) в коллективном господстве над не гражданами (чужими) путем непосредственного или потенциального насилия над побежденными (рабами). Институциональное измерение модели характеризуется следующими особенностями: тождественность гражданина и полиса как городской общины; построение структуры институтов полиса на основе принципа политического участия граждан, связанного с участием в военной организации полиса; привилегированность статуса гражданина; формальное равенство граждан (перед законом, в занятии должностей и т. д.); дуализм частного и публичного в бытии гражданина; институты полиса функционируют в сочетании двух режимов – внутреннего режима включения/исключения в число граждан и внешнего режима открывания/закрывания, или периодов военной экспансии и политической борьбы демоса за власть.

Ментальную основу модели гражданина составляет этос гражданина – общий дух гражданской общины, культивирующий единство добродетелей гражданина и блага общины, тождество понятий «гражданин» и «цивилизированный человек», превосходство граждан над не гражданами, дифференциацию ценностей по основанию свои/чужие. Личностное измерение модели характеризуется пониманием личности как роли публичного лица, субъекта политики и права.

Теоретическая модель гражданина средневекового города воспроизводит корпоративный способ организации экономической, правовой и политической автономии (самоуправления, власти) городской общины посредством самоорганизации горожан как членов тех или иных корпораций. Институциональное измерение модели характеризуется следующими особенностями: обособлением экономического типа власти по отношению к другим типам власти – сеньориальному, теократическому, феодальному; зависимостью статуса и прав гражданина от сословной и корпоративной принадлежности индивида; многообразием институтов самоуправления как способов участия индивида в жизни общины (коммуна, приход, квартал, гильдия и т. п.); корпоративная модель включенности индивида в общность; участие горожан в деятельности органов муниципального управления и сословно-представительных собраний на уровне государства.

Ментальную основу модели составлял корпоративный этос городской общины, включающий идеал гражданина и сочетающий христианские и корпоративные ценности и нормы: идею зависимости порядка в городе от добродетелей и деятельного участия горожанина, ориентация на нормы городского права, правовая культура, легитимное правосознание и поведение; чувства коммунальной, квартальной, приходской и т. п. солидарности, доверия и ответственности, чувство включенности в городскую корпорацию и страх перед исключением из нее; ценностная дифференциация по основанию свои/чужие в зависимости от принадлежности индивида к городской общине; рассудочно-срединная мораль. Личностное измерение модели характеризуется возникновением противоречия между индивидуальным и корпоративным сознанием, началом становления личности.

Национально-государственная модель гражданина эпохи Модерна реконструирует способ государственной организации нации как политической общности на основе опосредованного участия граждан в управлении государством с помощью системы институтов представительной демократии. Институциональное измерение модели составляют следующие условия: государственный суверенитет, территориальное самоопределение и конституционный строй нации-государства, включающий конституционный статус гражданина; правовое государство и демократический политический режим; институт гражданства; система представительной власти, сочетающая институты партисипаторной, делиберативной и иных форм демократии и прямого народовластия, разделения и децентрализации власти, федерализма и местного самоуправления; парламентаризм; взаимоограничение публичного и частного, естественного (субъективного) и позитивного (государственного) права, государства и гражданского общества.

Ментальную основу модели составляет этос гражданина (гражданственность, или политическая и правовая культура), который включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты и установки: идею неотъемлемых прав человека, равенства перед законом, индивидуализм. «Добродетель» гражданина, достигаемая посредством рефлексии и самоконтроля, является основой автономии личности, она включает доверие индивида к нации и гражданскому обществу (солидарность), готовность к деятельному участию в функционировании институтов местного самоуправления и государственной власти; лояльность граждан к государству, его законам и политико-правовому порядку, законопослушность, предпочтение общего блага личному. Циклично-поступательный взаимопереход массовой и индивидуальной ментальности, ориентированной на этос гражданина, и институтов представительной демократии, который обеспечивается общественным мнением, публикой и прессой (публичной сферой общества), является условием воспроизводства феномена гражданина.

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

2. Фан И. Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина [Текст] / И. Б. Фан. РАН; Урал. отделение. Ин-т философии и права; отв. ред. К. В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 316 с.

3. Фан И. Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149–161.

4. Фан И. Концепт гражданина в политической мысли. Методологические подходы и теоретические модели [Текст] / И. Фан. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. – 412 с.

References

1. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Izd. 3-e, ispr. i dop. – M.: Akademeskij Proekt, 2004. – 992 s.

2. Fan I.B. Ot geroya do statista: metamorfozy zapadnoevropejskogo grazhdanina [Tekst] / I.B. Fan. RAN; Ural. otdelenie. In-t filosofii i prava; otv. red. K. V. Kiselev. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2006. – 316 s.

3. Fan I.B. Teoreticheskaya model' fenomena grazhdanina: sociokul'turnyj podxod // Polis. 2010. № 6. S. 149–161.

4. Fan I. Koncept grazhdanina v politicheskoy mysli. Metodologicheskie podxody i teoreticheskie modeli [Tekst] / I. Fan. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. – 412 c.

UDC 321

THE CONCEPT OF A CITIZEN IN WESTERN HISTORY AND CULTURE

Fan Irina Borisovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

The article considers the basic values and signs of Western European citizen concept – historical, philosophical, political, and ideological. Theoretical models of historical types of citizen - ancient, medieval, modern, opened their main characteristics.

Key concepts:

the concept of a citizen, theoretical model of the citizen, the subject of political and civil rights, civil society, the nation-state, the political culture, the ethos of the citizen, the citizen historical types.

УДК 321

КОНЦЕПТ ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Фан Ирина Борисовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию основных исторических и актуальных значений концепта «гражданин» в российской культуре. Автор показывает основные этапы эволюции данного концепта в российской истории и культуре и специфику его современного значения.

Ключевые понятия:

гражданин, горожанин, посадские люди, мещанин, обыватель, субъект конституционного и гражданского права, политическое участие, нация-государство, номинальное и реальное гражданство, концептуализация.

У русского слова *гражданин*, имеющего общеславянские корни, неоднозначная история [4, с. 112–137]. Оно наполнено смыслами, идущими из разных исторических эпох и традиций, а есть в нем и значения заимствованные. Мы предполагаем, что данное слово в русской социальной и политической практике (за исключением городов-государств XI–XIV вв. – Новгорода, Пскова, ряда др.) не имеет тех познавательно-метафорических истоков, семантической наполненности и истории, какими обладают его европейские аналоги. Поэтому преждевременно ставить знак эквивалентности между русским словом *гражданин*, с одной стороны, и европейскими *civis* (лат.), *citizen* (англ.), *burger* (нем.) и *citoyen* (франц.).

М. Фасмер установил, что слово *гражданин* пришло из церковнославянского языка, оно образовано от слова *градъ* («город») и является калькой

греческого *πολίτης*, а исконно русским считает слово *горожанин* [3, с. 451]. В истории России для обозначения горожан последовательно употреблялись следующие слова: *гражданин* (*старец градской, господин (господарь)* – церковно-славянское и вечевое, X–XII в.), *посадские люди* (XIII–XVII вв.), *мещане* (XVI–XX вв.), *обыватели* (XVIII–начало XX в.). Смысловое ядро всех этих слов группируется вокруг значения «житель города», оно и составляет глубинный, бессознательный пласт ментальности современных россиян. Слово *гражданин* периодически встречалось в русской истории – в «дворянском» языке, в лексике революционеров-демократов, в советских конституциях, где оно получило статус официального термина. Однако в целом понятие «гражданин» в официальном и бытовом употреблении, в законодательных актах государства не имело политического звучания, не обозначало политического аспекта в отношениях верховной власти и отдельного человека вплоть до начала XX в. Политический аспект отношений государства и индивида несло на себе понятие подданного. Термин *гражданин* имел лишь социально-экономическое значение горожанина, представителя городских слоев общества, одного из разрядов общества, находившегося в рамках общегосударственного подданства. Лишь с начала XIX в. в понятие «гражданин» начинает привноситься политический смысл. Но это не итог процесса концептуализации явлений российской реальности, а результат идейных заимствований европейских понятий и революционного опыта (особенно, Великой Французской революции). Одно из направлений заимствований – это линия: А. Н. Радищев, декабристы, революционеры-демократы. Это направление отечественной мысли привело к пониманию гражданина в рамках советской идеологии – как «сознательного строителя коммунизма».

Влияние европейского Просвещения и идеологии либерализма на российских революционеров-демократов, стремящихся к революционному преобразованию действительности, очевидно. С этого момента в российском понятии «гражданин» можно зафиксировать отрыв от реальности. В нем закрепляется, с одной стороны, идеал – в его качестве выступает европейский гражданин, член нации-государства, а с другой – акцентируется не значение законопослушного гражданина как субъекта конституционного и гражданского права, а значение оппозиционера, радикально революционно настроенного по отношению к правительству и государству, культивируется «революционная сознательность». В этой смысловой наполненности слова гражданин – отзвуки веры и личного пути спасения христианских подвижников-аскетов, способных личным подвигом преобразовать (спасти!) мир в космических масштабах. С употребления слова гражданин декабристами и революционерами-демократами начинается процесс, приведший в конечном итоге к подмене понятий, к параллельности миров номинального и реального гражданства. На русское слово *гражданин*, обозначавшее социально-экономический разряд населения, не имевшего юридически строгой и полной фиксации прав и обязанностей, не обладавшего даже полной гражданских прав, фактически не имевшего публично-политического статуса (при слабости городского самоуправления), было наложено понятие гражданина, содержание которого представляло смесь европейских и отечественных либеральных,

революционно-демократических, марксистских и большевистских идей. Однако разрыв идейного содержания понятия «гражданин» и отсутствие этого феномена порождают ситуацию идеологизации, желаемое (идеал гражданина) существовало без всякой связи с действительностью, в отрыве от того социального слоя, который должен составлять социальную базу гражданского общества и правового государства – «среднего класса», мещан, обывателей. Все варианты официального и повседневного употребления слова *гражданин* и его синонимов свидетельствуют об исторической тенденции сдерживания развития его политического аспекта.

История России до XIX в. распадается на два периода, водоразделом которых является утверждение Московского государства (XV–XVI вв.). На протяжении первого периода слово *гражданин* включало и протополитический смысл: *гражданином* в Новгороде, Киеве и ряде других городов именовался человек, участвующий в непосредственном осуществлении власти, в вече. Для второго периода характерно резкое изменение содержания слова: произошла смысловая редукция до значения одного из разрядов городских обывателей.

В советские времена реальность была замещена идеологией, слово *гражданин* официально и повсеместно употреблялось, но его значение зависело от контекста. Да, в известном произведении В.В. Маяковского «Стихи о советском паспорте» было: «Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!» [2, с. 284]. Однако поэт восхищался заграничным паспортом СССР. Союзное гражданство юридически существовало исключительно за пределами СССР, внутри страны оно было юридической фикцией, поскольку существовало гражданство республик в составе союза, и союзное гражданство в таком случае являлось надгражданством. Впрочем, и республиканское гражданство фактически гражданством в европейском смысле не являлось.

Пафос по поводу советского гражданства был составной частью идеологического мифа, навязываемого официальной пропагандой. Вне торжественных мероприятий (актов государственной регистрации гражданского состояния) слово *гражданин* приобрело уголовно-карающий смысл. Гражданином именовали человека, который должен ответить за существующие или приписываемые проступки перед государством. Слово *гражданин* не было знаком причастности к кругу равных, как, например, «товарищ».

Современное понимание слова *гражданин* сохраняет значения прошлого [1], однако всегда есть надежда на изменения в политических институтах, культуре и ментальности людей, на то, что рядовой россиянин будет ощущать себя не только «лицом, принадлежащим государству», но и автономным субъектом политики, права, морали.

1. Авьякян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб.: Юридический центр Пресс. 2003.

2. Маяковский В. В. Стихотворения и поэмы / Составитель, автор статьи и примечаний В. Е. Холшевников. – Лениздат, 1968.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. СПб., 1996.

4. Фан И.Б. Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // Научный ежегодник ИфиП УрО РАН. Вып. 4. Екатеринбург: УрО РАН. 2004. С. 112–137.

References

1. Avyak'yan S.A. Rossiya: grazhdanstvo, inostrancy, vneshnyaya migraciya. SPb.: Yuridicheskij centr Press. 2003.
2. Mayakovskij V.V. Stixotvoreniya i poe'my / Sostavitel', avtor stat'i i primechanij V.E. Xolshevnikov. – Lenizdat, 1968.
3. Fasmer M. E'timologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1. SPb., 1996.
4. Fan I.B. Grazhdanin v kontekste goroda: istoricheskij smysl ponyatiya // Nauchnyj ezhegodnik IfiP UrO RAN. Vyp. 4. Ekaterinburg: UrO RAN. 2004. S. 112–137.

UDC 321

THE CONCEPT OF A CITIZEN IN THE RUSSIAN HISTORY AND CULTURE

Fan Irina Borisovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

The article investigates the main historical and actual values of the concept of “citizen” in Russian culture. The author shows the main stages of the evolution of this concept in Russian history and culture, and the specifics of its current value.

Key concepts:

citizen, “gorozanin”, “posadskie ludy”, “meschanin”, “obyvatel”, the subject of the constitutional and civil rights, political participation, the nation-state, nominal and real citizenship, conceptualization.

УДК 81.1

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

(на примере его предвыборных
выступлений 2016 г.)

Якоба Ирина Александровна,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Факультет Прикладной лингвистики,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры английского языка,
доцент кафедры иностранного языка для технических специальностей №1,
Иркутск, Россия,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является дискурс-анализ предвыборных речей Дональда Трампа сквозь призму дискурсивной технологии «Умная настройка». Деконструкция данных выступлений проведена для подтверждения гипотезы о значимости синергического потенциала дискурсивных сил и лингвокогнитивных механизмов. Выявлены дискурсивные силы взаимодействия в коммуникации, способствующие регулированию степени аттрактивности. Деконструкция успешных медиа дискурсов, направленная на выявление способов аттрактивности, может способствовать не только их анализу, но и технологичному конструированию выступлений.

Ключевые понятия:

аттрактивность, Дональд Трамп, «умная настройка» дискурса.

Данное исследование представляет собой попытку обосновать утверждение, что *сила/власть* дискурса актуализируется посредством взаимодействия дискурсивных сил и лингвокогнитивных механизмов, разработанных в целостную концепцию «умной настройки» дискурса. Целью статьи является выявление действия технологии «Умной настройки» [5; 6] в предвыборных выступлениях Д. Трампа, чтобы понять каким образом, какими дискурсивными средствами и силами сконструирована аттрактивность данного дискурса. Развитие этой идеи ориентирует на выявление причин аттрактивности предвыборных речей Дональда Трампа для уточнения гипотезы о значимости синергического потен-

циала дискурсивных сил и лингвокогнитивных механизмов. Для этого производится деконструкция наиболее ярких высказываний, привлекающих внимание и обсуждаемых адресатом на основе анализа медиатекстов выступлений Д. Трампа [7]. В качестве инструмента исследования мы использовали разработанный в рамках медиалингвистики интегрированный подход к анализу медиа дискурса, сочетающий несколько методов [2, с. 183–185]. Придерживаясь этого подхода, мы, наряду с лингвистическим анализом, сфокусированным на выявление базовых свойств и характеристик текста на разных языковых уровнях, применяем дискурс-анализ, направленный на раскрытие скрытой связи между языком, властью и идеологией, а также когнитивный анализ, решающий вопрос о взаимодействии реальной действительности с ее медийной репрезентацией. Под деконструкцией дискурса подразумевается способ его разбора на составные части и анализ их происхождения с целью понять, как работает целое [1, с. 152].

Составными компонентами «Умной настройки» дискурса в их синергетическом сочетании являются: аттрактивность, модализация, поликодовость, паттернизация дискурса, пенетрационная способность паттернов дискурса, смысловая ритмичность. В данной работе акцент сделан на выявлении аттрактивности в медиадискурсе.

Причиной выбора выступлений Трампа в качестве материала для исследования послужило то, что они оказались, безусловно, аттрактивными для современного американского адресата, поскольку включают актуальные идеи и предложения путей решения проблем, обладают огромным медийным потенциалом, экспрессивны, насыщены разнообразными риторическими приемами, стилистическими и композиционными конструкциями.

Вначале обратим внимание на невербальные аттракторы дискурса Трампа (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Предвыборная речь Д. Трампа в Висконсине.

На фото Трамп стоит на сцене перед своими избирателями, приветствуя их. Жест приветствия, выраженный вытянутой вперед вверх, полусогнутой правой рукой, направленной ладонью от себя, символизирует открытость и уверенность в себе. Предвыборные плакаты на переднем и заднем плане дополнительно подтверждают цель собрания. Факт выбора идентичной цветовой гаммы для плакатов и одежды Трампа – сине-красно-белые цвета – подчеркивает стиль и продуманность деталей. Лозунг «Сделаем Америку великой снова!» служит объединяющим элементом между Трампом и аудиторией, актуализируя механизм единения. Так, в соответствии с технологией «Умная настройка», начинается довербальная активация лингвокогнитивного механизма позиционирования, позже усиленная лингвистическими, экстра- и паралингвистическими факторами.

Рассмотрим сначала его выступление в Висконсине от 16.08.2016 [8]. Данное выступление длилось около 40 минут, но Трампу удалось удерживать внимание аудитории благодаря не только интересной, актуальной теме для своих потенциальных избирателей, но и многочисленным риторическим приемам, стилистическим повторам, эмоциональным паузам и различным интонационным приемам. На протяжении всего выступления он повторяет конструкцию “*It is time*” («*Время пришло*») в различных вариациях: (1) *now it's time for new leadership*. *It is time for our society to address some honest and very difficult truths*. (3) *It's time to stop making the special interests rich*. (4) *It's time to make the American people rich*. (5) *It is time for a different future*.

Трамп не просто ведет адресата за собой, активизируя умную силу дискурса, но и вовлекает его в конструирование потенциального будущего, актуализируя стратегию моделирования альтернативного будущего: (6) *I want to offer Americans a new future. Are you ready for change? I know we can make American Greater Than Ever Before. To do this, we are going to need a fighter in the White House. I will be your fighter, I'm with you, I will fight for you, and I will win for you*. Данный пример показывает, как Трамп на протяжении своего выступления сначала визуализирует желаемое будущее адресату, затем предлагает решиться на перемены, далее показывает возможные способы решения проблем, причем, уточнив, что все проблемы он может решить сам.

Трамп обычно начинает свои выступления с выражения благодарности и сразу переходит к обозначению темы своего выступления: (7) *Thank you. It is great to be with you this afternoon. Today we begin a conversation about how to Make America Safe Again*. Последнее выражение *Make America Safe Again* является перифразой лозунга его предвыборной кампании *Make America Great Again* и высказывания Мартина Лютера Кинга *If America is to be a great nation* [7]. Далее он снова модифицирует его: (8) *Make America Wealthy Again*. В конце речи Трамп опять возвращается к своему базовому лозунгу, дважды его модифицируя: (9) *Together, We Will Make America Strong Again. We Will Make America Safe Again*. Такой прием повтора способствует не только лучшей пенетрации и запоминанию смысла сообщения, но и интенсифицирует его идею создания сильной американской нации.

Хорошо изучив потребности своего электората, Трамп в выступлении от 15.09.2016 [9] перечисляет основные, на его взгляд, проблемы американцев,

указывает, как они могут быть решены, многократно используя модальный оператор возможности: (9) *Jobs can stop leaving our country, and start pouring in. Failing schools can become flourishing schools. Crumbling roads and bridges can become gleaming new infrastructure. Inner cities can experience a flood of new jobs and investment. And rising crime can give way to safe and prosperous communities.*

Сравним ключевые слова из выступлений Трампа, которые повторяются чаще 10 раз¹. В выступлении Трампа «Foreign Policy Speech» всего 3950 слов, среди которых слова *new, terrorism, president* повторяются 18 раз, *country* – 16 раз, *immigration, radical, Iraq* – 12 раз, *people* – 11 раз.

В выступлении Трампа «How to make our communities safe again from crime and lawlessness» всего 2886 слов, среди которых наиболее частотны следующие слова: *people* – 27 раз, *country* – 26 раз, *Hillary Clinton* – 21 раз, *crime* – 13 раз, *american* – 13 раз, *jobs, new, future* – 10 раз.

В выступлении Трампа «Speech on Jobs and the Economy» всего 3038 слов, среди которых чаще повторяются: *jobs* – 32 раза, *new* – 26 раз, *american* – 25 раз, *country* – 20 раз, *plan* – 20 раз, *trade* – 18 раз, *tax* – 17 раз, *people* – 15 раз, *growth* – 12 раз, *energy* – 10 раз.

Таким образом, можно заметить, что независимо от тематики выступлений, среди наиболее частотных лексем во всех выступлениях присутствуют такие ключевые слова, как *country, american, people, Hillary Clinton*. Отметим, что концепт *народ* является одним из базовых концептов политического дискурса и часто используется как инструмент политической манипуляции. Апелляция к народу придает аттрактивность медийному дискурсу Трампа, внушает американцам чувство единого целого [3]. Делая акцент на значимости народа, Трамп не только конструирует основу для создания впечатления обеспокоенностью судьбой народа, но и для положительного восприятия своей кандидатуры как патриотически настроенного кандидата в президенты. Например, (10) *In the course of this campaign, I have travelled all across this country and I've met the most amazing people.* (11) *Politicians have abandoned these places all over our country and the people who live there.* (12) *Worse still, politicians have heaped scorn and disdain on these wonderful Americans.* (13) *People who work hard but don't have a voice. These are the forgotten men and women of America. I am running to be their voice, and to fight to bring prosperity to every part of this country.*

В то же время, множественное упоминание своего политического оппонента Хилари Клинтон свидетельствует о проявлении характерной черты американского менталитета – стремления к конкуренции. Причем для Трампа, как и для многих американцев, вполне нормальным считается оперирование бинарной оппозицией «я – хороший, другие – плохие». Это, в частности, проявляется в актуализации стратегии демонизации врага, когда постоянно сравнивается «хороший» Трамп и «плохая» Клинтон. Например, (14) *My opponent described tens of millions of American citizens as deplorable and irredeemable –*

¹ При подсчете ключевых слов мы воспользовались программой «Оптимизатор текста», которая работает онлайн по ссылке <http://www.seotxt.com/service/optimizer/>.

how can Hillary Clinton seek to lead this country when she considers its citizens beyond redemption? (15) I will be your fighter. To defeat crime and Radical Islamic Terrorism in our country, to win trade in our country, you need tremendous physical and mental strength and stamina. Hillary Clinton doesn't have that strength and stamina. She cannot win for you. (16) On education, it is time to have school choice, merit pay for teachers, and to end the tenure policies that hurt good teachers and reward bad teachers. We are going to put students and parents first. Hillary Clinton would rather deny opportunities to millions of young African-American children, just so she can curry favor with the education bureaucracy.

В процессе деления своих выступлений на четкие паттерны, представляющие оппозиционные точки зрения, противопоставляя позитивный характер своей деятельности негативным аспектам деятельности своего главного политического соперника, Хиллари Клинтон, Трамп актуализирует механизм позиционирования: *(17) My opponent described tens of millions of American citizens as deplorable and irredeemable – how can Hillary Clinton seek to lead this country when she considers its citizens beyond redemption? The hardworking people she calls deplorable are the most admirable people I know: they are cops and soldiers, teachers and firefighters, young and old, moms and dads, blacks, whites and Latinos – but above everything else, they are all American.*

В рассматриваемых примерах синергичность технологии «Умная настройка» дискурса сконструирована на взаимодействии умной силы и лингвокогнитивных механизмов инспирации, позиционирования, приемов драматизации и гиперболизации. Трамп не просто ведет адресата за собой, активизируя «Умную настройку» дискурса, но вовлекает его в конструирование потенциального будущего, актуализируя стратегию моделирования альтернативного будущего.

1. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.

2. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22. с. 181–188.

3. Рогачёва Т.Н. Концепт «народ» в политическом дискурсе web-пространства // СДА, 2015. выпуск 12. с. 39–44. [Электронный ресурс]. URL: www.discourseanalysis.org/ada12/ (дата обращения: 13.02.2016).

4. Трамп поборется за пост президента США» [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2015/06/16/another_one/ (дата обращения: 13.02.2017).

5. Якоба И. А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 242 с.

6. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса: смысловитмическое моделирование (Статья) // Научный журнал «Сибирский филологический журнал». 2016. № 1. С. 126–136.

7. Martin Luther King, Jr. I Have a Dream [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkhaveadream.htm> (дата обраще-

ния: 15.11.2016).

8. Donald Trump campaign speech in Wisconsin [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095> (дата обращения: 13.09.2016), Donald Trump's Speech West Bend, Wisconsin [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5qYf7uRGruY&index=2&list=PLs6KnRgyeUx7hZw7VH3-to0r2cy_oSh9B&t=1701s (дата обращения: 13.09.2016).

9. Donald Trump's Speech on Jobs and the Economy [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/4495507/donald-trump-economy-speech-transcript/> (дата обращения: 13.02.2017), Full Event: Donald Trump Full Economic Speech at the Economic Club of New York (9/15/2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QkjGcP54OX4> (дата обращения: 13.02.2017).

References

1. Derrida Zh. O grammatologii / Per. s fr. i vst. st. N. Avtonomovoj. M.: Ad Marginem, 2000. – 512 s.

2. Dobrosklonskaya T.G. Massmedijnyj diskurs kak ob"ekt nauchnogo opisaniya // Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. 2014. № 13 (184). Vypusk 22. s. 181–188.

3. Rogachyova T.N. Koncept «narod» v politicheskom diskurse web-prostranstva // SDA, 2015. vypusk 12. c. 39–44. [E'lektronnyj resurs]. URL: www.discourseanalysis.org/ada12/ (дата обращения: 13.02.2016).

4. Tramp poboretsya za post prezidenta SShA» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://lenta.ru/news/2015/06/16/another_one/ (дата обращения: 13.02.2017).

5. Yakoba I.A. Vlast' diskursa: modelirovanie diskursivnogo vzaimodejstviya. Monografiya. – Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2016. – 242 s.

6. Yakoba I.A., Timofeev S.S. Lingvokognitivnye mexanizmy umnoj nastrojki diskursa: smysloritmicheskoe modelirovanie (Stat'ya) // Nauchnyj zhurnal «Sibirskij filologicheskij zhurnal». 2016. № 1. S. 126–136.

7. Martin Luther King, Jr. I Have a Dream [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkihadream.htm> (дата обращения: 15.11.2016).

8. Donald Trump campaign speech in Wisconsin [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095> (дата обращения: 13.09.2016), Donald Trump's Speech West Bend, Wisconsin [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5qYf7uRGruY&index=2&list=PLs6KnRgyeUx7hZw7VH3-to0r2cy_oSh9B&t=1701s (дата обращения: 13.09.2016).

9. Donald Trump's Speech on Jobs and the Economy [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://time.com/4495507/donald-trump-economy-speech-transcript/> (дата обращения: 13.02.2017), Full Event: Donald Trump Full Economic Speech at the Economic Club of New York (9/15/2016) [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QkjGcP54OX4> (дата обращения: 13.02.2017).

UDC 81.1

DECONSTRUCTION OF DONALD TRUMP DISCOURSE (On Example of His Pre-Election Speeches in 2016)

Yakoba Irina Alexandrovna,

Irkutsk National Research Technical University,
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of Foreign languages department №1 for technical specialties,
Faculty of applied linguistics,
Irkutsk, Russia,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Annotation

The aim of the article is discourse-analysis of the presidential campaign speeches of Donald Trump through discourse technology “Smart tuning”. These speeches deconstruction is carried out to prove the hypothesis of the significance of synergy potential of discourse powers and linguo-cognitive mechanisms. The discourse powers of interaction in communication are identified as they promote regulation of discourse attractiveness. The deconstruction of successful media discourses that is aimed at revealing the means of attractiveness may help not only analyze them but construct technologically effective speeches.

Key concepts:

attractiveness, Donald Trump, “Smart tuning” of discourse.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титульная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
 - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
 - аннотацию (до 900 печатных знаков);
 - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
 - the article title;
 - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
 - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
 - abstract (up to 900 characters);
 - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС